

Юрий Михайлович Плюснин

Кандидат биологических наук, доктор философских наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Автор более 250 научных работ, в том числе 15 монографий, 15 брошюр и учебно-методических изданий в области местного самоуправления, социологии управления, философии и социологии науки, социологии образования, кризисной социологии, социальной психологии, психологии и поведения человека, философии социальной биологии, этологии, популяционной экологии.

Промыслы российской провинции:
неформальные экономические
практики населения

Ю.М. Плюснин

МОНОГРАФИИ
ВШЭ

Высшая
школа
экономики

Национальный
исследовательский
университет

Промыслы русской провинции: неформальные экономические практики населения

Ю.М. Плюснин

МОНОГРАФИИ ВШЭ
**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Промыслы российской провинции

Неформальные
экономические
практики населения

Ю.М. Плюснин

Издательский дом
Высшей школы экономики
МОСКВА, 2024

Материалы получены в ходе проведения исследований в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. (грант № 17-01-0027 «Архаические элементы в структуре современного российского общества») и 2019–2020 гг. (грант № 19-01-067 «Промыслы провинции: неформальные экономические практики населения») и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации (Проект 5–100).

Представлены также материалы ранее проведенных исследований по проекту «Социальная структура российского провинциального общества», осуществлявшемуся на пожертвования Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» в 2011–2015 гг. (проекты № 2011-002, № 2013-007).

Рецензенты:

д.социол.н., профессор кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ

С.Ю. Барсукова;

к.э.н., директор Центра аграрных исследований РАНХиГС

А.М. Никулин

Плюснин, Ю. М.

П40 Промыслы российской провинции: неформальные экономические практики населения [Текст] / Ю. М. Плюснин; под науч. ред. С. Г. Кордонского; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 264 с. — (Монографии ВШЭ: Социально-экономические науки). — 600 экз. — ISBN 978-5-7598-2931-7 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4058-9 (e-book).

Эмпирическое социологическое исследование неформальных хозяйственно-экономических практик (промыслов) провинциальных российских домохозяйств охватывает около четверти регионов страны. Выявлены и описаны виды промысловых практик и основные ресурсы, привлекаемые для осуществления экономической деятельности населения. Специальное внимание уделено древним (архаическим) промыслам и их сопоставлению с современными промыслами, базирующимися на разных источниках ресурсов. Соотношение разных видов промыслов определено как основное условие устойчивости местных обществ. Описаны тенденции как селитебной специализации промыслов, так и промысловой специализации отдельных общин и населенных пунктов в составе местных обществ. Разработана типология промыслов.

Книга адресована социологам, экономистам, специалистам в сфере публичного управления, а также может быть использована в качестве учебного пособия для студентов соответствующих специальностей.

УДК 316.334.2(316.334.55/56)

ББК 60.561.2

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики

<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2931-7

ISBN 978-5-7598-2931-7 (в пер.)

ISBN 978-5-7598-4058-9 (e-book)

© Плюснин Ю.М., 2024

Оглавление

Благодарности	8
Введение	10
Глава 1. Провинциальное местное общество.	17
1.1. Местное общество	18
1.2. Типология местных обществ	23
Глава 2. Методология	29
2.1. Методология и метод	29
2.2. Эмпирические материалы	35
Глава 3. Формальная и неформальная экономики провинции	41
3.1. Две экономики провинции	42
3.2. «Первая экономика»	45
3.3. «Вторая экономика»	48
3.4. Связь неформальных хозяйственных практик с селитебной структурой	55
Глава 4. Местная формальная экономика	60
4.1. Бюджетная сфера	60
4.2. Сфера материального производства	67
4.3. Сфера услуг	69
Глава 5. Домашние промыслы.	75
5.1. «Ресурс» как критерий классификации промыслов	77
5.2. Архаические и современные промыслы	86
5.3. Многообразии домашних промыслов населения	98
5.4. Промысловые практики в разных местных обществах	102

5.5. Промысловые практики в отдельных общинах и поселениях	111
5.6. Модель «промысловой эволюции»	117
Глава 6. Малый бизнес и индивидуальное предпринимательство	126
6.1. Малый бизнес	126
6.2. «Гаражная экономика» и теневое индивидуальное предпринимательство	129
Глава 7. Архаическая экономика: отходничество	135
7.1. Специфика внутренней возвратной трудовой миграции	136
7.2. Отходничество в имперской России	138
7.3. Короткая история отходничества в советский период	144
7.4. Два периода развития современного отходничества	148
7.5. Состав современных отходников	153
7.6. Характерные черты современного отходника	157
7.7. Отходничество как новый экономический политический фактор	161
Глава 8. Архаическая экономика: «рассеянные мануфактуры»	168
8.1. История «рассеянной мануфактуры»	169
8.2. Признаки классической и современной российской «рассеянных мануфактур»	173
8.3. Особенности организации «рассеянных мануфактур»	177
8.4. Общие черты современных «рассеянных мануфактур»	186
8.5. Концепция промысловой и технологической уникальности	190
8.6. О причинах реновации архаических экономических институтов — отходничества и «рассеянных мануфактур»	193

Глава 9. Типы обществ и виды промыслов.	197
9.1. Тип изолированных обществ естественного развития	201
9.2. Тип изолированных обществ принудительного развития	205
9.3. Типы «ординарных» обществ естественного и принудительного развития	209
9.4. Тип «турбулентных» обществ естественного развития	215
9.5. Тип «турбулентных» обществ принудительного развития	218
9.6. Типические различия промысловых практик	220
Заключение. Десять преимуществ неформальных промысловых практик в жизнеобеспечении домохозяйств	226
Приложение	231
Библиография	248

Благодарности

Инициатива моих исследований промысловых практик населения провинциальных местных обществ исходила от проф. С.Г. Кордонского и коллеги А.Б. Павлова. Начиная с 2015 г., когда на семинаре Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» они обратили особое внимание на промысловые практики домохозяйств, я осуществляю полевые наблюдения этой хозяйственной деятельности населения. В течение всех последних лет мы вели напряженные дискуссии по данной проблематике на ежегодных семинарах Фонда, что помогло мне уточнить многие специальные вопросы по этой теме. Ряд статей, которые предшествовали монографии и материалы которых использованы здесь, были опубликованы мной с С.Г. Кордонским совместно.

Эмпирические материалы собирались во время проведения 47 экспедиций, большинство из которых финансировалось Научным фондом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и программой «Открываем Россию заново». Два проекта Научного фонда НИУ ВШЭ были специально посвящены моим исследованиям промысловых практик населения: проект № 17-01-0027 «Архаические элементы в структуре современного российского общества» в 2017–2018 гг. и проект № 19-01-67 «Промыслы провинции: организация неформальных экономических практик населения» в 2019–2020 гг. Несколько экспедиций программы «Открываем Россию заново» НИУ ВШЭ были специально посвящены изучению неформальных хозяйственных практик населения в 2017–2019 гг. Я привлекал к участию студентов, аспирантов и молодых преподавателей университета. К настоящему времени это большая группа исследователей, насчитывающая полторы сотни человек. Среди них считаю необходимым особо отметить с благодарностью за участие в нескольких экспедициях и обсуждение вопросов А.А. Позаненко, О.А. Моляренко, Л.Г. Романову, С.С. Селева, В.М. Плюснина, Г.А. Сталинова, А.В. Гришечкина, М.С. Оляну-

ка, О.Д. Писарева, Е.В. Степанову, И.Д. Иващенко, И.И. Зарипова, А.С. Пьянову, А.С. Шукюрова, Г.А. Клименко.

Кроме того, часть материалов была получена с привлечением средств Фонда социальных исследований «Хамовники» в 2016–2018 гг. (проект № 2016 001 «Этно-социальный потенциал территории: жизненные установки и экономическое поведение населения Еврейской автономной области»), а также по результатам проекта «Социальная структура российского провинциального общества», осуществлявшегося на пожертвования Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» в 2011–2015 гг. (проекты № 2011-002, № 2013-007).

Введение

Провинциальный промысел — это прежде всего самостоятельная хозяйственно-экономическая активность домохозяйства, использующая собственные средства и технологии и направленная на жизнеобеспечение (выживание) семьи и достижение иных, как правило социальных, целей. Это определение акцентирует внимание на преимущественно неформальном характере промысловой деятельности населения, включающей нерыночные обмены, имеющей главным образом не экономический, а хозяйственный акцент и связанной с низовой структурой локального сообщества (см. также: [Павлов, Селеев, 2015, с. 26]).

Неформальная занятость (самозанятость) российского населения в постсоветский период приобрела очень значительные масштабы. Они особенно внушительны в провинциальных местных обществах, где от 1/3 до 1/2 и более всего трудоспособного населения занято не в местной экономике, а обеспечивает себя за счет промыслов самого разного вида (см.: [Плюснин и др., 2013], здесь же мы даем развернутое определение самозанятых отходников, с. 14–26). Между тем, несмотря на понимание масштабов и значения самозанятости в среде экономистов и социологов, до сих пор не существует детализированного эмпирического описания видов и форм промысловой активности населения, находящейся вне поля формальной экономики. Одна из главных причин этого состоит в необходимости изучения таких практик на основе непосредственных наблюдений, поскольку статистическими методами и анкетными опросами многообразие промысловых практик провинции не может быть выявлено.

Проблема также заключается в систематизации форм и видов промыслов домохозяйств провинциальных местных обществ и в типологии промысловых практик в зависимости от региона и вида поселения (деревня, село, город) и, соответственно, основной занятости населения. Безусловно, важна и география местности, эко-

лого-климатические условия, которые определяют специфические виды промысловых практик, их распространенность на территории. До середины прошлого века исследований кустарных промыслов было очень много, тем не менее систематического описания промыслов до сих пор нет. Да и сам я мои собственные попытки систематизации промысловой активности населения не рассматриваю как успешные, поскольку не определен исчерпывающий список критериев и не выделены единые основания. Слишком разнообразны практики, физические, экономические и социальные условия их реализации. Требуется более широкие эмпирические исследования.

Между тем и в наше время эта неформальная хозяйственно-экономическая активность очень масштабна и многообразна. Во многих случаях она является основным или единственным источником жизнеобеспечения многих домохозяйств, особенно в провинции. При этом такая активность, оставаясь во многом неформальной и теневой, вызывает все большее беспокойство органов государственной и местной власти, фискальных институтов. Самые яркие последние примеры — проблема двух десятков миллионов российских отходников (внутренних возвратных трудовых мигрантов) [Plusnin et al., 2015] и, шире, всего самозанятого населения, численность которого даже официальной статистикой оценивается теперь в более чем 40 млн человек: *«Тут накопилась масса негативных явлений. В России из 86 млн граждан трудоспособного возраста только 48 млн работают в секторах, которые нам видны и понятны. Где и чем заняты все остальные, мы не понимаем»* [Второе пленарное заседание..., 2014]). Подавляющая часть этих самозанятых работников, как бы отсутствующих в местной экономике, занята как раз промыслами.

Исследования промысловых практик населения, особенно неформальной хозяйственно-экономической активности, необходимо разделить на три отчетливо различающихся периода:

- 1) примерно до середины XX в., когда исследования были многочисленны, отражая масштабность промысловой активности крестьянского населения Российской империи и СССР;
- 2) послевоенный советский период, для которого характерно практически полное отсутствие исследований;

3) постсоветские годы — период возобновления исследовательского интереса к неформальным экономическим практикам населения.

В первый период дореволюционная и советская довоенная промышленная активность (кустарное производство) и кооперативное движение населения России были масштабны и превосходили, по многим оценкам, аналогичную экономическую активность населения во всех других государствах Европы (см., например: [Торгово-промышленная Россия, 1899; Кустарная промышленность России..., 1913; *The Cambridge Economic...*, 1978; Кулишер, 2004; Гиндин, 1925; Минц, 1926; 1929; Владимирский, 1927; Blum, 1992; Водарский, Истомина, 2004; Павлов, Селеев, 2015]). Однако с середины XX в. такие исследования прекратились, что стало прямым следствием целенаправленного разрушения самостоятельной промышленной активности населения, включая кустарное производство и промышленную кооперацию [Blum, 1992; Селеев, Павлов, 2016]. В постсоветский период, особенно начиная с 2000-х годов, такие исследования возобновились, что, по-моему, в равной степени вызвано как кризисными явлениями в российской экономике [Був, 2010; Чепуренко, 2008; Алимова и др., 2011; В тени регулирования..., 2014], так и новыми мировыми тенденциями в экономике, в частности распространением неформальной, неполной и негарантированной занятости [Скотт, 1999; Ильин, 2010; Барсукова, 2003б; 2004; 2016; *Linking the Formal...*, 2006; Коклан и др., 2010; Стэндинг, 2014; Collier, 2013; Dekkers, Bennett, 2009; Barsukova, Radaev, 2012; Kostakis, Bauwens, 2014; Kühnle, Bitsch, 2015; Wopp, 2010; *The Global Encyclopedia...*, 2018; Plusnin et al., 2015].

Эти три последних аспекта занятости (распространение неформального, неполного по продолжительности труда и отсутствие гарантированной оплаты), безусловно, предполагают нарастание интересов исследователей к промышленным практикам населения. Тем более что такие хозяйственно-экономические практики в провинциальной России многообразны и широко представлены. Несомненно, важно и то, что они по преимуществу являются неформальными (теневыми, в том числе и незаконными) способами жизнебе-

спечения населения и составляют до половины и более совокупного дохода среднего домохозяйства.

На разных территориях промыслы сильно разнятся в зависимости от природных условий (лесные, водные или земельные ресурсы, эколого-климатические условия), от социально-демографических (плотность населения и характер его расселения), социально-экономических (специализация местных экономик, исторически сложившиеся основные модели жизнеобеспечения домохозяйств и т.п.), инфраструктурных (транспортная, промышленная, энергетическая, селитебная и коммунальная структура), а также и от социально-политической ситуации (возникновение критических явлений в экономике и сопровождающие их политические кризисы, жизнь в условиях мобилизации).

В результате действия специфической совокупности условий на отдельных территориях формируются специфические же, нередко уникальные, виды промысловых практик. Исследования нашей группы, осуществляемые под руководством С.Г. Кордонского, позволили выявить и описать такие специализированные и массовые виды промыслов, как отходничество [Плюснин и др., 2013; Plusnin et al., 2015], «рассеянная мануфактура» [Кордонский, Плюснин, 2018; Plusnin, Kordonsky, 2020], «гаражная экономика» [Павлов, Селеев, 2015; Селеев, Павлов, 2016], архаические и современные промыслы на основе добычи и использования натуральных и инфраструктурных ресурсов [Плюснин, 2018a или б: 2022], особые практики «народного освоения» государственных ресурсов [Кордонский, 2000; Вахитов, 2017].

Предмет данного исследования — промысловая активность домохозяйств в провинциальных местных обществах: в малых и средних городах, их пригородах, и в сельской местности России, где население в силу низких денежных доходов при формальной занятости вынуждено искать разнообразные иные источники дохода. Поэтому объектом исследования стали не отдельные домохозяйства, а местные общества и общины в их составе. В силу этого в следующей главе я определяю концептуальные рамки, охватывающие промысловые практики домохозяйств в контексте локальных социальных взаимодействий. Эмпирическим основанием реализации

этого проекта явились мои полевые социологические исследования последних двух десятилетий, позволившие сформулировать несколько взаимосвязанных гипотез, проверяемых в данной работе.

Базовой (исходной) гипотезой является предположение, что формы и виды промысловой активности домохозяйств различаются в зависимости от типа и масштаба поселений. Как было показано нами ранее [Плюснин и др., 2013; Plusnin et al., 2015], отхожие промыслы (возвратная трудовая миграция) характерны преимущественно для сельской местности и таких малых городов, которые фактически являются селами вследствие полного отсутствия местного рынка труда в последние 30 лет. В малых городах (в том числе моногородах), где в советские годы имелось специализированное производство, сформировались такие своеобразные виды промысловой активности, как «рассеянные мануфактуры». В провинциальных средних и крупных городах, где местный рынок сравнительно развит, но недостаточен для полной занятости населения, сформировалась «гаражная экономика» — промыслы, реализуемые на базе гаражных кооперативов. На фоне этих хотя и массовых, но специфических архаических промысловых практик повсеместно присутствуют разнообразные промыслы домохозяйств, практикуемые на месте, дома (поэтому я условно называю их домашними промыслами). Они осуществляются с использованием самых разных видов ресурсов.

Второй гипотезой является предположение, что на уровне провинциальных местных обществ в целом поддерживается многообразие форм промысловой активности, хотя отдельные домохозяйства и специализируются в разных видах промыслов. Таким образом, в сообществе сосуществуют как традиционные, архаические виды промыслов, так и современные, вновь создаваемые на основе новых ресурсов. Предполагается, что это обеспечивает хозяйственно-экономическую устойчивость местного общества.

Третья гипотеза заключается в предположении, что хозяйственно-экономическая активность каждого домохозяйства имеет тенденцию к специализации в одном или немногих видах промыслов. Выбор домохозяйством одной или немногих видов промыслов обусловлен двумя факторами: снижением трудозатрат и ростом мар-

жинальности. В случае, если это приносит сколько-нибудь ощутимую выгоду, домохозяйство начинает специализироваться, оставляя другие виды практик. Возможна иррадиация наиболее выгодных и наименее трудоемких практик сначала в границах отдельных поселений, затем в границах общин и целых местных обществ. В результате этого происходит промысловая специализация: большинство домохозяйств местного общества заняты одними и теми же немногими видами промыслов. Со временем специализация снижает экономическую устойчивость таких обществ и сопротивляемость неблагоприятным внешним воздействиям. Предполагаю, что это одна из причин появления «выморочных» поселений уже в наше время, в последние 30 лет постсоветского периода. Устойчивость снижается сильнее, и «вымораживание» поселений происходит быстрее в случае специализации местных обществ в современных видах промыслов. В случае же сохранения архаических видов промыслов, даже если большинство домохозяйств специализируются в них, местные общества сохраняют значительную устойчивость к неблагоприятным внешним воздействиям.

В соответствии с этими тремя выдвинутыми гипотезами, мной планировались следующие основные результаты, зафиксированные в качестве задач исследования:

- 1) доказательство промысловой специализации обществ в зависимости от типа поселений;
- 2) доказательство сочетанности архаических и современных видов промыслов;
- 3) доказательство предположения, что хозяйственно-экономическая активность каждого домохозяйства имеет тенденцию к специализации, а это в результате приводит к промысловой специализации всего местного общества и может стать причиной его социальной деградации и снижения устойчивости к внешним воздействиям.

Помимо теоретической значимости работы — описательного и объяснительного характера исследований — я вижу и немалую практическую ее значимость. Это обусловлено масштабностью явления неформальной промысловой активности населения, ее жизненной значимостью для людей. Кроме того, результаты могут

иметь значение для практики государственного и муниципального управления, во-первых, хотя бы в силу их фискальной ценности, а во-вторых, как основное условие и база для развития индивидуального предпринимательства, малого и среднего бизнеса. Исследование многообразия и уникальности таких промысловых практик позволяет, в интересах государственного управления, дать оценки социально-экономической и социально-политической устойчивости провинциального российского общества в ситуации складывающихся на наших глазах перманентных внешних угроз и возрастания внутренних экономических и социально-политических рисков. Насущная необходимость перехода не только к мобилизационной экономике, но и к мобилизационному управлению требует особо высокой устойчивости «низового общества». А именно практики жизнеобеспечения, относительно независимые от формальной экономики, и являются, по моему мнению, той основой, которая обеспечит социальную и политическую стабильность нашего общества.

Глава 1

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО

«Провинциальное общество» есть, по сути, всего лишь отвлеченная социологическая конструкция, определяемая в терминах периферии и центра (см. подробнее: [Плюснин, 2022, с. 24–27]). Как таковое оно не является ни обозримым, ни целостным, ни даже реальным объектом. Это лишь совокупность множества локальных сообществ. При этом само сообщество есть также лишь в ограниченной степени целостный объект, поскольку состоит оно всегда из нескольких общин. В редких особых случаях сообщество состоит из одной общины. Каждое такое локальное общество связано со своими соседями в значительной, малой или почти никакой (исчезающе малой) степени. Чем выше степень пространственной изоляции, тем более целостным, самодостаточным представляется сообщество и тем оно все больше приближается к одной-единственной общине. Когда, напротив, разнообразные связи очень сильны, локальное сообщество почти растворяется в своих соседях и выделить его как особость, определить, где проходят границы (помимо административных) территориальные и социальные, практически не представляется возможным. Такие, почти «растворенные» сообщества невозможно выделить как отдельность, как особый социальный объект, если только не обращаться к социальной самоидентификации их членов (по проблеме социальных границ см. специально: [Tajfel, Turner, 1979; Social Identity and Intergroup..., 2010; Gowland, Thompson, 2013]).

Напротив, более содержательным понятием является «провинциальное местное общество». Я определяю его как территориально организованную совокупность общин, члены которых связаны род-

ством, соседством и реципрокной поддержкой, обитают на общей, контролируемой собственными силами территории и ведут экономическую деятельность, основу которой и составляет неформальная экономика (промыслы), на принципах кооперации и координации (более подробно дефиниция местного общества представлена в [Плюснин, 2022, с. 27–28]). Отдельные общины поддерживаются механизмами самоорганизации, а их базовые институты сохраняют архаические элементы в значительной степени. Прочность связей между общинами обеспечивается исторической общностью и государственными административными механизмами. В связи со сказанным необходимо определить популяционный, территориальный, а также пространственный и административный аспекты организации местного общества.

1.1. Местное общество

Первым ключевым вопросом о провинциальном местном обществе является вопрос о его составе. Я называю это проблемой социально-территориальной организации [Плюснин, 2022, с. 35–39]. Любое местное общество составлено из нескольких территориальных общин, в предельном случае (обычно изолированном) образовано одной общиной. Провинциальная община, не только сельская, но и городская (что специфично именно для российских условий), является самоорганизующимся объединением домохозяйств, связанных соседско-родственными, реципрокными социальными, кооперативными хозяйственными и эмпатийно-чувственными отношениями, а в более широком социальном масштабе — принадлежностью к одной культуре. Самосознание членов такого самоорганизованного сообщества, общины, полагает себя локальным единством, тем самым ассоциируя контролируемую ими территорию с «малой родиной».

Большинство современных местных обществ состоит не из одной общины, а из одного-двух десятков общин. Обычно община конституируется в составе не одного населенного пункта, а *куста* нескольких небольших поселений. Отдельными поселениями община бывает представлена в центре и на юге Европейской России,

на Урале, на юге и крайнем севере Сибири. Такие отдельные поселения-общины достаточно велики, нередко их численность составляет от нескольких тысяч до полутора десятков тысяч человек. Община-поселение может контролировать территорию от нескольких квадратных километров (на юге) до нескольких десятков квадратных километров (в центре). Иначе дело обстоит на Русском Севере и на западе России. Здесь община состоит из куста деревень, который называется «округой», или «сельской округой» (ранее просто «округа» или «куст»); это несколько деревень и сел (до нескольких десятков), тесно связанных территориально, исторически и экономически. Обычно «куст» или «округа» представлены жителями, находящимися в разных степенях родства, поскольку подавляющее большинство их проживает безвыездно на территории в течение нескольких поколений. Различия в первом и втором случаях — между общинами, состоящими только из одного поселения и общинами-«кустами», включающими несколько небольших деревень, — обусловлены большей численностью поселений и меньшей контролируемой площадью территории центральных, южных и сибирских деревень по сравнению с северными и западными, а также более развитой транспортной инфраструктурой первых. Современная провинциальная российская община сохраняет важнейшие признаки традиционной общины, выделенные еще Ф. Теннисом [Toïnnies, 1887, S. 17]. Общины одного местного общества связаны между собой исторически и административно. Административное единство в большинстве случаев просто наследует исторические связи. Кроме того, связь упрочена и церковной структурой. Так что локальное общество в организационном отношении пространственно скреплено, как и прежде, родственно-соседскими связями, а в дополнение к ним — государством и церковью.

Многие местные общества в составе их общин имеют длительную историю существования и давно сложившиеся, исторически обусловленные границы. Очень часто и современные административные границы были установлены в соответствии с исторически сложившимися границами между издавна существующими местными обществами или сами местные общества формировались и вырастали в административных границах, создаваемых государ-

ством по резонам экономическим или географическим (как на Урале и в Сибири и особенно на Дальнем Востоке России). Так что нередко оба типа границ, исторические и административные, совпадают.

Община есть социальная целостность, единство, сформированное на «*крови и почве*». Она существует актуально как часть локального общества или может быть, при определенных условиях, самодостаточной самоорганизующейся и самоуправляющейся системой. Местное общество есть совокупность — композиция — общин, но не всегда оно есть целостное социальное образование.

Второй и третий вопросы, о пространственных границах и территории, естественно вытекают из вопроса о численности местного общества. Только в двух случаях эта задача легко разрешима: в случае полной пространственной изоляции сообщества и в случае наличия непреодолимой физической границы, отделяющей конкретное сообщество от соседей. Но обычно оба случая совпадают. Любое местное общество создает и имеет границы постольку, поскольку оно существует в физической среде, в пространстве, и граница, отделяющая часть пространства от всего остального, превращает это пространство в территорию. Территория есть неперемное условие существования сообщества и жизнедеятельности его членов, поскольку ее размеры зависят от минимально необходимого количества ресурсов, собираемых или производимых для жизнеобеспечения и воспроизводства членов сообщества. Граница задает (определяет) также и территориальную структуру сообщества. А эта последняя, в свою очередь, конституирует сообщество как целостную отдельность. Поэтому территория и ее граница есть обязательный исходный пункт как для состава, так и для структуры любого сообщества. Собственно говоря, территория и создает общину (ср.: [Мердок, 2003, с. 106–108]).

Можно предположить, на основе как эмпирических, так и теоретических соображений, что минимальный размер местного общества составляет не менее 100–500 человек, включая все возрастные когорты (20–150 домохозяйств). Максимальный размер указать гораздо труднее: по моему мнению, это может быть примерно 20–30 тыс. человек (7–10 тыс. домохозяйств). Вероятно, что локальное единство и способность к самоорганизации после этого начинают

быстро утрачиваться и при численности более 40–50 тыс. человек такое единство локальности и взаимная поддержка могут уже слабо ощущаться и самими членами сообщества. Тогда утрачивается локальность вместе с целостностью, то есть утрачивается способность к спонтанной самоорганизации и самоуправлению (обоснование этих расчетов см. подробнее в [Плюснин, 2022, с. 28–32]). На этих масштабах численности необходимы внешние скрепы, которые и предоставляет предназначенный для этого институт государства (ср.: [Johnson, Earle, 1987; Carneiro, 1981; State Formation and Political..., 1988; Крадин, Лынша, 1995]). Соотнеся сделанные мной оценки с эмпирическими данными, следует указать реалистичные пределы: 100–500 взрослых индивидуумов есть нижняя граница, 40 тыс. человек (включая детей) есть граница верхняя; 20–30 тыс. есть численность большинства наших локальных сообществ. Переводя эти значения в количество общин, составляющих сообщества, следует указывать от 1 до 10–20 таковых. Неопределенность (расплывчатость) верхней оценки количества связанных воедино общин обусловлена как разной численностью членов этих общин (от 50–100 человек до 1000–3000 человек), так и вариативностью количества отдельных поселений в одной отдельной общине (от одного до нескольких десятков).

Определяя физические границы, мы тем самым определяем во многом и социальные границы. Основная причина этого заключается в определенных (граничных) значениях плотности популяции. Усредненные значения плотности могут варьировать в очень широких пределах: от мизерных 0,01 человека на 1 км² (что соответствует 1 человеку на 100 км²) до 100–200 человек на 1 км² (то есть 1–2 человека на 1 га). Но и в первом и во втором случае это свидетельствует о плотности распределения жизненно значимых природных ресурсов, необходимых для поддержания жизнедеятельности общины и всего местного общества. В первом случае это природные ресурсы, а во втором — почти всегда ресурсы социальной природы, созданные деятельностью человека (их правильнее было бы определить как «культурные ресурсы», то есть ресурсы возделанные).

Однако большее значение имеет не средняя плотность населения на всей территории, а плотность населения в административ-

ном центре сообщества. Поскольку в рамках концепции «центр — периферия» (см.: [Shils, 1975, р. 3–16, 34–47]), или — что то же — в рамках вводимого мной пространственно-организационного принципа общественной жизни любое сообщество всегда представлено двумя комплементарными структурными составляющими: административным центром (обычно малый город) и его сельской округой (см.: [Плюснин, 2022, с. 39–40]). «Разреженность» пространства в среднем может быть и очень велика, но центр должен быть заселен, и заселен с определенной плотностью, не ниже минимально допустимой.

В русском провинциальном обществе плотность в центре составляет, по моим наблюдениям, от 300 до 1000 человек на 1 км², в среднем примерно 400–500 человек на 1 км². Плотность домохозяйств в деревнях сельской округи, конечно, ниже, примерно в 3–10 раз. Поскольку даже по советским официально утвержденным нормативам на одно домохозяйство в селе выделялось не менее 4000 м² земли для хозяйственной деятельности. И это именно та площадь земли, которой достаточно для самообеспечения в умеренном климате России [Кулишер, 2004, с. 207–223]. Но при этом норматив на домохозяйство в малых городах и поселках составлял — и до сих пор составляет — от 400 до 1500 м² (в селах, ставших центрами обществ, норматив выше). Таким образом, исторически сложившаяся плотность обитания (не хозяйствования!) в административном центре провинциального сообщества составляет 500 человек на 1 км² (lim: 300–1000); в деревнях сельской округи плотность снижается на порядок (30–100 человек на 1 км²), а к окраинам контролируемой территории плотность обитания понижается еще сильнее, вплоть до близких к нулевым значениям. Впрочем, определяющее значение имеет не средняя плотность сама по себе, а градиент плотности населения по территории от центра к границам. Градиент плотности определяет территориальную структуру сообщества, является, на мой взгляд, основанием для развития социальной структуры.

Поселения сельской округи могут быть сравнимы со своим центром по численности населения, по истории, могут располагаться в более удобном или даже центральном месте на территории, но если они не облечены административными функциями, то не рассма-

триваются и самими жителями в качестве центра. Сельская округа есть совокупность отдельных поселений (деревни, села и поселки), окружающих город, и отделяется от сельских округ иных локальных обществ исторически определенной и административно зафиксированной территорией.

Небольшие города обычно образуют только одну общину (и всегда только одна община в других типах поселений — в селе и поселке, если они выполняют функции административного центра). Если население города достаточно велико, обычно более 3000–5000 жителей, то начинают образовываться «концы» — выделяться локусы с более тесными соседскими связями, а часто и сегрегированные по этническим и даже по социально-профессиональным признакам. Такие «концы» есть уже сложившиеся общины или предпосылка будущих внутригородских общин.

Сельская округа гораздо лучше дифференцирована на общины: здесь они всегда территориально ограничены. Общины представлены либо одним большим селом, либо несколькими близко расположенными поселениями или же «кустами», которые могут занимать довольно значительное пространство. Между тем, в силу экзогамности браков, все без исключения общины в местном обществе связаны друг с другом родственными и свойскими отношениями их обитателей, нередко такие связи пространственно очень удалены.

Выделенные аспекты провинциального местного общества — социально-территориальный (общинный состав) и пространственно-организационный (центр — периферия) — представляются мне базовыми условиями, необходимыми и важными для анализа неформальных экономических практик населения.

1.2. Типология местных обществ

Для того чтобы исчерпывающе описать и обобщить материалы эмпирических наблюдений многочисленных видов промыслов, необходимо, как мне представляется, определить общие признаки многих локальных сообществ, то есть осуществить типологию множества социальных объектов. Это было выполнено мной в [Plusnin, 2022, p. 57–92], где я осуществлял типологизацию сообществ с ис-

пользованием четырех независимых критериев. Однако для целей обобщения многообразия экономических практик домохозяйств представляется достаточным и необходимым использовать только два критерия. В качестве таковых предлагаю (1) степень пространственной изоляции и (2) причины возникновения и развития общества.

Использование первого критерия позволяет выделить полярные типы: пространственно изолированные и неизолированные общества. В одном случае общество существует в относительной пространственной изоляции, что весьма нередко в российских условиях, связи его членов с внешним миром затруднены. В другом случае по территории проходят транспортные магистрали, имеется развитая энергетическая, промышленная, селитебная, коммунальная и, нередко, информационная инфраструктура, в результате осуществляется интенсивный перенос материальных ценностей, людей и энергии. В первом случае такая ситуация задает тип пространственно изолированного общества, во втором — тип общества, расположенного на транспортных магистралях, который я именую «турбулентным» [Plusnin, 2022, p. 67].

Данная типология имеет эмпирическим основанием степень изолированности сообщества в пространстве относительно других сообществ, своих ближайших соседей. Ключевыми здесь являются два взаимосвязанных фактора: (1) возможность непосредственного и постоянного взаимодействия с соседними обществами с определенной — высокой или низкой — интенсивностью; (2) наличие возмущающего воздействия миграции. Пространственно изолированные сообщества имеют контакты с соседями ограниченной и низкой интенсивности, они не испытывают таких деформирующих и разрушающих воздействий, какие испытывают сообщества, находящиеся в тесном контакте и в непрерывном взаимодействии со своими соседями вследствие миграционных процессов (см.: [Коллиер, 2016, с. 79–152]). Внешнее социальное давление на сообщество проявляется по многим направлениям: в деформации его территориальной структуры (в предельных случаях — в захвате территории соседями и лишении сообщества ресурсов, необходимых для жизнедеятельности), в размывании структуры родственных и соседских

отношений, в насильственном смещении. Если же, благодаря пространственной изоляции, контакты членов локального сообщества с соседями ограничены в той или иной степени, его социальная структура менее подвержена изменениям и имеется вероятность, что структура социальных отношений в пространственно изолированном сообществе будет воспроизводиться с минимальными изменениями.

В противоположность пространственно изолированным местным обществам, выделение которых не представляет трудностей в силу наличия объективных критериев изоляции (в частности, географической удаленности, низкой проницаемости пространства и недостаточно развитых транспортных коммуникаций), выделение типа «турбулентных» обществ основывается на более размытых критериях. Главным из них является наличие транспортной магистрали на территории, обеспечивающей высокую интенсивность переноса ресурсов, энергии и людей. В силу размытости критериев приходится выделять промежуточный тип обществ. Я поименовал такой тип «обычным», или «ординарным», поскольку сюда отнесены все общества, недостаточно четко дифференцируемые по пространственной изоляции. Естественно ожидать, что «ординарного» типа обществ большинство.

Вторая типология — по причинам возникновения и развития общества — основана на критерии наличия/отсутствия внешнего воздействия на возникновение, развитие и наличное существование местного общества. Наблюдаемое общество либо возникло и развивалось естественным путем, в некотором смысле спонтанно, то есть не испытывало какого-либо внешнего воздействия, необходимого для поддержания его существования, либо, напротив, создавалось *de novo* усилием государства по экономическим и/или политическим причинам, и его существование поддерживается внешними силами, прежде всего с помощью материальных и финансовых ресурсов государства. Таким образом, я выделяю два полярных типа обществ: (1) тип «естественного развития» и (2) тип «принудительного развития». Здесь я стою на позициях антропологов-теоретиков, прежде всего Роберта Карнейро и его “Circumscription theory”

[Carneiro, 1970], не потерявшей актуальности с течением времени [Крадин, Лынша, 1995]. Выделенные им три фактора политогенеза в становлении современных обществ (environmental circumscription, resource concentration, social circumscription), по-видимому, действительны и на локальном уровне, да и в современных условиях.

Очевидно, что общества принудительно созданные изначально будут иметь не только разнородный состав входящих в них групп, но и структура их будет задана некими внешними факторами, она будет навязана этому обществу со стороны государства. В естественно развивающихся сообществах состав их имеет внутренние источники формирования, а структура складывается в соответствии с природой.

Два выделяемых типа — это, конечно, идеальные, крайние варианты. В реальности большинство локальных обществ проходит этапы как естественного, так и принудительного развития; они нередко перемежаются друг друга. Известно, что очень многие издавна существующие сообщества имели принудительные источники своего появления, однако в продолжение веков, если они не испытывали радикальных потрясений и не исчезали бесследно, то переходили к естественному пути развития. Поэтому принудительный характер образования и развития описывает преимущественно недавно возникшие общества, состав и структура которых изменялись и изменяются сейчас на наших глазах — в череде ближайших 150–200 лет. Однако нельзя сказать, что критерий естественности/принудительности возникновения элиминирует фактор длительности существования: это зависит от того, насколько состав и структура принудительно созданного сообщества успевают «успокоиться» после «взбалтывания». Исторические наблюдения показывают, что «волнение» может продолжаться долгие десятилетия и века.

В результате применения двух независимых, но аддитивных критериев типологизации возможно создание типологии локальных обществ, выстроенной по этим основаниям. Это дает шесть типов обществ (рис. 1.1; в табл. 2.1 главы 2 представлен список местных обществ с разбивкой на типы):

- 1) пространственно изолированные естественного развития;
- 2) пространственно изолированные принудительного развития;

- 3) «ординарные» естественного развития;
- 4) «ординарные» принудительного развития;
- 5) «турбулентные» естественного развития;
- 6) «турбулентные» принудительного развития.

Как показал дальнейший анализ социальной структуры локальных обществ, эта шестичленная типология может быть без содержательного ущерба редуцирована к четырем типам (см. рис. 1.1). В шестичленной типологии два крайних и полярных по обоим основаниям типа — 1 и 6 — показывают наибольшие различия и в социальной структуре, и в экономическом поведении людей. На рис. 1.1 они помечены как «Тип I» и «Тип IV». Оставшиеся четыре типа сводятся попарно к двум типам по основаниям естественности либо принудительности локального социального развития. В одном случае это общества естественного развития (типы 3 и 5, на рис. 1.1 помечены как «Тип II»). Во втором случае это общества принудительного развития (типы 2 и 4, на рис. 1.1 помечены как «Тип III»).

Объединение пар типов таким образом обусловлено тем, что влияние фактора принудительности развития общества на его структуру (и, в частности, экономическое поведение населения) оказывается более существенным, чем степень изолированности (хотя бы потому, что этот критерий континуальный). Предполагаю, что дифференциация по типологии естественности/принудительности развития связана также с различиями в структуре местной экономики и неформальных хозяйственных практиках населения, поскольку они зависимы от экономического и административного воздействия со стороны государства, прежде всего от возможности привлечения и использования населением государственных финансовых ресурсов и, как следствие, снижения возможностей автономного самообеспечения.

Далее я рассматриваю промысловое поведение населения преимущественно в ракурсе этой «редуцированной» четырехчленной типологии местных обществ. Очевидно, что наиболее разнятся экономические практики населения в двух полярных типах сообществ: пространственно изолированных самообеспечивающихся, с одной стороны, и «турбулентных», зависимых от государственной

Типология 2 \ Типология 1	Общества естественного развития	Общества принудительного развития
Изолированные общества	1 Тип I	2 Тип III 4
«Ординарные» общества	3 Тип II 5	
«Турбулентные» общества		

Рис. 1.1. Выделение типов местных обществ по критериям пространственной изоляции и естественности/принудительности развития. Шесть исходных типов сведены в четыре: типы I и IV противоположны по обоим классификационным основаниям, а типы II и III различаются по основанию принудительности/естественности развития

поддержки, с другой стороны. Между тем обнаруживается и интересная специфика экономических практик населения двух «промежуточных» типов; связана она преимущественно с разными источниками привлекаемых ресурсов, на базе которых и осуществляется промысловая деятельность.

Глава 2

МЕТОДОЛОГИЯ

Базой изучения неформальных хозяйственно-экономических практик провинциального общества является методология качественного исследования. В силу особенностей сбора материала — это сплошное обследование на территории — объектом анализа выступали не сообщества, а совокупность отдельных домохозяйств в границах отдельных населенных пунктов. Необходимо указать на следующее важное свойство собранного эмпирического материала: отдельные виды хозяйственных практик фиксировались далеко не во всех исследованных обществах, а в некоторых случаях — только в отдельных поселениях. Это обусловлено как природой тех или иных практик (например, их уникальностью или редкостью), так и методическими причинами (невозможностью сплошного обследования большинства поселений во многих местных обществах). Используются два основных метода: непосредственное наблюдение *in situ* во время сплошного уличного обхода домохозяйств и неформализованные интервью, фокусированные на вопросах жизнеобеспечения домохозяйств, видах промысловых практик и источниках ресурсов.

2.1. Методология и метод

Методология качественного исследования применяется мной во вполне сложившемся и давно уже традиционном социологическом духе (см., например: [King et al., 1994; Ковалев, Штейнберг, 1999; Неформальная экономика..., 1999; Штейнберг, 2021]). Различные аспекты качественной методологии прописываются в наших работах (см.: [Кордонский и др., 2009; 2010; 2011; Плюснин, 2022, с. 68–82]).

Между тем важно специально отметить, что неизменным дополнением к феноменологическому анализу является структурно-функ-

циональный анализ. Это две стороны «одной медали» качественной методологии. Целостность впечатления (картины) о местном обществе предполагает одновременно и частное эмпирическое описание конкретного случая, и формализованное описание как случая типичного, укладываемого в структурные схемы (см., например: [Abbot, 1992; Штейнберг, 2022]). Для этого нужно его типологизировать и классифицировать — выявить и описать структурные элементы и определить их назначение для повседневной жизни людей.

Приверженность качественному подходу и структурным схемам определенно ограничивает применение методологии количественного анализа. Часто «учет» и статистика социального объекта невозможны или просто искажают реальность. Поэтому социальный анализ, базирующийся на количественных данных (особенно на официальной статистике, которая уже 30 лет как не «опускается» на муниципальный уровень [Кордонский, Плюсин, 2011]), привлекается лишь постольку, поскольку я считаю это необходимым, прежде всего для сравнения отдельных местных обществ или их типов по таким показателям, как, например, численность и плотность населения, размеры контролируемой территории и тому подобные показатели, социальная значимость которых вторична.

Безусловно, основными методами при сборе полевых материалов являются непосредственное наблюдение на местности и продолжительные диалоги с населением. Это непеременные составляющие метода case study, тем более при сборе такого материала, как промысловые практики. При монографическом исследовании хозяйственных практик локального сообщества я в целом придерживаюсь принципов драматургического подхода в полевом качественном исследовании, детально описанного В.И. Ильиным [Ильин, 2006, с. 48–55]. Указанный подход развивает идеологию и дизайн классического case study в сложившемся многообразии форм (например, [Glazer, Strauss, 1967; The Landscape of Qualitative..., 1998; Patton, 2001; Yin, 2002; Ильин, 2006; Creswell, 2009]).

Методы. В рамках методологии качественного исследования основными методами получения результатов являются непосредственное наблюдение жизнедеятельности местных обществ и неформализованные фокусированные интервью с жителями по вопро-

сам их хозяйственной жизни. В качестве дополнительных методов использовались сравнительно-исторический метод для описания истории конкретного местного общества в сравнительном ключе, а также сбор и анализ локальных информационных материалов, недоступных иначе как непосредственно на месте, — частных и редких краеведческих источников, частных документов, учетно-отчетных документов, публикаций в районных средствах массовой информации. Все вместе позволяло реализовать методологию *case study* применительно к провинциальным локальным сообществам. Наиболее подробно исследовалось экономическое поведение домохозяйств, особенно промысловые практики. Выявлялись непосредственные — соседские и родственные — связи между людьми. Определялись и описывались взаимодействия, лежащие в основе реципрокных отношений (взаимных партнерских и дружеских связей), а также система локальных связей, определяющая структуру неформальных экономических и внеэкономических отношений.

Специфическая особенность эмпирических исследований, базирующихся на непосредственном наблюдении, заключалась в том, что в каждом обследуемом сообществе мы имели возможность выявить и описать все распространенные и большинство редких экономических практик населения, как в формальном поле, так и множество неформальных промысловых активностей.

Непосредственное наблюдение — основной метод в любом качественном исследовании, на который «нанизываются» все остальные методики (см., например: [Ильин, 2001b; 2006; Abbott, 2004]). Мы всегда уделяли ему соответствующее внимание [Кордонский и др., 2011; Kordonsky, Plusnin, 2015]. Наблюдения носят как стохастический, так и систематический характер. Мы применяли обе формы. Схема длительного непосредственного наблюдения методически достаточно проста, хотя и требует специальной технической подготовки. Все наблюдение разбивалось на несколько этапов и видов.

Первый этап представлял собой экскурсию, целиком неформальную. При первом посещении местного общества наблюдение начиналось с его административного центра, малого города, поселка, села. Во время экскурсии необходимо было провести спонтанный осмотр всего поселения и определить важнейшие точки для более

детального наблюдения и для будущих интервью. Выявлялись, осматривались и регистрировались максимально полно все такие точки, по возможности устанавливались знакомства с руководителями и сотрудниками учреждений и предприятий, с ними договаривались о будущих интервью.

На втором этапе наблюдений совершался целенаправленный обход выявленных объектов. Запланированные интервью чаще всего регистрировали на аудионосители. Но нередко респонденты запрещали запись, поскольку передавали важную или непубличную, с их точки зрения, информацию. Такие интервью, а также спонтанно возникавшие беседы регистрировали непосредственно после их проведения. Нередко в государственных учреждениях, а также на предприятиях среднего и крупного бизнеса исследователям отказывали в информации.

На третьем этапе наблюдения проводились в деревнях сельской округи. Исследователи старались побывать в наиболее важных поселениях, осматривали усадьбы и обследовали окружающий ландшафт, особенно сельскохозяйственные угодья. По ходу осмотра заводились случайные беседы на улицах и в усадьбах сельских обывателей. Продолжительные интервью проводились в нескольких видах учреждений. В поселениях сельской округи почти не бывает каких-либо государственных учреждений, предприятий мало или нет вовсе. Самым важным центром консолидации местной общественной жизни повсюду является библиотека и нередко совмещенный с ней сельский клуб.

Последним этапом наблюдений является заключительный обобщенный взгляд на административный центр общества: исследователь уточняет свои первые и последующие впечатления, еще раз осматривая город и его важнейшие объекты. Обычно такой заключительный осмотр проводится в поздние, вечерние часы. Полученные уже знания о городе и сельской округе позволяют исследователю отмечать мелочи, ускользнувшие ранее от его внимания. Кроме того, вооруженный разнообразной информацией о местном обществе исследователь легче заводит непринужденные уличные беседы с обывателями, во время которых нередко получает очень важную информацию, особенно в отношении криминальных промыслов.

В наших экспедициях мы проводили наблюдения разного вида. Во многих случаях они носили фокусированный характер, с акцентом на определенный вид экономической деятельности обитателей. Это было особенно важно в поселениях или сообществах, население которых узко специализируется на ограниченном виде ресурсов и видах промысловых практик. Часть наблюдений относилась к механизмам самоорганизации и самоуправления, необходимым для жизнеобеспечения местного общества.

Во время наблюдений ведется дневник. Оформляется он в свободном стиле, или в технике записей в полевых этнологических практиках (например, [Sunstein, Chiseri-Strater, 2002, p. 217–292]). Дневник имеет вид неформализованного безоценочного описания увиденного и услышанного. Отказ от каких-либо оценок в процессе наблюдений есть важнейший принцип, которого мы придерживаемся [Кордонский и др., 2010; Kordonsky, Plusnin, 2015]. Это позволяет избегать поспешных обобщений и нередко неверных выводов, получаемых вследствие исходно предвзятого и заранее привнесенного представления, сложившегося на основе предыдущих наблюдений или бытового жизненного опыта. Аналитические суждения о местном обществе исследователь формулирует в самый последний момент — уже после посещения конкретного места, фиксируя это не в дневнике наблюдений, а в аналитическом отчете.

Интервью проводится наравне и одновременно с наблюдением во всем многообразии его форм: от случайной ситуативной беседы на улице или фокусированного «допроса» до глубинного часового и более «этнографического интервью» [Рогозин и др., 2020]. Но во всех случаях его продолжительность зависит от качества ожидаемой информации. Хотя необходимо отметить, что исследователь никогда не прерывает интервью по такому прагматическому поводу. Оно либо завершается естественным образом, либо прерывается самим респондентом. Часто случайный разговор с преобладанием невербальных компонентов в речи приносит гораздо больше содержательной информации, нежели длительное интервью. Как показывает моя многолетняя практика, наиболее содержательными, дающими неожиданную, часто совершенно новую информацию, оказываются не запланированные интервью, как бы ни были они

продолжительны, а внезапные встречи и случайные, спонтанно возникшие беседы, позволяющие гораздо глубже понять скрытую от наблюдателя суть локальной социальной жизни.

Фокусированные интервью, в отличие от длительных бесед «ни о чем» или нарратива про «несчастную жизнь», экономны: они позволяют получить ожидаемую информацию за более короткий срок и от большего числа людей. Но они же и определяют «узость» впечатления о местной жизни, особенно если мы собираемся получить целостное ее описание. Добытая с их помощью информация ограничено полна, она односторонняя. Беседы и спонтанные интервью дают более яркую, красочную и разнообразную картину местной жизни.

Все интервью, как свободные, так и фокусированные, были структурированными, хотя никакого вопросника респондентам не предъявлялось. Структура просматривалась по двум направлениям: по заданным структурным компонентам и по темам. В первом случае во время всякого интервью необходимо было «разложить» (дифференцировать) представителей местного общества на экономически активное и пассивное, «рентное» население. Какими профессиональными группами и в каком соотношении представлены экономически активные обыватели, и кем представлены бюджетники? Какова структура промыслов и формальной местной экономики? Одновременно с этими вопросами мы старались выявить и описать локальную территориальную структуру промысловой активности поселения или всей общины в форме представления людей о контролируемой территории, необходимой им для жизнеобеспечения.

Во втором случае в интервью обсуждались вопросы конкретной организации системы жизнеобеспечения как отдельных домохозяйств, так и каждой общины (или поселка) и всего местного общества. Экономический аспект интервью важен с совершенной очевидностью, поскольку составляет основу для формирования представления обо всей системе жизнеобеспечения как отдельных домохозяйств, так и общества в целом. Ведь нередко именно за вопросом «Ну, как Вы живете?» следовал подробный рассказ именно об экономических нуждах и проблемах, становившийся затраткой к

продолжительному интервью, которое и начиналось, и кончалось вопросами экономическими.

В качестве местных экспертов выступали, как правило, три группы людей: (1) так называемая интеллигенция — люди, компетентные в силу образования и профессиональной деятельности (библиотекари, учителя, врачи, инженеры, деятели искусства и т.п.); (2) успешные предприниматели как люди, компетентные в местной экономике; (3) управленцы, руководители учреждений, государственные и муниципальные служащие, компетентные в вопросах организации и управления местной жизнью, осведомленные в ее экономических реалиях. Но к этой же категории местных экспертов я отношу и нередко встречавшихся простых людей, не обладавших формальными компетенциями, но имевших знания и мудрость, что позволяло им давать информативные ответы.

Интервью с простыми обывателями, к которым отнесены все не обладавшие вышеуказанными компетенциями, имели чаще всего вид беседы или случайного разговора без повода и были непродолжительными. Поскольку в исследованиях мы всегда предпочитали интервью анкетному опросу, соотношение экспертных и обывательских интервью смещено в сторону значительно повышенной доли экспертных.

2.2. Эмпирические материалы

Эмпирический материал собирался в тесной привязке экономических практик домохозяйств не к уровню отдельных поселений, а к уровню общин и местных обществ, хотя сплошные фиксации экономических практик возможны только в отдельных поселениях. Это позволяло составить более целостное представление о локальной системе жизнеобеспечения.

Полевые исследования (экспедиции) имели разную тематическую направленность. Осуществляли сбор материалов как в целом для местного сообщества, так и специальные исследования разных видов неформальной экономики провинциального населения — домашних промыслов, «рассеянных мануфактур», отхода (трудовой миграции). Для более детального описания экономического пове-

дения домохозяйств я с моими сотрудниками и с участием студентов провел специальные обследования в 15 регионах России. Кроме того, выборочные (или эпизодические) наблюдения проводились в разные годы и в других регионах, местных обществах или населенных пунктах. Всего я привожу данные по местным обществам в 59 районах 21 региона России, где были обследованы 220 населенных пунктов (рис. 2.1 и табл. 2.1). При этом в специальных исследованиях именно неформальных экономических практик домохозяйств удалось зафиксировать все виды домашних промысловых практик в 144 поселениях в 39 местных обществах (из них 37 малых городов и крупных поселков, а также 107 деревень, сел и станиц). Эти исследования с акцентом на промыслы населения были реализованы в 16 экспедициях в период с 2017 по 2020 г. Такая работа осуществлялась в виде сплошного обследования домохозяйств: с помощью непосредственных наблюдений и ситуативных опросов мы пытались зафиксировать все многообразие форм экономической активности населения в каждом конкретном поселении (см. также подробное описание методики в моей статье [Плюснин, 2018а или б]).

При специализированном изучении сравнительно редкой, но в локальном масштабе массовой для населения экономической практики, каковой является «рассеянная мануфактура», мы углубленно изучали местные общества только в шести городах, где смогли выявить такой вид экономики (Ростов Великий, Кимры, Углич, Лабинск, Новохопёрск, Урюпинск). В каждый из этих городов было направлено от двух до пяти экспедиций (всего 14). В ходе экспедиций мы выявили и описали организацию «мануфактур», технологию изготовления продукции и производственные цепочки, в которых принимает участие значительное количество домохозяйств (обычно до половины и более). Методология описана в нашей статье [Кордонский, Плюснин, 2018]. В последние два года я зафиксировал еще несколько местных обществ, где определенно или с высокой вероятностью существует (или до недавнего времени существовала) «рассеянная мануфактура». Это позволяет говорить о более широкой распространенности такого экономического института.

Еще более объемные исследования возвратной трудовой миграции (отходничества) жителей российской провинции были прове-

дены в период с 2009 по 2015 г. группой исследователей под моим руководством. Мы специально изучали этот вид экономического поведения провинциального населения в 17 экспедициях, в которых было обследовано население 157 поселений (в основном малые города) в 40 регионах России. Описание точек сбора материалов по отходничеству здесь не приводится, для этого предлагаю обратиться к [Plusnin et al., 2015, p. 67–75].

На рис. 2.1 представлены обобщенные данные только по местным обществам и общинам, в которых наблюдались домашние промысловые практики домохозяйств, включая «рассеянные мануфактуры» и отчасти «гаражную экономику». Концентрация полевых материалов существенна только в восьми регионах: Республика Коми, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Алтай, Краснодарский и Приморский края, Архангельская, Костромская, Брянская области, Еврейская автономная область. В остальных 12 регионах проводились выборочные исследования в отдельных местных обществах или только в отдельных населенных пунктах (табл. 2.1).

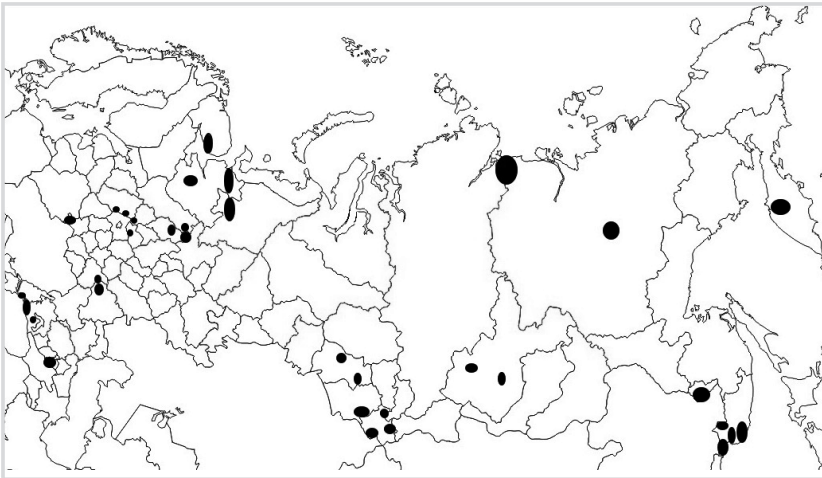

Рис. 2.1. Распределение мест проведения исследований промыслов домохозяйств (одним кружком отмечена территория как одного местного общества, так и нескольких смежных)

Таблица 2.1. Данные о регистрации промысловых практик домохозяйств в населенных пунктах отдельных районов (городской округ или муниципальный район/округ)

Регион	Район	Количество обследованных поселений
Республика Алтай	Турочакский	1
	Усть-Канский	1
	Усть-Коксинский	2
	Улаганский	2
Республика Коми	Удорский	8
	Сысольский	2
Республика Саха (Якутия)	Анабарский	2
	Томпонский	1
Республика Северная Осетия — Алания	Дигорский	5
	Ирафский	3
	Алагирский	3
	Ардонский	1
	Бесланский	2
	Владикавказский	8
Алтайский край	Чарышский	3
Приморский край	Анучинский	1
	Кавалеровский	8
	Ольгинский	3
	Партизанский	2
	Уссурийский	1
	Большой Камень	1
	Лазовский	4
	Ханкайский	1
	Хасанский	5
	Хорольский	4

Регион	Район	Количество обследованных поселений
	Шкотовский	2
	Находкинский	6
	Владивостокский	1
Краснодарский край	Анапский	8
	Темрюкский	9
	Лабинский	1
	Усть-Лабинский	4
Камчатский край	Быстринский	2
Архангельская область	Каргопольский	11
	Мезенский	3
	Лешуконский	8
Мурманская область	Кандалакшский	2
	Терский	2
Вологодская область	Никольский	3
Костромская область	Кологривский	9
	Мантуровский	8
	Вохомский	9
Воронежская область	Новохопёрский	3
Волгоградская область	Урюпинский	8
Брянская область	Новозыбковский	11
	Суражский	1
	Злынковский	1
Тверская область	Кимрский	1
Владимирская область	Киржачский	1
Ярославская область	Ростовский	1
	Угличский	1
Новосибирская область	Сузунский	4
	Убинский	3

Регион	Район	Количество обследованных поселений
Иркутская область	Чунский	2
	Качугский	3
Еврейская автономная область	Ленинский	3
	Октябрьский	6
	Биробиджанский	3
	Облученский	4
Всего: 21	59	220

Глава 3

ФОРМАЛЬНАЯ И НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКИ ПРОВИНЦИИ

Экономика российской провинции представлена двумя разными по природе и источникам, но глубоко взаимопроникающими видами. Раньше их именовали, соответственно, «первой» и «второй» экономиками (см., например: [Grossman, 1977; Sampson, 1987]); позже предпочли именовать «вторую экономику» теневой (например, [Rutgeizer, 1992; Sneider, Enste, 2000]) или неформальной [Неформальная экономика..., 1999; Гимпельсон, Капелюшников, 2014]. Мне представляется, что первое наименование лучше по нескольким причинам (см. ниже). На местном уровне эти виды экономик отчетливо различимы, но на уровне муниципальной и региональной статистики или, к примеру, с позиции обитателей мегаполисов, — неразличимы совершенно. В первом случае это формальная экономика, в которой индивидуальная активность бизнесмена, наемного работника или служащего-бюджетника больше зависит от государственного контроля или поддержки, чем от собственной инициативы. Во втором случае это широкое поле неформальной экономики, во всем своем объеме локально легитимное, но далеко не всегда легальное. Поскольку значительную часть ее составляет теневая и немалую — криминальная экономическая активность, но только с точки зрения государства, законодательно установленных механизмов регулирования и контроля.

В этой главе я рассматриваю соотношение между формальной и неформальной экономиками в провинциальных сообществах. Впрочем, на этом низовом уровне имеются выразительные особенности не только в сфере неформальной экономики, но и в структуре формальной ее части. Особое значение для местного провинциального общества имеет так называемая бюджетная часть формальной

экономики. На ее фоне выглядят существенно менее распространенными остальные составляющие местной экономики: сферы материального производства и услуг. Важное значение в провинции имеет малый бизнес, особенно индивидуальное предпринимательство. Предпринимательство занимает особое положение и характеризуется своеобразной динамикой, постоянно и непрерывно перемещаясь из поля формальной экономики в поле неформальной и обратно, в большей или меньшей степени в согласии с изменениями законодательного поля. Индивидуальные предприниматели есть наиболее яркая, важная сфера местной экономики, значительная часть которой постоянно пребывает в экономической тени.

3.1. Две экономики провинции

В экономике любого провинциального местного общества имеет место статистический парадокс. В так называемой местной экономике (то есть официально именуемой в статистической отчетности) занято не более 2/3, а нередко всего около половины трудоспособного населения. Чем заняты остальные? Не только государственная статистика, но и муниципальный учет на местах не знают этого. Более того, многие люди трудоспособного возраста, отсутствующие в экономике, большую часть времени отсутствуют и в своем городе, в деревне. Где они? На этот вопрос тем более нет ответа ни у государственных органов, ни у муниципальной власти (см.: [Плюснин, 2015]).

Причина отсутствия ответов как раз в том и состоит, что, в отличие от советского времени, когда каждый работник был однозначно зафиксирован на своем рабочем месте, все последние 30 лет постсоветского развития наблюдается массовое распространение неформальных экономических практик. Они, конечно, существовали и в советский период, но не имели нынешнего масштаба и относились преимущественно к самообеспечению населения с помощью личного подсобного хозяйства (так называемая вездесущая «домашняя экономика» [Барсукова, 2003б; 2009, с. 183–204; Кулишер, 2004, с. 97–110; Шумахер, 2012; Гимпельсон, Капелюшников, 2014; Воронцов, 2015]) или носили теневой и криминальный характер [Grossman,

1977; 1979; Sampson, 1987; Rutgeizer, 1992; Ledeneva, 1998]. Максимальное развитие промыслы получили в наши дни не в крупных городах, но в провинции, в малых городах и в сельской местности [Шанин, 2002; Калугина, Фадеева, 2009; Вторая Россия..., 2012]. Потому что в 1990-е годы в провинции практически «схлопнулся» регулируемый государством рынок труда, население утратило легальные источники дохода и было вынуждено самостоятельно искать новые способы жизнеобеспечения, помимо и вместе с расширением «домашней экономики». Население нашло эти источники во множестве теневых экономических практик. При этом государственный учет таких практик был задолго до этого прекращен, и статистика в этой части экономики до сих пор не налажена.

В силу этого обстоятельства, как только мы опускаемся на низовой уровень эмпирического анализа, приходится рассматривать не местную экономику вообще, а два вида местных экономик. Они радикально отличаются друг от друга, но повсеместно пересекаются и глубоко проникают друг в друга, вплоть до полной неузнаваемости (ср.: [Linking the Formal..., 2006; Барсукова, 2015]). С одной стороны, это учитываемая государственными органами статистики (в том числе на основе муниципального учета) местная экономика. С другой стороны, это неформальная экономика, представленная преимущественно экономическими практиками домохозяйств, или, в нашей терминологии, промыслами [Кордонский, 2010; Селеев, Павлов, 2015]. Первый тип — «видимая», ранее так называемая «первая экономика», а второй тип, «вторая экономика», есть неформальный ее компонент (см.: [Grossman, 1979; Studies in the Second Economy..., 1988]). В первом случае имеет место достаточно простая структура, что и зафиксировано в отчетах территориальных органов государственной статистики. Ее же фиксирует и муниципальная отчетность, отражая в документах, которые публикуются на официальных сайтах муниципальных администраций. Во втором случае структуру провинциальной неформальной экономики необходимо выявлять, расшифровывать, реконструировать. В каждом обществе и в каждом регионе она имеет специфику, видовое разнообразие. Официально, статистически, теневой экономики нет, что не свойственно «статистически видимой» экономике.

Взглянем на это различие двух видов экономик в ракурсе структуры общественного дохода. При этом не выделяя и не рассматривая такие виды неформальной экономики, как реципрокная и криминальная (см.: [Scott, 1976; Alexeev et al., 1996; Linking the Formal..., 2006; The Global Encyclopedia..., 2018]). В случае реципрокной экономики, выделяемой экономистами как отдельная форма [Виноградский, 1999; Фадеева, 1999; Скотт, 1999; Барсукова, 2003a], она вся представлена в промысловых практиках домохозяйств и в таком ракурсе не нуждается в особом выделении. В случае же с криминальной экономикой я также не вижу смысла делать на этом особый акцент, поскольку большинство видов таких практик являются локально легитимными (в провинции, но не в крупных городах!), за редкими исключениями, как, например, изготовление и сбыт наркотиков. Поэтому рассматриваются наиболее широко распространенные у населения виды «домашней» и теневой экономики, они и составляют основу жизнеобеспечения домохозяйств.

Обычно экономисты выделяют 6–7 источников в структуре общественного дохода (см., к примеру, [Standing, 2014, p. 26–30; Тихонова и др., 2018, с. 10–48]). Часть из них относится к формальной, а другие к неформальной экономике: (1) зарплата работника, жалование служащего; (2) государственные пособия разного рода; (3) пособия и льготы частных фирм; (4) доходы от ренты; (5) предпринимательский доход, гонорар; (6) неформальная взаимная поддержка семей (реципрокный безденежный обмен); (7) самообеспечение (домашнее производство, «домашняя экономика»). Последние два вида обычно и относят к неформальной экономике. Но в российских условиях и рента чаще является доходом неформальным, нежели официально регистрируемым, да и пособия/льготы частных фирм далеко не всегда учитываются и нередко разного рода выплаты своим работникам частные фирмы осуществляют «в конвертах».

Безусловно также, что в этот список необходимо добавить и новый источник доходов, не учтенный в приводимой структуре. Это доходы от промыслов, которые могут быть как результатом официально зарегистрированной индивидуальной (семейной) предпринимательской деятельности, так и — гораздо чаще — результатом

неформальной активности, как теневой, так и криминальной. Таким образом, из семи видов общественного дохода к официальным, облагаемым государственными налогами, в полной мере относятся только первые четыре. Новым, восьмым, в списке будет пункт доходов от промыслов.

Учет соотношения разных видов источников доходов в бюджете домохозяйства есть задача весьма нетривиальная. Но косвенные методы оценки (например, по соотношению доходов и расходов домохозяйств) постоянно подтверждают, что в российской провинции реальные расходы домохозяйств как минимум вдвое превосходят официальные денежные доходы. Неформальная экономика имела существенную долю в расходах домохозяйств и в советские годы (см., например: [Grossman, 1979, p. 834–855; Sampson, 1987, p. 122–130; *Studies in the Second Economy...*, 1988; Rutgeizer, 1992, p. 39–72]). Но в наши дни она имеет место в гораздо больших масштабах (см.: [Шабанова, 1992; Alexeev et al., 1996; Никулин, 1998; Плюснин, 1998; 2000; 2016; Неформальная экономика..., 1999; Пилиховский, Столбов, 2000; Штейнберг, 2002; Гимпельсон, Капелюшников, 2006; 2014; Барсукова, Радаев, 2012; Plusnin et al., 2015; Селеев, Павлов, 2016; Кордонский, Плюснин, 2018]). В нынешнее время неформальная экономика приобрела существенно большее значение как в жизнеобеспечении домохозяйств, так и для экономической политики государства.

3.2. «Первая экономика»

Я считаю возможным и достаточным в случае «первой» — формальной местной экономики — выделить всего три сферы. Это (1) бюджетная сфера, (2) местное материальное производство и услуги, (3) местное малое предпринимательство. Очевидно, во-первых, что такое деление не соответствует принятому в экономике, и, во-вторых, что малое предпринимательство покрывает как материальное производство, так и услуги, поэтому тут нарушен принцип единообразия основания классификации, если отталкиваться от традиционного, общепринятого, деления. Однако выделение этих трех сфер провинциальной местной экономики я выполняю по иным основа-

ниям. Сферы различны по (1) источникам финансирования работников, (2) характеру прилагаемых ими трудовых усилий и (3) виду получаемых ими доходов. Все три критерия важны. Бюджетники являются служащими, получающими фиксированное (то есть не зависящее от производительности и трудового усилия) *жалование* из государственного бюджета (поэтому традиционно таких работников и называют бюджетниками). В сфере материального производства и услуг наемные работники имеют *заработную плату* по результатам трудового усилия и производительности их труда. Индивидуальные предприниматели, или хозяева небольших фирм, имеют *доход* и прибыль в результате собственной экономической инициативы, неся все возможные риски. Именно в таком «смещенном» ракурсе и будет мной рассматриваться местная экономика, учитываемая государственной статистикой.

Бюджетная сфера. Наиболее четко отграниченная первая из этих сфер — бюджетная. Бюджетники получают вознаграждение за труд в форме жалования из государственного или муниципального бюджета. Это служащие всех государственных и муниципальных учреждений (образования и науки, здравоохранения и социального обеспечения, культуры и спорта и др.), включая местную администрацию и многочисленные территориальные органы региональной государственной власти. Жалование их фиксировано (определяется тарифной сеткой, назначается руководителем учреждения), его размер невелик, а поощрения и вычеты мало зависят от трудового усилия работника и реального результата. Поэтому бюджетники нередко не мотивированы повышать производительность труда, быть эффективными исполнителями.

В районах, где я проводил исследования, доля бюджетников в составе всего занятого в местной экономике трудоспособного населения составляет от 30 до 60% (как, впрочем, повсеместно в провинции). Такие, на первый взгляд очень высокие, значения доли служащих обусловлены как раз тем, что в местной экономике официально занято (зарегистрировано) всего от 2/3 до 1/2 трудоспособного населения. Следовательно, реальная доля бюджетников составляет только 1/5–1/3 всего экономически активного населения провинциального местного общества. Но это все равно слишком много, и такая

ситуация стала складываться с 2004 г., когда было принято решение «формировать вертикаль власти сверху донизу», в результате чего в районных центрах увеличилось количество низовых территориальных органов государственной власти и существенно выросла численность служащих.

Местное материальное производство и услуги. Вторая сфера — это все виды экономической деятельности, осуществляемые организованно в рамках крупных и средних государственных, муниципальных предприятий или частных фирм. Они ведут свою экономическую деятельность на территории района, нанимают работников из числа местных жителей или мигрантов и здесь же платят налоги. Доля государственных предприятий на территории сейчас существенно ниже, чем была даже 15–20 лет назад (исключение составляют моногорода и закрытые административно-территориальные образования, где расположены крупные государственные предприятия). Муниципальных предприятий обычно также немного. Это, как правило, предприятия коммунально-хозяйственного комплекса. Основную долю составляют предприятия и торговые точки частных фирм (средний и малый бизнес). Почти повсеместно, но в количестве всего одного-двух, представлены и крупные производители: агрохолдинги располагаются в сельской округе районов, а крупнейшие торговые сети — в районных центрах. Произведенная и отгруженная продукция и предоставленные ими услуги учитываются местной статистикой. Предприятия и фирмы платят налоги в местный бюджет. Наемные работники получают доход в виде заработной платы. Всегда имеются и дополнительные, теневые, выплаты работникам. Численность местных работников, занятых на таких предприятиях и в фирмах, составляет всего от 1/10 до 1/5 трудоспособного населения района (а в составе занятого в местной экономике населения — около 20–40%). В отношении этой сферы ведется государственная статистика и муниципальный учет рабочей силы, величины заработной платы, объемов производства, объемов услуг, сумм выплачиваемых налогов, объемов привлеченных инвестиций и т. п. В этой сфере имеет смысл выделить отдельно сегмент материального производства и сферу услуг, которые, конечно, тщательно различаются и местной статистикой.

Местное малое предпринимательство. Третью сферу «видимой» местной экономики образует местное малое предпринимательство — от крестьянских фермерских хозяйств до лесоперерабатывающих предприятий (лесопилок), от пекарен до местных торговых центров. Формально к этой категории отнесены и индивидуальные предприниматели, которых в количественном отношении в провинциальных обществах абсолютное большинство. Обычное соотношение численности малых и средних предприятий или фирм с образованием юридического лица по отношению к численности официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей составляет 1 : 5.

Я отделяю эту сферу от сферы материального производства, где представлены предприятия и фирмы среднего и крупного бизнеса, потому что малое и индивидуальное предпринимательство пересекается и даже теснейшим образом смыкается с неформальной экономикой. В провинции большинство таких предпринимателей осуществляют свою деятельность, не «показывая» значительную часть продукции и выручки, то есть не отчитываются ни перед местной властью, ни перед государством, располагаясь в «серой» зоне экономики. По моим данным, полученным от инсайдеров, нерегистрируемых индивидуальных предпринимателей всегда гораздо больше, чем зарегистрированных, но дать какие-то количественные оценки довольно трудно.

Таким образом, и две последние сферы из трех, относимых к местной формальной экономике, частично пересекаются с теневой экономикой. В провинции это не столь тщательно скрывается, как в крупных городах, в силу глубоких родственных и обширных соседских связей, да и местная власть не склонна преследовать «неформалов» за такие нарушения.

3.3. «Вторая экономика»

Неформальные хозяйственно-экономические практики домохозяйств, или, как мы их называем, «промыслы» — это очень значительная часть провинциальной местной экономики. По определению промыслы есть самодеятельная хозяйственно-экономическая

активность домохозяйства, использующая собственные средства и технологии и направленная на жизнеобеспечение (выживание) семьи и достижение иных, как правило социальных, целей. Такое производство находится по большей части вне капиталистических форм хозяйствования, не ориентировано на использование современных или инновационных технических средств (что, впрочем, спорно, поскольку примеры имеются), однако здесь широко представлены кооперация деятельности и артельный (объединение свободных предпринимателей, промысловиков) или общинный (соседско-родственный) способ организации труда. Промысловая деятельность не предполагает ни предпринимательства, ни бизнеса в их первичном смысловом значении [Кордонский, 2010, с. 45–58]. Таким образом, промыслы во многих случаях реализуются как архаические экономические институты, лишь внешне прикрытые современными правовыми и организационными формами.

Предлагаемое определение в основных чертах соответствует определениям и других авторов, акцентирующих внимание на преимущественно неформальном характере промысловой деятельности, включающей нерыночные обмены [Скотт, 1976; Ильина, Ильин, 2001; Ильин, 2001; Барсукова, 2003а; 2004; Barsukova, Radaev, 2012], или основывающихся не на экономической, а прежде всего на хозяйственной деятельности [Фадеева, 1999; Водарский, Истомина, 2004]. Промысловая хозяйственная деятельность имеет тесную связь с социальной структурой российского общества [Кордонский, 2010; Kordonsky, 2016]. Я же данным определением солидаризируюсь с феноменологическим определением промыслов, представленным и достаточно подробно рассмотренным в недавней работе моих коллег [Павлов, Селеев, 2015, с. 26]. Конечно, такое определение промыслов уже, чем определения неформальной экономики вообще (ср.: [Барсукова, 2003б, с. 15–36]). Оно во многих отношениях синонимично определению «домашней экономики», представленному здесь, но содержательно не покрывается ею, а шире. Не всегда промыслы ориентированы только на самообеспечение домохозяйства; нередко их результатом является рыночный продукт, особенно в ситуации резкой деградации местного рынка труда. Поэтому домашние промыслы есть «домашняя экономика» плюс теневая экономика.

Но важно иметь в виду, что неформальная экономика в провинции, в отличие от крупных городов, развивается преимущественно в целях именно повседневного жизнеобеспечения, но отнюдь не ради производства товарного продукта в чистом виде. И само товарное производство в домашних промыслах населения имеет целью главным образом самообеспечение. Это именно основа жизнеобеспечения и благополучия семьи, когда формально регистрируемые источники дохода оказываются недостаточными. Конечно, об этом не забывают все отмеченные выше исследователи и специально указывают на такое обстоятельство. По моим оценкам, полученным непосредственно на местах, неформальная экономическая активность составляет до половины всего объема местной экономики в тех нередких случаях, когда на территории отсутствуют крупные промышленные предприятия или агрохолдинги. Именно поэтому мы и имеем право говорить о неформальной экономике в провинции как о промысловых практиках населения.

Здесь можно выделить несколько основных сфер, в каждой из которых имеется немало видов (спецификаций). Для удобства описания и исходя из ниже указанных причин я выделяю всего четыре сферы (или вида промысловых практик), по таким основаниям, как (1) место приложения трудового усилия и (2) особенности организации производственной деятельности. Эти сферы:

- 1) отходники;
- 2) «рассеянные мануфактуры»;
- 3) «гаражники»;
- 4) домашние промыслы (более широкое понятие, чем «домашняя экономика»).

Промыслами занимаются либо дома, либо в отъезде. Отходничество есть особая форма сезонной возвратной трудовой миграции, осуществляется всегда вне места проживания и не относится к домашним промыслам. Три других выделяемых вида практик реализуются дома либо непосредственно на усадьбе домохозяйства, либо на выделенной производственной территории, каковой выступают гараж и дача, любое арендованное или захваченное помещение. Промысловые практики дифференцируются также по типу населенного пункта, где проживают промысловики, а также по степени ко-

операции их деятельности (индивидуально, в семье, в артели или в бригаде).

Отходничество. Эта сфера промысловой активности отличается наиболее широким масштабом. Феномен нерегистрируемой возвратной (циклической) трудовой миграции жителей сельской местности и малых городов в крупные города и промышленные центры страны распространился с начала 1990-х. Мы впервые описали их в конце 2000-х и в начале 2010-х годов [Плюснин, 2012; Плюснин и др., 2013; Plusnin et al., 2015]. В последние полтора-два десятилетия циклическая трудовая миграция захватила всю территорию страны и все без исключения провинциальные общества; в отходе заняты жители любых деревень и сел, самых малых и средних городов. Первоначально исключительно мужская деятельность, в настоящее время в отходе и многие женщины. В значительной своей части эта трудовая практика неформальна, официально никак не регистрируема.

«Рассеянные мануфактуры». Этот вид неформальной экономической деятельности провинциального населения обнаружен и описан С.Г. Кордонским и мной [Кордонский, Плюснин, 2018]. В отличие от домашних промыслов или отходничества, распространенных повсеместно и особенно значимых в сельской местности, «рассеянные мануфактуры» есть особая форма экономической активности населения. Представлена эта экономическая практика только в малых городах, но распространяется и на ближайшую к ним сельскую округу. Такая форма экономики присуща сообществам, территория которых или характер производства которых удовлетворяет особым условиям, а именно уникальности ресурсов и/или уникальности производства [Plusnin, Kordonsky, 2020]. «Рассеянные мануфактуры» есть явление не столь частое, как другие формы экономик, но в местностях, где они обнаружены, в них задействовано значительное количество или даже подавляющее большинство домохозяйств. Примечательно, что феномен «рассеянных мануфактур» был, вероятно, гораздо шире распространен в 1990-е годы, а к 2020-м годам, спустя 30 лет, стал вырождаться, но заметили и описали его мы только сейчас.

«Гаражники». Своеобразной промысловой группой, широко представленной в крупных и средних городах России, но немно-

гочисленной в провинциальных малых городах, являются «гаражники». Это есть особая категория самозанятых, выявленная и описанная не столь давно Александром Павловым и Сергеем Селеевым [Павлов, Селеев, 2015; Селеев, Павлов, 2016]. К категории «гаражников» ими отнесены те самозанятые индивидуальные предприниматели или их коллективы (бригады и артели), которые осуществляют свое производство или предоставляют услуги в индивидуальных гаражах, располагающихся на выделенных территориях гаражно-строительных кооперативов, а не на усадьбе собственного дома. Поэтому большинство таких кооперативов располагаются в крупных городах, где жители не имеют усадеб и индивидуальных построек для гаражей, а проживают в многоквартирных домах. В провинциальных обществах мало таких «гаражников», и они образуют здесь маргинальную группу неформально занятых предпринимателей. Просто в малых городах многие жители имеют частные дома и гаражи на усадьбе. Однако в тех же малых городах есть и жители многоквартирных домов, которые также вынуждены организовываться в гаражные кооперативы. Поэтому в провинции «гаражники» хотя и есть, но почти исключительно в административных центрах, и их практически нет в сельской округе, где домохозяйства расположены на усадьбах.

Местные эксперты обычно относят «гаражников» к теневым индивидуальным предпринимателям. Но в такой классификации «гаражники» оказываются наиболее неопределенной группой, смыкающейся и с зарегистрированными малыми предпринимателями, и в то же время составляя костяк незарегистрированных самозанятых предпринимателей. Указанные авторы сумели зафиксировать в 14 крупных и в 9 средних и малых городах более 110 видов разнообразных «гаражных промыслов» [Селеев, Павлов, 2016, с. 36–37]. «Гаражные промыслы» осуществляются на базе собственных профессиональных компетенций предпринимателя, полученных в результате обучения и затем полученного производственного опыта или использования собственного витального ресурса (личного времени и физического усилия). В силу малого количества данных, полученных мной в провинции непосредственно, мое описание «гаражников» носит лишь эскизный характер.

Домашние промыслы есть официально нерегистрируемые виды хозяйственной деятельности домохозяйств на территории местного общества с использованием ресурсов разного рода. Домашние промыслы предполагают добычу и утилизацию ресурсов на месте, на территории самого местного общества, а конкретно на подворье, на усадьбе домохозяйства. Нередко они и потребляются непосредственно, причем с минимальной переработкой. Во многих случаях они и используются только для непосредственного жизнеобеспечения, а не для продажи, хотя оба эти назначения результатов промыслов — для потребления и для продажи — нельзя различить сколь-нибудь четко, поскольку произведенное для себя часто дарится родственникам или продается соседям. Я зафиксировал около 150 видов домашних промыслов, которые осуществляются с использованием либо одного, либо сразу нескольких видов ресурсов. Из используемых видов ресурсов я выделяю в качестве основных пять:

- 1) ресурсы *in situ* (полученные в результате производства на собственном подворье, в личном подсобном хозяйстве);
- 2) природные ресурсы (преимущественно лесные и водные);
- 3) инфраструктурные ресурсы (транспортные, коммунальные, селитебные, энергетические, информационные);
- 4) люди как ресурс, поскольку они выступают непосредственным источником средств существования для домохозяйства (обычно источником денег, а не прямых услуг);
- 5) государство как ресурс, то есть промыслы на государственных ресурсах, предоставляемых отдельным, законодательно выделенным категориям граждан.

Безусловно, те и другие виды ресурсов смешиваются. Например, люди как ресурс почти всегда предполагают наличие инфраструктурных ресурсов, нередко — и определенных природных ресурсов. Так, отдыхающие, привлеченные специфическими свойствами ландшафта, обычно нуждаются в развитии и транспортной, и коммунальной инфраструктуры на привлекательной территории, а местное население может извлекать доходы из всех трех источников ресурсов одновременно.

Многообразие домашних промыслов на территории местного общества велико, но еще выше вариативность видов этих промыс-

лов на разных территориях России. На юге страны они радикально отличны от севера, европейская и сибирская части тоже различны как по видовому составу, так и по разнообразию промыслов. Вместе с тем мной обнаружен и эффект «гомологичности» промысловых практик в удаленных друг от друга регионах, в случае, если совпадают состав и обилие базовых видов ресурсов.

Существенную часть многообразной формы домашних промыслов составляет в провинциальном местном обществе деятельность незарегистрированных самозанятых местных предпринимателей, которых в крупных городах относят к категории «гаражников». Но нет надежных критериев отнесения их к той или другой категории, поскольку сами «гаражи», где осуществляется переработка ресурсов и производится конечная продукция, располагаются на усадьбе домохозяйства.

Домашние промыслы по своей видовой принадлежности могут быть отнесены к любому из выделяемых исследователями видов неформальных экономик: домашней, реципрокной или криминальной [Барсукова, 2009, с. 112–123]. Это могут быть собственно домашние экономики — хозяйственная деятельность, осуществляемая в рамках одного домохозяйства, использующего индивидуально-родственные связи для производства натуральной продукции с целью повседневного жизнеобеспечения, без выхода на рынок. Подавляющее большинство домохозяйств включены в этот вид неформальной экономики. В целом ряде местных обществ таковы все.

Домашние промыслы есть также и «реципрокная экономика», создающая нерыночные и неденежные сети взаимного (реципрокного) обмена между родственными домохозяйствами (но нередко и между соседями). Во многих наших провинциальных обществах повседневная жизнь людей невозможна без поддержки со стороны соседей и родственников. Очень часто необходима кооперация, артельный труд и «помочи». Причем это в равной степени относится не только к сообществам Севера Сибири или Арктики, где люди не могут существовать изолированно, но и к сообществам средних широт в Нечерноземье и даже к южным сообществам Северного Кавказа или Приморья. Такую взаимную поддержку домохозяйств мы обнаруживаем в любом местном обществе, где-то в меньшем,

а где-то и в полном объеме (впрочем, это характерная черта не только российского провинциального общества, см., например: [Ledeneva, 2018, p. 125–212]).

Но немало домохозяйств погружены и в теневую и криминальную экономику. Особенно это касается добычи запрещенных ресурсов (например, красной рыбы сёмги, осетровых рыб, «красно-книжных» зверей и птиц — тигра, барса, лебедя, улара, и таких же растений — женьшеня, золотого, маральего или красного корней) или производства и распространения запрещенной продукции (например, выращивание конопли и мака, изготовление и сбыт синтетических наркотиков, предоставление услуг проституток, торговля самогоном и виноматериалами или даже выращивание свиней на частных подворьях, что в некоторых регионах запрещено). Несмотря на все запреты, повсеместно многие домохозяйства заняты в таких криминальных видах промыслов, осуществляя свою деятельность на базе личных и клановых связей и используя закрытые криминальные рынки, куда, впрочем, доступ посторонним не затруднен в силу локальности и «круговой поруки» (взаимной поддержки знакомых людей).

3.4. Связь неформальных хозяйственных практик с селитебной структурой

Анализ представленности вышеупомянутых сфер неформальных экономических практик в поселениях разного типа обнаруживает совершенно определенную зависимость. На рис. 3.1 показана зависимость основных видов промысловых практик от селитебной структуры. Домашние промыслы и отходничество широко распространены в селе и малом городе, и их масштабы резко сокращаются в среднем и крупном городе. Отходничество — удел населения малых городов и сел, но в последнее десятилетие этот вид промыслов стал распространяться и в более крупных городах. «Рассеянные мануфактуры» обнаруживаются только в малых городах и в ближайшей к ним сельской округе; они не найдены ни в средних, ни в крупных городах, и я подозреваю, что здесь их и быть не может (см. ниже об этом). Напротив, «гаражная экономика» распространена только

в крупных и средних городах, она редко представлена и чаще отсутствует в малом городе, ее нет в сельской округе по упомянутой очевидной причине.

Рассматривая приведенную схему, надо иметь в виду, что объем неформальных экономических практик и многообразие их видов много больше в сельской местности и малом городе, нежели в крупных и средних городах. Поэтому на рис. 3.1 приведены лишь относительные доли для каждого вида поселения отдельно. Нельзя, например, сравнивать объем домашних промыслов с «гаражной экономикой» по их площадям, выделенным на рисунке: первая значительно больше второй, точно так же и численность отходников много больше численности «гаражников». Кроме того, на рис. 3.1 показано примерное соотношение долей промыслов в разных типах поселений. Условность такого соотношения очевидна из того факта, что одни и те же семьи могут быть заняты и во множестве видов домашних промыслов, и одновременно в других видах, например в отходе, в «мануфактурах» и в «гаражах».

О чем может свидетельствовать такое наблюдение, которое можно определить как «разобщенность селитебно-экономических ниш»? Как минимум об увеличении потенциала рынка труда на локальной территории и снижении конкуренции между категориями работников, занятых одними и теми же массовыми видами промыслов. Замечу, что наибольшее разнообразие видов промысловых практик имеет место только в малых городах. Это видно на рис. 3.1, на котором представлены четыре основных вида экономических практик. Сельская округа обеспечивает свое существование прежде всего и исключительно за счет домашних промыслов и отходничества. Участие сельских жителей в «рассеянных мануфактурах» имеет место только в поселениях, расположенных близко к городам, где таковые есть. В средних и крупных городах доминирует «гаражная экономика», а домашние промыслы и отход имеют весьма малое значение, это удел скорее населения здешних окраин и пригородов. Наличие в селе достаточно больших усадеб¹ предполагает развитое

¹ Средняя площадь сельской придомовой усадьбы формально составляет 0,4 га, но нередко она больше, к тому же многие домохозяйства имеют уда-

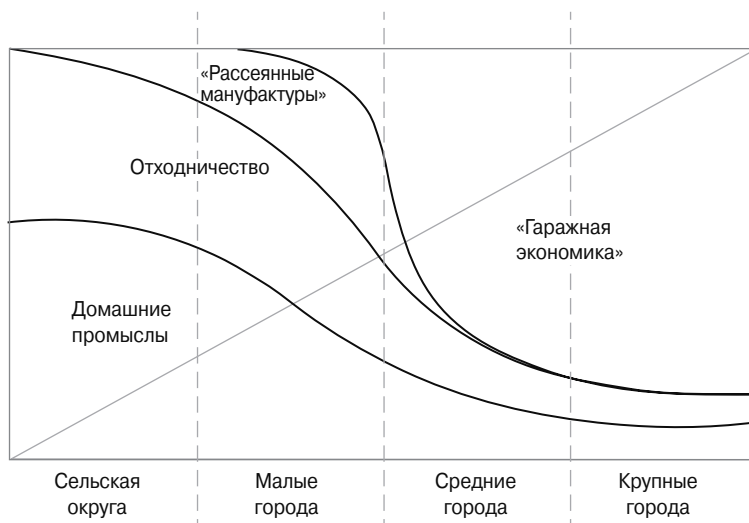

Рис. 3.1. Структура видов неформальных экономических практик (промыслов) населения в зависимости от типа поселений (пояснения см. в тексте)

Источник: [Плюснин, 2022, с. 235].

домашнее производство. Низкая плотность населения и изобилие природных ресурсов предполагают высокодоходные природные промыслы. Нехватка «живых денег» и отсутствие источников их поступления на месте вследствие отсутствия рынка труда заставляет сельских жителей заниматься отхожими промыслами.

ленные участки полей для выращивания картофеля и других овощей; кроме того, имеются арендуемые сельхозугодья, например, сенокосы и выпасы могут иметь площади до 100 га и более. Для обеспечения картофелем обычной семьи из 3–4 человек в средней полосе Европейской России достаточно 1/10 площади придомовой усадьбы, для полного обеспечения разнообразными овощами, ягодами и фруктами достаточно 1/3–1/2 площади усадьбы (1,5–2 тыс. м²). Арендуемых сенокосов и выпасов достаточно для содержания 10–20 коров и нескольких лошадей, хотя нередки и ситуации владения стадами до 100 голов коров или лошадей и до 1–2 тыс. голов овец.

В крупных и средних городах ситуация противоположная. В них достаточно развитый рынок труда и всегда есть скудные источники денежных доходов, но нет возможности промышлять на природных ресурсах. Здесь домашние промыслы ограничены производством натуральной продукции на небольших (обычно 300–600 м²) садовых участках, которые, хотя есть у подавляющего большинства городских семей [Между домом..., 2016, с. 300–335], обычно в количестве двух и даже трех на одно домохозяйство, лишь в небольшой мере могут служить источником дохода. Поэтому в среднем и крупном городе все дополнительные доходы получаются за счет «шабашничества» в гаражах, если только человек живет не за счет криминальной деятельности и не уезжает в качестве отходника на более доходные заработки в Сибирь и «на Севера».

Наихудшая же ситуация, как с точки зрения возможностей самообеспечения, так и развитости рынков труда, имеет место как раз в малых городах — тех самых административных центрах местных обществ. Это особенно болезненно сказалось на жителях малых городов в 1990-х годах; результатом развала местной экономики и отсутствия источников самообеспечения были не только бедность и крайняя нужда, но и голод (см. мои полевые исследования 1992–2000 гг.: [Плюснин, 1997 а или б?; 2000]). Вследствие этого население малых городов за три десятилетия вынуждено было выработать многообразные механизмы адаптации и фактически к нынешнему времени оно стало «эвритопным» с точки зрения способов жизнеобеспечения в нестабильной среде.

Поэтому анализ неформальной экономики населения местного общества демонстрирует существенные различия каждой из двух его составляющих — центра и сельской округи. Промысловые практики сельской округи разнообразны, но однородны. В центре местного общества они разнообразны, но и разнородны. Одновременно с этим и местная формальная экономика в административном центре представлена 40–80 бюджетными учреждениями (чего нет почти совсем в сельской округе), в основном производственными предприятиями и предприятиями сферы услуг; здесь же сконцентрирована и наибольшая доля местных предпринимателей. Так что в административном центре, малом городе или селе/поселке оказы-

ваются сосредоточены все виды местной формальной и неформальной экономики.

В следующих главах представлено описание преимущественно неформальных экономических практик. Местной формальной экономике уделено совсем немного внимания, главным образом, чтобы оттенить ее неформальную составляющую. Ей посвящена следующая глава. Содержание пятой главы составляют описания обширных домашних промыслов. Они описываются достаточно подробно — в основном потому, что эти виды экономической активности мало или совсем неизвестны экономистам и социологам. Надо иметь в виду, что наименование «домашние промыслы» очень широко, к этой категории я отношу все описываемые виды промыслов, включая даже выделяемые особо отходничество и мануфактуры. Только лишь неопределенный статус малого бизнеса в провинции — по преимуществу индивидуального предпринимательства — заставляет рассматривать его в качестве «межумочной» формы: одной ногой он стоит в зоне государственного регулирования, но другой и глубже — в «серой» и «черной» зонах. Поэтому вопрос этот рассматривается особо. Отдельная глава посвящена двум взаимосвязанным — но дополнительным — архаическим формам промыслов: «рассеянными мануфактурами» и отходничеству. Первые являются буквальной «реинкарнацией» архаических мануфактур, возникших в Европе в начале Нового времени, и представляют собой коммунальные формы организации трудовой деятельности, в которую вовлечено значительное число домохозяйств малого города и ближайшей сельской округи — до половины и более всех в местном обществе. Вторая — еще более массовая и также архаическая форма, но осуществляется вне места проживания. Поскольку отходничество характерно для малого города и сельской округи, то эта форма промысловой активности оказывается альтернативной и дополнительной первой, «рассеянной мануфактуре».

Глава 4

МЕСТНАЯ ФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Здесь я рассматриваю весьма поверхностно и бегло — исключительно в контексте описания неформальных экономических практик — ту часть местной экономики, которая регистрируется и учитывается органами государственной статистики, где предприятия и фирмы платят налог в местный или региональный бюджет, а по результатам деятельности всех организаций — крупных, средних, малых и микропредприятий и бюджетных учреждений — местная власть отчитывается перед вышестоящей государственной властью, и результаты совокупной экономической деятельности учитываются в соответствующих документах¹. Как уже указано выше, я рассматриваю местную экономику в простейшем ракурсе деления ее на три условные сферы: (1) бюджетная, (2) материальное производство и услуги и (3) среднее и малое предпринимательство (которые также есть в значительной степени сфера услуг).

4.1. Бюджетная сфера

В каждом районе каждой области России имеется значительное количество бюджетных организаций региональной государственной или местной муниципальной подчиненности. В качестве примера

¹ Такими документами являются «Стратегия социально-экономического развития муниципального образования», «Прогноз социально-экономического развития...», «Программа...» или «Проект...», а также «Паспорт муниципального образования» и ежегодные отчетные «Доклады глав муниципалитетов о достигнутых значениях показателей для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления...».

в табл. 4.1 приведен достаточно полный список таких организаций. Перечисленные в таблице организации бюджетной сферы имеются не на всех территориях, что обусловлено двумя причинами: исторической и организационной.

Во-первых, с раннего советского времени многие районы при их образовании из прежних административно-территориальных единиц — уездов Российской империи — формировались либо как промышленные, либо как сельскохозяйственные районы (нередко уезд делился на 2–4 таких района). Соответственно, формировался и разный состав государственных бюджетных организаций. Это различие сохраняется и по сей день. Во-вторых, с целью оптимизации системы управления бюджетной сферой некоторое время назад (с начала 2000-х) были осуществлены организационные преобразования, в значительной мере затронувшие именно провинциальные общества. Были, в частности, созданы межрайонные организации, когда в нескольких соседних районах ликвидировались (упразднены) учреждения одного вида и их функции передавались единственному учреждению, располагавшемуся в одном из районов и обслуживавшему сразу несколько (2–4 и более) соседних районов. Например, таковы теперь многие военные комиссариаты, специализированные больницы, службы социального обеспечения, центры занятости населения и др. Поэтому в табл. 4.1 выделены два столбца: первый включает перечень бюджетных организаций, имеющих в любом муниципальном районе, а во втором перечислены организации, имеющиеся в некоторых районах, например, в случае, когда административный центр является значительным региональным городом, важным промышленным или транспортным узлом, в котором располагаются межрайонные территориальные управления государственных организаций, или район пограничный, или имеет особый административно-территориальный статус (например, ЗАТО — закрытое административно-территориальное образование).

Кроме деления по уровням подчиненности (государственная или муниципальная), бюджетную сферу можно разделить и по направлениям деятельности учреждений и предприятий. Основную группу здесь составят учреждения «социального воспроизводства»,

где занято наибольшее количество работников-служащих, которым местная власть уделяет наибольшее внимание в ежегодных отчетах и программах («проектах», «прогнозах», «планах» и «стратегиях») социально-экономического развития района. Это учреждения образования: школы и дошкольные учреждения (детские сады), детские образовательные учреждения (детские школы искусств, музыкальные школы и проч.), учреждения дополнительного образования, среднего специального образования (колледжи, училища, техникумы), филиалы высших учебных заведений. Статья расходов на образование по всем указанным позициям является основной в бюджете муниципального района/округа, часто и городского округа. На ее долю приходится от 40 до 60% всех расходов местного бюджета и, соответственно, основная часть объема межбюджетных трансфертов.

Муниципальные учреждения культуры — вторая по многочисленности персонала составляющая бюджетной сферы. Это дома культуры, библиотеки, музеи, кинотеатры. Несмотря на большие проблемы с содержанием этих учреждений, практически все муниципалитеты продолжают сохранять систему библиотечного обслуживания в сельской местности и сельские дома культуры, поскольку это один из важнейших факторов самоорганизации и самоуправления в поселениях сельской округи, что вполне понимают местные власти (см. специально: [Плюсин, Кордонский, Скалон, 2009, с. 61–62; 104–111]). Еще одна составляющая — учреждения физической культуры и спорта (физкультурно-оздоровительные центры, стадионы, футбольные поля, хоккейные площадки, бассейны, тренировочные залы, лыжные базы и проч.), которые содержатся за счет муниципального бюджета с некоторой государственной финансовой поддержкой и, в последние годы, нередко с участием крупных компаний, например «Газпрома». В совокупности работники, занятые в социально-воспроизводственной части бюджетной сферы (образование, культура, спорт), составляют до половины и более всех бюджетников в любом местном обществе.

Значительную долю бюджетников составляют работники, занятые в сфере здравоохранения. В административных центрах они работают в районных больницах и поликлиниках, в сельской округе — в многочисленных фельдшерско-амбулаторных пунктах. В не-

которых обществах (как правило, в промышленных городах) имеются специализированные учреждения здравоохранения с предоставлением высокотехнологической врачебной помощи. В отличие от других упомянутых организаций «социального воспроизводства», имеющих муниципальную принадлежность, здравоохранение некоторое время назад (после 2012 г.) было возвращено в систему государственного управления в силу очевидной неспособности муниципалитетов наладить управление этой сферой на своем уровне. Теперь все учреждения здравоохранения являются государственными (конечно, за исключением частного здравоохранения, которого, однако, не так много в провинции, в отличие от крупных городов).

Особую категорию бюджетников составляют муниципальные учреждения и предприятия. Прежде всего это муниципальная администрация четырех видов образований: городского или муниципального округа, муниципального района, двух видов поселений — городского и сельского. В совокупности это небольшое количество служащих, от 20 до 50 работников, в среднем 30. Иные муниципальные учреждения, помимо указанных учреждений воспитания, образования, культуры, спорта, весьма немногочисленны. Больше есть муниципальных унитарных предприятий (МУП), но их сотрудники чаще всего являются наемными работниками и получают оплату по результатам хозяйственной деятельности; только некоторые их сотрудники — это бюджетники.

Из многочисленных государственных организаций, представленных на территории местных обществ (см. табл. 4.1), следует указать различные фонды, финансово-кредитные организации, суды, контрольно-надзорные службы, включая прокуратуру, полицию и Федеральную службу безопасности, финансово-экономические службы и службы энергетического контроля, связи и информационного контроля, военные и военизированные организации, а также организации по обеспечению жилищно-коммунального хозяйства. Численность работников, служащих в этих организациях, составляет в совокупности от 1/3 до 1/2 всей численности бюджетников. Наибольшая численность наблюдается в правоохранительных органах: в районных отделах внутренних дел (РОВД) служат до 200–300 сотрудников. Поэтому нередко в небольших по численности на-

селения муниципалитетах эти организации считаются «градообразующими», то есть с наибольшим количеством работников.

Всего, таким образом, в любом небольшом муниципалитете насчитывается не менее 40–50 бюджетных организаций, а в нередких случаях (когда численность населения составляет от 40–50 тыс. до 100 тыс. человек, или в особых муниципалитетах, например ЗАТО) их больше 80. Поэтому бюджетная сфера и составляет столь значительную по численности работников часть местной экономики. Чем меньше местное общество, тем выше доля бюджетников. В среднем их от 20 до 40% от всего трудоспособного населения. А в отдельных случаях, если только половина населения занята в местной экономике, их доля составляет до 60 и даже 70%.

Таблица 4.1. Бюджетные организации государственного и муниципального подчинения в статусе территориальных управлений, отделов, служб и т.п., имеющиеся в городском округе или муниципальном районе/округе

Повсеместно (в любом местном обществе)	В отдельных случаях (см. примечание)
Районный суд	Арбитражный суд
Мировой судья	Военная прокуратура
Служба судебных приставов	Гарнизон
Прокуратура	Оперативно-розыскное бюро
Районный отдел внутренних дел (РОВД)	Таможенное управление
Федеральная служба безопасности (ФСБ)	Финансово-бюджетный надзор
Районный отдел Гражданской обороны и Министерства чрезвычайных ситуаций (ГО и МЧС)	Управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды (УГМС)
Управление Пенсионного фонда (ПФ)	Горный и промышленный надзор
Отдел Фонда социального обеспечения	Геологический контроль

какое? Где оно?

Повсеместно (в любом местном обществе)	В отдельных случаях (см. <u>примечание</u>)
Социальное страхование	Антимонопольная служба
Налоговая служба	Агентство по недропользованию
Управление Федеральной миграционной службы	Надзор в сфере природопользования
Обязательное медицинское страхование (фонд)	Спасательные базы авиации
Лесхоз (управление лесного хозяйства)	Радиационная служба
Рыбнадзор (управление по рыболовству)	Автодорожный надзор
Росздравнадзор	Технологический надзор
Управление имуществом	Экологический надзор
Надзор по защите прав потребителей (Роспотребнадзор)	Территориальный орган Министерства природных ресурсов
Инспекция труда	Наркоконтроль
Регистрационная служба (отдел записи актов гражданского состояния — ЗАГС)	Служба исполнения наказаний (ФСИН)
Центр Службы занятости населения (ЦЗН)	Россвязнадзор
Санитарно-эпидемиологическая станция	Инфекционные отделения
Учреждения дополнительного образования детей (Детские дома творчества, Дома пионеров, Детские школы искусств, Музыкальные школы)	Надзор в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Местные масс-медиа (районная газета, местное телевидение)	Служба государственной регистрации, кадастра и картографии
Дорожное ремонтно-строительное управление (ДРСУ)	Ветеринарная и фитосанитарная служба
Учреждения здравоохранения (районная больница, поликлиника, ФАП)	Дополнительное профессиональное образование

?

Повсеместно (в любом местном обществе)	В отдельных случаях (см. примечание)
Отделение Управления Федерального казначейства	Филиалы высших учебных заведений
Учреждения культуры (дома культуры, библиотеки, музеи, кинотеатры)	Учебные заведения среднего специального образования
Детские сады	Интернаты инвалидов и престарелых
Общеобразовательные школы	Школы закрытого специального типа
Почта	Интернаты (школы-интернаты)
Телеграф, телефон, интернет	Военный комиссариат
Учреждения физической культуры и спорта	Особо охраняемая территория
Филиалы государственных банков	Санатории, профилактории
Администрации городских и сельских поселений	Кадастровая палата
Городская окружная (городской округ) или Районная муниципальная администрация	Государственная районная электростанция (ГРЭС)
Районная электросетевая компания	Тепловая электроцентраль (ТЭЦ)
Водоканал и канализация	Гидроэлектростанция (ГЭС)
Управляющая компания жилищно-коммунального хозяйства	Газогенераторная электростанция (ГГС)
Муниципальное кладбище	
Газовая служба	
Полигон твердых бытовых отходов	

4.2. Сфера материального производства

В материальном производстве находятся обычно около $2/5$ всех занятых в местной экономике, хотя по отдельным обществам значения варьируют от 20 до 60–70%, в зависимости от степени развития промышленного производства. Если район промышленный и имеется несколько средних и крупных предприятий (рудники, шахты, горно-обогатительные комбинаты, горные заводы, заводы по созданию высокотехнологической продукции, деревообрабатывающие комбинаты, пищевые комбинаты и фабрики, агропромышленные комплексы, фермы и проч.), то значительная доля занятых в экономике трудятся именно здесь. В предельном случае она составляет около 40% всего трудоспособного населения (или всего экономически активного населения, численность которого больше, чем трудоспособного, примерно на 10–15%). Но таких обществ немного, в среднем же в материальном производстве занято лишь 15–25% населения.

С точки зрения занятости в материальном производстве наблюдается значительный перекося для провинциального общества, поскольку еще 20–30 лет назад доля занятых в нем составляла 50–70%. Это также одна из главных причин элиминации старших возрастных групп работников из местной экономики. Они уже не имеют индивидуальной способности и технической возможности осуществить профессиональную переподготовку по новым видам специальностей — особенно в непривычной и психологически неприемлемой для них сфере услуг — и им остаются лишь две сферы для приложения сил: это уход в теневую экономику или переход на низкооплачиваемые неквалифицированные виды работ. Поскольку в провинции уровень зарплат в этой последней сфере ниже уровня средней пенсии на $1/4$ – $1/3$, то люди не видят смысла искать такие заработки и тратить свое время, которое они могут с успехом посвящать значительно более прибыльным теневым промыслам.

Сферу материального производства составляют в провинции преимущественно предприятия легкой промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта. Как я указывал ранее, крупных предприятий здесь немного, обычно 1–3 на район, но в

3/5 всех наблюдаемых случаев их на территории нет совсем. В моей основной выборке из 142 местных обществ на территории только 60 из них имеются крупные предприятия (42%). Обычно местная статистика учитывает крупные предприятия вместе со средними, выделяя первые отдельным списком. Количество же последних (средние предприятия) прямо зависит от численности населения в местном обществе. Относительное количество крупных и средних предприятий в пересчете на 10 тыс. жителей составляет около полутора десятков. При средней численности наших провинциальных обществ — обычно чуть более 30 тыс. человек — это означает наличие 40–50 предприятий такого масштаба. При численности в 20 тыс. жителей таких предприятий обычно 10–30. При численности более 40 тыс. жителей их уже около сотни. Разброс значений в реальности, конечно, гораздо больший: от нескольких единиц до нескольких сотен предприятий. На первый взгляд нетрудно пересчитать количество таких предприятий в каждом местном обществе, но на практике оказывается, что отчетная статистика очень неопределенна и оперирует разными значениями в разных документах, и неясно, какие из них предпочесть.

В промышленных районах основу местной экономики составляют крупные и средние предприятия, создающие до 2/3 и более всего объема произведенной и отгруженной продукции в денежном выражении. Малые и микропредприятия, хотя их существенно больше (в десятки раз), производят значительно меньше продукции². В сельских районах, которых в стране больше, основу экономики составляют агропромышленные комплексы (если они есть — а это в основном на юге Европейской России и на юге Сибири), мясомолочные комплексы, маслосырзаводы, крестьянские фермерские хозяйства. Отгонное скотоводство имеет место в обществах Крайнего Севера (оленоводство), на юге Сибири и европейской части (животноводство, мараловодство, овцеводство и коневодство). В последние десятилетия частное дворовое животноводство и отгонное ското-

² Впрочем, это характерная черта всей российской экономики: по данным Росстата, всего лишь 0,1% крупнейших предприятий реального сектора экономики (6 тыс.) создает 2/3 всей продукции. <https://www.gks.ru/folder/10705>

водство «давятся» со стороны агропромышленных комплексов, где развивается стойловое животноводство (особенно свиноводство).

В значительной части местных обществ на севере страны и повсеместно в Сибири основу экономики составляет лесная промышленность: порубка деловой древесины и ее вывоз, а также — в меньшей степени — ее первичная переработка на месте (производство пиломатериалов, доля которого до недавнего времени составляла лишь четверть всей заготовленной древесины, но в настоящее время быстро возрастает вследствие принятых государством ограничений на вывоз необработанной древесины, «кругляка»). Широко распространены в 1990–2000-х годах мелкие предприятия по заготовке и первичной переработке деловой древесины («лесники» и лесопилки) — в те годы их количество составляло от 10 до 50 в каждом местном обществе с лесной специализацией — в 2010-х и в начале 2020-х замещаются крупными предприятиями вследствие неблагоприятного для малого бизнеса развития законодательства в сфере лесопользования (см., например, [????????????????????]). В большинстве своем такие предприятия «чужие» не только для местного общества, но и для всего региона. Поскольку они не платят налоги в местный бюджет, в то же время вытесняя местных лесопромышленников, то на местах воспринимаются как «хитники», грабители как ресурсов, так и населения.

Многие местные общества узко специализированы на каких-то отдельных видах производств. В моей выборке есть и моногорода — их всего 21 в 142 обществах (15%), что примерно соответствует пропорции монопрофильных поселений относительно всех городских поселений России (из 321 такого поселения, см.: <http://моногорода.рф/>; <https://regnum.ru/news/1886332.html>). В муниципалитетах-моногородах более 25% населения трудоспособного возраста заняты, как правило, на крупном, но единственном предприятии, а в самих административных центрах занята почти половина и более населения.

4.3. Сфера услуг

В провинциальных обществах сфера услуг представлена преимущественно торговлей. Существенно меньше — транспортными услугами (такси, грузоперевозки, ремонт и обслуживание автомобилей).

Еще меньше — бытовыми услугами (ремонт бытовой техники, хозяйственное строительство и мелкий ремонт помещений, косметические, коммунальные услуги). В отличие от советского времени, предприятия по оказанию бытовых услуг серьезно деградировали. За исключением разве что ритуальных услуг и парикмахерских. В любом провинциальном городе приезжий найдет до двух десятков парикмахерских и пяток фирм с услугами по захоронению усопших. Особенно такие практики развиты на западе и юге европейской части страны (здесь, в частности, имеется и по несколько кладбищ, нередко до десятка на город с населением всего в 20–30 тыс. жителей; часто эти кладбища не муниципальные, а частные, при этом многие из них неучтенные, то есть официально не существующие). В целом же сфера бытовых услуг в официальном сегменте экономики совершенно не развита. Причина в том, что она еще в начале 1990-х легко и быстро переместилась в неформальный сектор; многие услуги предоставляются «на дому», частным образом, и налоги нигде не платятся.

В провинции основа сферы услуг — торговля. Более 90% всех предприятий частного бизнеса, зарегистрированных в местной экономике³, — именно торговые организации. Здесь они представлены тремя базовыми видами: (1) местными торговыми «точками», (2) супермаркетами, (3) еженедельными рынками. В первом случае это частные магазины, располагающиеся в самых разных местах: в жилых помещениях, ранее бывших квартирами, в подвалах многоэтажных домов или в отдельно выстроенных зданиях-палатках либо во вполне солидных зданиях торговых центров. До сих пор остается немало торговых ларьков, бывших в 1990-е годы наиболее массовым видом «торговых точек».

Важной характеристикой провинциальных «торговых точек» является некая инварианта соотношения их количества с количеством домохозяйств в каждом конкретном поселении. По моим продолжительным и разнообразным наблюдениям, в провинции

³ На этот момент обращаю внимание специально, потому что помимо торговых существует еще немало других предприятий в сфере услуг, но в большинстве своем они в тени, на дому, по усадьбам.

«торговая точка» имеет шанс работать не в убыток и выжить только в том случае, если она обслуживает не менее 30 домохозяйств (примерно 100–120 человек). К настоящему времени такое соотношение стабилизировалось в подавляющем большинстве административных центров — все они насыщены «торговыми точками».

Однако в последние 5–7 лет сложившееся положение начинает нарушаться вследствие массового появления в провинции продуктовых торговых сетей («Магнит», «Пятерочка», «Дикси», «Перекресток», «Мария-Ра» и др.). Они отнимают клиентов у мелких магазинов, и те вынуждены закрываться. Местные жители, как и местные эксперты, вполне рационально расценивают эти тенденции как неблагоприятные для местной экономики. Стоимость продукции в супермаркетах ниже, чем в мелких магазинах, но и качество продукции существенно хуже. Важнее же то, что такой политикой торговые сети разрушают не только местную торговлю, но и местное производство продуктов питания, обычно гораздо более качественных, но и с более высокой себестоимостью. Таким образом, ретейлеры наносят экономике провинции тройной удар. Они, во-первых, вытесняют местную торговлю, во-вторых, разрушают местный реальный сектор экономики, сокращая тем самым, в-третьих, и местный рынок труда.

Третьим базовым видом торговли в провинции является рынок. Это лишь на первый взгляд малозначимый и малоприметный со стороны, но в действительности очень важный общественный институт. Во всех без исключения районных центрах страны, а также в некоторых крупных селах еженедельно, во вполне определенный день, открывается рыночная торговля в центре города. Она идет недолго — с утра до полудня, но является одним из самых значимых общественных институтов, поскольку выполняет сразу несколько важных функций. Помимо собственно торговли (потребности которой, впрочем, вполне могут быть удовлетворены торговыми сетями и «точками»), рынок выполняет функцию классического *форума*. В определенный день недели люди съезжаются со всего района, чтобы встретиться на рынке со своими знакомыми и пообщаться. Женщины показывают наряды, мужчины договариваются о рыбалке, охоте и посиделках. Это архаический институт, сохранивший-

ся в неизменном виде в провинции с имперского и более древнего периода, каким он был и в Европе с давних времен [Pirenne, 1937, р. 9–10]. Данный институт продолжает выполнять эти функции и в наше время повсеместно в провинциальных российских городах. Нет ни одного районного центра, где не было бы еженедельного рынка. В такие дни — не всегда выходные, чаще это будни — бюджетные учреждения пустеют, магазины и поликлиники переполнены, в банках и конторах, выдающих разнообразные справки и разрешения, длинные очереди. Люди приезжают на рынок, чтобы купить продуктов на неделю, а заодно решают и все остальные проблемы. В эти несколько часов рыночного дня городок преобразается: все окрестные улицы и все пространство заполнено людьми и машинами. После полудня центр с базарной площадью пустеют, из города тянется поток автомобилей торговцев, переезжающих в следующий районный центр, туда, где завтра назначен другой рынок. Традиция важная и имеющая для населения значение больше общественное, нежели коммерческое.

Транспортные услуги — это сравнительно недавно появившийся сегмент, он развился вслед и вместе с автомобилизацией населения и одновременно с деградацией в провинции общественного транспорта. За 30 лет провинция, как и крупные города, прошла путь от единичных частных автомобилей до поголовной автомобилизации: почти в каждой семье есть один или два автомобиля. Кроме того, в провинции многие домохозяйства оснащены также тракторами, грузовиками, снегоходами, квадроциклами, мотоциклами (местами и частными вертолетами, как в некоторых поселениях Дальнего Востока и Крайнего Севера, см., например: [Плюснин, 2018б, с. 144–145]). Соответственно, в громадных размерах вырос сегмент обслуживания всей такой техники, но прежде всего автомобилей и тракторов. По моим грубым оценкам, в административных центрах на каждые 300–500 семей приходится одна автомастерская. Но еще больше частных незарегистрированных мастерских в гаражах. Кроме того, многие жители продолжают ремонтировать свои автомобили самостоятельно.

Значительно вырос и частный извоз. В каждом городке появились 3–5 и более фирм такси с 5–10 наемными водителями-таксиста-

ми. Но на такси *«...теперь ездят только студенты и пенсионеры»* — те, у кого еще нет собственных автомобилей. Выросли услуги автомобильных грузоперевозок. Между тем значительная часть всех видов транспортных услуг остается в тени; по мнению местных экспертов, соотношение зарегистрированных предприятий и теневых составляет 1 : 2 и более.

Помимо этих трех указанных видов услуг необходимо отметить еще два новых, также сформировавшихся заново только в постсоветские годы и развивающихся темпами столь же быстрыми, как и в крупных городах. Это услуги информационные и услуги, связанные с частным жилищным строительством. Повсеместно в городках и в крупных селах имеется интернет и во многих местах уже заведена скоростная оптоволоконная связь, каждая семья имеет не только телевизор с несколькими десятками и даже сотнями каналов, обеспечиваемых космической связью, но и персональные компьютеры, ноутбуки и смартфоны. Без преувеличения можно сказать, что население провинции поголовно информационно обеспечено. Пропорционально растет и объем услуг по сопровождению, наладке и ремонту оборудования. Телевидение и телефонная связь уже перекрыты связью с помощью интернета. В информационное поле погружены не только взрослые и подростки, но и малые дети и самые древние старики. Соответственно, неизмеримо вырос объем предоставляемых интернет-услуг, обеспечивающих связь как внутри местного общества, так и с внешним миром. Многие семьи заказывают товары на маркетплейсах (например, китайских). Эта практика стала повсеместной. Развилось предоставление и разнообразных местных услуг через интернет. Например, через интернет теперь продают продукты питания собственного производства (торты, пирожные, пряники, варенье и проч.), торгуют вином и самогоном, книгами и антиквариатом, осуществляют криминальные сделки (торговля наркотиками, оружием, другой запрещенной продукцией).

Аналогичным образом получили развитие и строительно-ремонтные услуги. Это обусловлено бумом индивидуального жилищного строительства, начавшегося в провинции несколько позднее, чем в крупных городах, с 2000-х. Тем не менее и эти указанные сег-

менты сферы услуг, кроме торговли, остаются только одной ногой в поле формальной экономики, большая же часть — это неформальный сектор экономики.

Наиболее примечательная и важная особенность формальной экономики в российской провинции заключается в ее однотипности. Она везде одинакова. Одинакова прежде всего потому, что ее основу составляет бюджетная сфера. А она повсюду устроена по типовой схеме. Одинакова и всюду слабо развитая сфера услуг. Даже формат рыночной торговли (еженедельные выездные базары) однотипен на всем пространстве России. Казалось бы, сфера материального производства уж должна показывать разнообразие видов и вариативность форм. Но местное материальное производство в провинции уже 30 лет как зачахло и лишь кое-где заводы и фирмы выдают продукцию на российский уровень. Крайне невыразительно индивидуальное предпринимательство, нигде не вышедшее на уровень хотя бы $\frac{1}{4}$ местного производства. Формальная экономика провинции создает однородный серый фон, оттенки которого едва различимы от территории к территории и от региона к региону.

И вот как раз на этом фоне расцветает буйное многоцветье «серых» неформальных экономических практик. Подспудно, не на свету, а в тени бурлит экономическая активность населения. В нее погружены каждое домохозяйство и каждый человек, от мала до велика. Это не метафора: в неформальной экономике заняты и старики, и взрослые, и дети. Каждое домохозяйство практикует до десятка видов промыслов, каждое село — до нескольких десятков, каждое местное общество — до сотни и более разнообразных промыслов. Поэтому, если говорить о провинциальной экономике, то это значит говорить прежде и в основном о неформальной хозяйственной и экономической активности домохозяйств (хозяйственная — для самообеспечения, экономическая — для продажи и дополнительного денежного дохода). Соответственно, все остальные главы книги посвящены исключительно «второй» экономике, промысловым практикам домохозяйств.

Глава 5

ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ

Материалы этой главы по преимуществу составляют описания неформальной экономики домохозяйств¹. Иначе говоря, это есть описание местных промыслов как средств жизнеобеспечения домохозяйств. Такая экономика не регистрируется государственной статистикой, в отношении ее имеются только экспертные и выборочные оценки разного рода. Именно здесь неформальная экономическая активность во многом как бы «противостоит» формальной экономике. При этом она мало или недостаточно описана, особенно в части конкретных форм экономического поведения домохозяйств и особенно в микромасштабе конкретных локальных обществ (см. недавнее большое исследование, хотя и посвященное не только неформальной экономике: [The Global Encyclopedia..., 2018]). Хозяйственные практики людей просто располагаются слишком глубоко для внимания исследователей и бывают видны только при непосредственном наблюдении на месте. Поэтому здесь я уделяю внимание именно промысловым практикам отдельных домохозяйств в полутора сотнях отдельных поселений нескольких десятков местных обществ на всем пространстве провинциальной России.

Неформальная экономическая активность людей, объединяемая термином «домашние промыслы», очень многообразна прежде всего из-за множества используемых и привлекаемых ресурсов, а также из-за разнообразия и видов производимых продуктов. Она, как известно, существует повсеместно, местами едва заметная, местами же всеподавляющая [Schneider, 2005; 2012; Williams, 2009]. Необходимость хоть как-то систематизировать многообразие таких

¹ Часть материалов данной главы опубликована в двух недавних моих статьях [Плюснин, 2018а или б; 2022] и в монографии [Plusnin, 2022].

промыслов требует обратить внимание прежде всего на виды ресурсов, которые население привлекает при промысловой деятельности. Моя систематизация домашних промыслов основывается именно на этом критерии. Остальные критерии не столь определены, поскольку все виды домашних промыслов осуществляются на месте, *in situ*. Они ведутся на базе отдельных домохозяйств и на исторически закрепленной и контролируемой территории местного общества. Только это и является причиной объединения столь многообразных видов хозяйственной активности людей в одну группу с условным наименованием «домашние промыслы».

Абсолютное большинство домашних промыслов неформальны и реализуются домохозяйством в целом, что в значительной степени снимает вопрос структуры социальной группы, вовлеченной в такую деятельность. Важными общими особенностями домашних промыслов являются развитая родственная и соседская кооперация, продолжительность и массовость занятий населения такими практиками [Скотт, 1999; Вторая Россия..., 2012; Шумахер, 2012]. Большинство промыслов крайне редко легализуются [Cherupenko, 2018]. Но важно, что они всегда локально легитимны — население не осуждает криминальные промысловые практики, напротив, массово поддерживает их [Schneider, Enste, 2000; Schneider, 2012; Неформальная экономика..., 2013; Гимпельсон, Капелюшников, 2014]. Промыслы приносят значительные доходы, нередко многократно превышающие официальные [The Global Encyclopedia..., 2018]. Но часто доходы имеют неденежные формы [Scott, 1999; Ильин, 2001; Barsukova, 2004; Barsukova, Radaev, 2012]. Промыслы разнообразны и многообразны: отдельные соседние поселения в одном местном обществе могут очень сильно различаться по характеру промысловых практик в зависимости от ближайших и доступных им ресурсов. Напротив, местные общества из разных, нередко очень удаленных друг от друга регионов могут иметь значительное сходство по составу промыслов. Имеют место, таким образом, с одной стороны, диверсификация промыслов на отдельной территории, а с другой стороны — вполне типичные «гомологические ряды» промыслов, аналогично известным в биологии.

Специальное исследование промысловых практик населения и их сплошная регистрация — задача трудоемкая и отнимающая

очень много времени. Тем более, что она предполагает непосредственное подворное обследование нескольких или большинства поселений в каждом местном обществе. Поэтому я привожу здесь выборочные данные только по 41 местному обществу. В результате регистрации промыслов сразу в нескольких поселениях одного общества (за некоторыми исключениями, когда исследование проводилось только в одном поселении или в малом городе, административном центре общества) можно экстраполировать полученные данные на все местное общество.

Очевидно, что какие-то редкие или экзотические виды промыслов не могли быть зафиксированы в течение непродолжительного времени исследования. Точно так же часть криминальных промыслов выпала из поля нашего зрения, так как люди либо не хотели говорить про это из опасений разного рода, либо в большинстве своем не знали о них. В то же время часть криминальных промыслов, которые имеют массовое распространение в каком-то конкретном местном обществе, легко регистрировалась, поскольку люди не остерегались рассказывать и них. Например, сбор запрещенных к использованию населением растений — конопли, женьшеня, золотого корня — в Приморье и на Алтае или охота на животных, отнесенных к редким и охраняемым. Тем не менее, по моему мнению, в конкретном поселении были зафиксированы все массовые виды промыслов и большинство нераспространенных и даже редких.

Описание всего многообразия промысловых практик осуществляется мной на двух основаниях: (1) ресурсы, используемые для получения дохода от промысла, и (2) традиционность конкретной экономической деятельности, позволяющая дифференцировать промыслы на издревле существующие (архаические) и возникшие в данной местности недавно (современные).

5.1. «Ресурс» как критерий классификации промыслов

В характеристику источника ресурса входит наименование вида ресурса (сырья для обеспечения деятельности), его доступность для населения, трудоемкость и способ его добычи, а также сезонность ис-

пользования. В результате возможно комплексное описание ресурсов как источников промыслов. Исходя из требований очевидности и удобства (то есть критериев вообще внешних для классификации) можно предложить такое деление ресурсов:

- 1) природные, изымаемые из естественной среды;
- 2) хозяйственные, производимые на подворье (в домохозяйстве);
- 3) инфраструктурные (транспортная, энергетическая, информационная, селитебная и коммунальная инфраструктура, рассматриваемая как источник ресурса);
- 4) человеческие (люди, используемые в качестве источника ресурсов);
- 5) социальные ресурсы (промыслы на социальных обязательствах государства, или, иначе — промыслы на государстве).

Однако для конкретного вида промысловой практики почти никогда нельзя выделить в «чистом виде» только один источник ресурса. Практически всякий вид промысла требует не одного вида ресурса, а нескольких. Даже при таком простейшем виде промысла, как сбор грибов и ягод в лесу, хотя и используются природные ресурсы, но засолка грибов и варка ягодного варенья предполагают привлечение хозяйственных ресурсов, а продажа этой продукции на автотрассе — уже есть привлечение инфраструктурных и человеческих ресурсов. Тем не менее все же имеет смысл дифференцировать промыслы именно по основному используемому виду ресурса; остальные виды ресурсов следует рассматривать как вспомогательные, хотя и необходимые.

Прежде всего с очевидностью выделяются ресурсы «естественного ряда», традиционно и издавна используемые людьми — природные и хозяйственные. Первые добываются непосредственно «из природы», вторые являются как произведенными на придомовом участке, так и производными от переработки природных ресурсов в домохозяйстве, «на подворье». Например, пчеловодство есть ресурс для медового промысла в форме придорожной торговли медом, возникающий в результате преобразования природного ресурса — медосборной активности пчел. При этом для торговли на дорогах медом неважно, как собран мед — из ульев на пасеке или из бортей в тайге.

Часть хозяйственных ресурсов производится на огороде и на скотном дворе. Поэтому в некотором смысле трудно различить природные и хозяйственные ресурсы, будь то бортовой мед или овцы, свиньи и кони, пасущиеся в «дикой природе» в степи или в лесу. То же касается, например, лечебного растения женьшень, столетиями выращиваемого многими домохозяйствами в Приморье не на огороде, а на таежных делянках, тщательно таимых от соседей. Еще очевиднее ситуация с клубникой, собираемой как на лугах и лесных опушках, так и на грядках в частном огороде, но которую продают из одной корзины на автостраде. Даже такие хозяйственные ресурсы, как трепанги и устрицы, выращиваемые на морских фермах или вылавливаемые в море непосредственно рядом же с фермой марикультуры, требуют наличия природных ресурсов морской акватории.

Поэтому при выборе ресурса в качестве основного для конкретного промысла акцент я делаю на его доступности, трудоемкости и особенностях переработки сырья. В случае природных ресурсов они могут использоваться непосредственно, без переработки (грибы и ягоды продаются сразу на автостраде) или при минимальной переработке (нарезанные ветки березы или пихты на месте превращаются в веники для бани и продаются на той же автостраде). В случае же хозяйственных ресурсов выращивание и переработка на подворье являются основным и наиболее трудоемким компонентом. Например, консервирование грибов и ягод, собранных в лесу или на приусадебном огороде, — более трудоемкий процесс в сравнении с их сбором, и потому промысел по их переработке в соленые грибы рыжики или в малиновое варенье с целью либо потребления самими людьми зимой, либо продажи на автостраде следует квалифицировать как промысел на основе хозяйственных ресурсов.

Мне представляется важным обратить внимание на существенный момент, относящийся к природным ресурсам: в России они в основном — ресурсы леса-тайги и моря-реки. Эти ресурсы очень широко используются населением. В то же время государство не может контролировать достаточно или не контролирует совсем утилизацию этих ресурсов населением. В этом — в возможности населения использовать для собственного жизнеобеспечения природные ресурсы бесконтрольно со стороны государства — состоит одна из

многих уникальных особенностей России, отличающих ее от всех стран Европы и от подавляющего большинства других (см. специально: [Plusnin et al., 2015, p. 112–115; Кюстер, 2016]).

Ресурсы инфраструктурные «возникают» тогда, когда промыслы используют транспортную, энергетическую, информационную, коммунальную, селитебную и производственную инфраструктуру территории в качестве основного источника ресурса. Они также тесно пересекаются с природными ресурсами, которыми, в случае наличия инфраструктуры, например, становятся нейтральные до того момента свойства ландшафта. Например, природные бальнеологические курортологические свойства Черного и Азовского, Каспийского и Восточного морей, их лиманов, бухт и пляжей становятся актуальными для промысловой активности местного населения только в том случае, если на территории имеется транспортная и коммунальная инфраструктура, удовлетворяющая физические потребности отдыхающих и туристов (автодороги и гостиницы, рестораны и клубы). Если инфраструктуры нет, нет и промысла на людях.

Используя инфраструктуру территории как ресурс для промысловой деятельности, местное население может изымать финансовые средства и из потока туристов, да и просто из проезжающих людей. Поэтому инфраструктурные ресурсы актуализируют и хозяйственные: люди начинают производить сельской продукции больше собственных потребностей и выносить ее на продажу. Это особенно ярко проявилось в Приморье: еще в начале нашего века превосходные бальнеологические характеристики и огромный туристический потенциал побережья Восточного моря крайне мало использовался жителями, но едва только открылись возможности и появилась более развитая транспортная и энергетическая инфраструктура, на наших глазах стали возникать гостиницы и гостевые дома, кемпинги и пляжные комплексы, появилось множество видов разнообразных услуг. И нынче туристическая и курортная инфраструктура Приморья уже ни в чем не уступает инфраструктуре Крыма и Кавказа (см.: [Плюснин, 2022]).

Но именно в этом случае одновременно появляется и новый вид ресурса — людской. Большая масса туристов, отдыхающих или

проезжих людей становится источником для разнообразных услуг. Сами такие услуги возможны чаще всего только при условии наличия инфраструктуры. Не люди как таковые являются ресурсом, а значительный людской поток, перемещающийся по территории и местами замедляющий свое движение на ней. Этот поток и представляет собой ресурс для промысловой активности населения. Например, строительство Крымского моста, соединившего Таманский и Крымский полуострова, повлекло за собой развитие транспортной и производственной инфраструктуры. В Темрюке и Тамани появилось множество рабочих, а вслед за тем и новых потоков туристов. Это создало новые возможности для неформальной экономики местного населения, которое массово переключилось на новые виды ресурсов (сдача в аренду квартир и проституция, открытие кафе и ресторанов, производство больших количеств винограда и распространение нелегальной продажи вина и самогона и т.п.) и начало оставлять многие традиционные промыслы, основанные на природных ресурсах (подробнее об этом см.: [Плюснин, 2018a]).

Государство как ресурс приобретает значение тогда, когда люди используют его социальную политику в качестве источника неформального — а обычно криминального — дохода. Так, получение незаконных пособий или льгот, таких как пенсия по фиктивной инвалидности или на давно умершего родственника, или материнский капитал на нерожденных детей, или четыре пенсии по старости, или манипуляции с приемными детьми в семьях, приписывание себя к коренным малочисленным народам с целью доступа к ограниченным природным ресурсам (все перечисленное есть реально зафиксированные незаконные, но распространенные практики населения) — все это я называю промыслами на государстве, которое в данном случае выступает источником дохода. Сами такие промыслы провоцируются социальной политикой государства, предлагающей те или иные пособия и льготы определенным категориям населения. Собственно, криминальный промысел возникает тогда, когда эти льготы и пособия начинают получать люди, не относящиеся к указанным категориям, но фиктивно записавшиеся в них.

Массовость промыслов на государстве делает их существенным подспорьем для некоторых местных обществ. Таковы, например,

северные изолированные общества, где значительные группы населения получают как законно, так и фиктивно многие «северные» льготы и специальные пособия. Аналогичное положение сложилось на крайнем юге России. Отсюда возникают такие несуразности, как «распространенность» инвалидности в каждой пятой (20%) семье в России, или ситуации, когда немалая, но значительная часть (но все еще неизвестно какая) граждан новых постсоветских государств получают пенсию как дома, так и российскую. Столь же давно стала обычной практика «промыслов по безработице», особенно в сельской местности, когда люди, получающие доходы от занятий в личном подсобном хозяйстве, регистрируются в качестве безработных с целью к старости иметь более высокую (нередко вдвое) пенсию, чем если бы они получили ее, до того нигде не работая.

С той же целью люди устраиваются фиктивными помощниками-сиделками к пенсионерам с ограниченной подвижностью. Одним из новых видов промысла на государстве стало получение банковского кредита без отдачи. Кое-где в южных регионах это массовое явление. В отношении сочетания разных видов ресурсов как источников конкретной промысловой практики государство как ресурс в некотором отношении стоит особняком — для его использования нередко не нужны никакие другие виды ресурсов. Поэтому использование людьми этого вида ресурсов в своих экономических практиках превращает их в узкоспециализированных «промышляющих», постепенно отказывающихся от любых иных источников ресурсов, что чревато негативными последствиями для потенциальной устойчивости отдельных домохозяйств, да и для целых местных обществ. Такие примеры мне известны, особенно в регионах Крайнего Севера.

Все пять видов ресурсов, выделенных таким образом, различаются по их доступности и сезонности, трудоемкости и способу добычи. Но эти различия во многом обусловлены типом местного общества, прежде всего степенью его пространственной изоляции (см. главу 1). Изолированные и «ординарные» общества отличаются от «турбулентных» по всем указанным признакам, характеризующим ресурсы, за исключением сезонности привлечения и исполь-

зования того или иного вида ресурса. Доступность природных, хозяйственных и социальных (государственных) ресурсов для населения изолированных и «ординарных» обществ обычно выше, чем для населения «турбулентных» обществ. Если причины большей доступности первых двух видов ресурсов очевидны, то доступность и большая распространенность промыслов на государстве нуждается в пояснении. В изолированных сообществах очень высока доля бюджетников в составе экономически активного населения, но столь же высока и доля людей, получающих разного вида пособия и льготы. В силу этого гораздо больше и нарушений — люди стараются получить от государства сверх положенного и возможного. Но для населения «турбулентных» обществ гораздо выше доступность инфраструктурных ресурсов, что тоже очевидно. В этом отношении местные общества, относимые мной к разным типам по характеру развития (естественности/принудительности) и изолированности, используют разные виды ресурсов для жизнеобеспечения и занимают как бы разные и несмежные «экономические ниши», аналогично нишам экологическим.

В табл. 5.1 представлены оценки доступности ресурсов разного вида для населения разных типов местных обществ. Эти оценки получены на основе наших непосредственных наблюдений промысловых практик населения. Природные ресурсы максимально доступны только изолированным обществам, независимо от типа развития. Остальным типам обществ природные ресурсы доступны в средней или малой мере. То же относится к хозяйственным ресурсам, но при этом они более доступны обществам естественного развития по сравнению с обществами принудительного развития. Это понятно и легко объясняется тем, что многие домохозяйства обществ принудительного развития существенно зависят от государственного финансирования, они больше завязаны на местное промышленное производство, как следствие, имеют менее развитое личное подсобное хозяйство и одновременно имеют немного возможностей самостоятельной эксплуатации природных ресурсов. Доступность же инфраструктурных ресурсов, естественно, отрицательно коррелирует с пространственной изоляцией обществ. Человеческие ресурсы

вообще довольно редки, поскольку они появляются только на юге страны в курортных районах, которых в России немного, и в туристически привлекательных и доступных для массового посещения местностях, имеющих развитую транспортную инфраструктуру. Наименьший доступ к людским ресурсам имеют поэтому домохозяйства изолированных и «ординарных» обществ (поскольку такие — это обычные общества повсеместно в средней полосе европейской части страны). В качестве компенсации население именно изолированных обществ использует государство в качестве ресурса в наибольшей мере; в остальных типах обществ это обычная, но не широко распространенная практика.

Сезонность привлечения ресурсов имеет важное значение в отношении первых трех видов ресурсов — природных, хозяйственных и людских, и не имеет значения для инфраструктурных и социальных. Но если сезонность природных и хозяйственных ресурсов перекрывается в течение годового цикла (летом и зимой население использует разные и природные, и хозяйственные ресурсы, но без потерь переходя от одного к другому), то сезонность использования человеческого ресурса почти всегда крайне неравномерна и в российских условиях становится невозможной зимой при явном избытке летом, что создает перекосы в равномерности поступления доходов от этих промыслов. Поэтому от сезонной неравномерности отдыхающих и туристов больше страдают домохозяйства «турбулентных» обществ. Население же «ординарных» и изолированных обществ обычно и не располагает таким ресурсом (за исключением ситуативной придорожной торговли).

Трудоемкость добычи характеризуется градиентом от наиболее трудоемких природных и хозяйственных к наименее трудоемким остальным трем видам. Среди этих последних использование социальных ресурсов государства представляется самым легким способом привлечения (однако надо понимать, что имеются в виду физические усилия для привлечения этого ресурса, а не затраты времени и эмоциональных и интеллектуальных сил). Это создает своеобразную ситуацию для домохозяйств изолированных обществ: они массово используют как ресурсы природные и хозяйственные,

Таблица 5.1. Доступность ресурсов, используемых в промыслах населения в разных типах обществ (данные по 142 местным обществам)

Вид ресурса Тип общества	Природные	Хозяйственные	Инфраструктурные	Человеческие	Социальные
Тип 1. Изолированные естественного развития, N = 26	24 0,9	26 1,0	0 0,0	5 0,2	24 0,9
Тип 2. Изолированные принудительного развития, N = 15	14 0,9	8 0,6	2 0,1	6 0,4	13 0,9
Тип 3. «Ординарные» естественного развития, N = 45	21 0,5	34 0,8	19 0,4	9 0,2	25 0,6
Тип 4. «Ординарные» принудительного развития, N = 21	12 0,6	11 0,5	16 0,8	3 0,1	11 0,5
Тип 5. «Турбулентные» естественного развития, N = 18	5 0,3	12 0,7	17 1,0	6 0,4	8 0,4
Тип 6. «Турбулентные» принудительного развития, N = 17	8 0,5	10 0,6	14 0,8	5 0,3	9 0,5

Примечание. Обозначена степень массовой доступности каждого вида ресурса для населения в виде доли таких обществ от их количества в каждом типе обществ. Верхнее число: абсолютное количество обществ, в которых данный вид ресурса население использует массово, — большинство или все домохозяйства. Нижнее число: доля от единицы в каждом типе.

так и социальные, но последние значительно менее трудоемки в «добыче» по всем основаниям, поскольку получить пособие, льготу или пенсию по инвалидности здесь человеку существенно легче, чем в «турбулентном» обществе. Поэтому, если имеет место ситуа-

ция массового «соцобеспечения» домохозяйств, они в конце концов переключаются на этот источник ресурсов. В результате наблюдается деградация традиционных природных промыслов, затем и хозяйственные практики сходят на нет, и население начинает жить на пособия и льготы от государства. Это приводит к серьезному снижению потенциала жизнестойкости местного общества (см. далее в этой главе). Такова ситуация во многих изолированных обществах Крайнего Севера, особенно с преобладанием населения, относимого к коренным малочисленным народам Крайнего Севера.

В то же время домохозяйства «ординарных» и особенно изолированных обществ находятся в среднем в менее выгодном положении, чем домохозяйства «турбулентных» обществ с точки зрения трудоемкости привлечения сразу нескольких видов источников ресурсов, поскольку они с избытком обеспечены инфраструктурными ресурсами, что предоставляет им выгоды получения дохода от продажи продукции, производимой в личном подсобном хозяйстве и, кроме того, получаемой из природы. Поэтому при любой появляющейся возможности промыслы переориентируются на менее трудоемкие, а в этом отношении домохозяйства «турбулентных» обществ имеют преимущества перед остальными. Это приводит к специфическим последствиям для всего такого местного общества, как будет показано ниже.

5.2. Архаические и современные промыслы

Всю совокупность самостоятельных экономических практик населения можно дифференцировать по критерию новизны: в любом местном обществе существуют промыслы традиционные, известные «от века», и новые, появившиеся в наше время. Может быть задан и «более точный» критерий: промыслы, которыми занимается население в течение нескольких поколений, могут считаться традиционными, в течение многих поколений — архаическими, а промыслы, появившиеся уже на памяти ныне живущих людей, могут считаться новыми для конкретного местного общества. Но таковыми, однако, могут стать и древние экономические практики, недавно перенесенные на местную почву в качестве промыслов, новых для населения

конкретного общества. Более того, общество может сохранять рудименты или активно развивать и наиболее древние, архаические промыслы, которые могут воспроизводить архаические формы не только по виду экономической активности, но и по применяемым технологиям и техникам. Поэтому такие практики в полной мере можно назвать «архаическими», не обращаясь к терминам типа «псевдоархаические» или «постархаические». Такие отработанные веками архаические виды промыслов следует рассматривать как в высокой степени адаптивные и эффективные экономические практики, безусловно, не зависящие от переменчивых социально-экономических и политических условий.

Архаические промыслы возникли в древности и существуют с незапамятных времен. Здесь преимущественно используются общедоступные, но сезонные и трудоемкие природные и хозяйственные ресурсы, в существенно меньшей степени — людские ресурсы. Обычно не используются инфраструктурные и социальные ресурсы. Такие виды промыслов присущи всем без исключения обществам, но их представленность (развитость и массовость промысловых практик) очень сильно варьирует от общества к обществу. Как правило, архаические промыслы доминируют в изолированных обществах, но их мало или нет совсем в «турбулентных», особенно в обществах «турбулентных принудительного развития».

Продолжительность существования архаических промыслов составляет, вероятно, основную причину того, что в сознании населения они выглядят как бы естественными условиями жизни, образуют сферу нерелефлексированных представлений. Население может и не рассматривать этот вид деятельности в качестве особого промысла. Так, виноградарство и виноделие является в Тамани, Темрюке и Анапе повсеместным занятием, как мы знаем, продолжающимся без перерыва уже более 2 тыс. лет. Почти каждая семья выращивает виноград и производит вино. И хотя значительная (но нам, как и никому, не известная) доля населения имеет виноградники и для продажи сырья, и/или непосредственно на усадьбе производит вино на продажу, остальное население не видит в этом особого и отдельного промысла, хотя виноградарство с виноделием (но не продажей вина) составляет, безусловно, важную часть структуры обществен-

ного дохода населения в самообеспечении домохозяйства и во взаимной поддержке и реципрокном обмене семей в сообществе.

Совершенно аналогична ситуация во всех северных обществах с охотой и рыболовством, сбором дикоросов (ягод, грибов) и топлива для обогрева (валежника и дров). Эти практики поддержания базовых составляющих жизнеобеспечения (по сути, нужда спасения от голода и холода) исчисляются тысячелетиями. Население всегда и до сих пор вынуждено использовать их и потому рассматривает не как промыслы, а как незаменимые и неизменные, «от века и навсегда» существующие практики бытования и хозяйствования. Охоту, рыбалку и заготовку дров ничем не заменить на севере, точно так же, как виноградарство и виноделие на юге.

Очень близки к архаическим промыслам такие виды, которые можно назвать традиционными в том смысле, что они существуют более века и на памяти ныне живущих людей имеют место «еще с дедовских времен». Поскольку повседневная общественная память далее, чем на один век, в глубь времен не простирается, то и традиционные промыслы воспринимаются людьми аналогично архаическим, даже если они и используются в конкретном обществе не дольше одного-двух веков. Так, в Горном Алтае мараловодство в виде содержания оленей-маралов в загонах с целью добычи пантов с последующей продажей этого лекарственного сырья в Китай, Корею и Японию возникло чуть более 120 лет назад, но уже стало настолько распространенным, что местным населением оно считается древним промыслом.

Для некоторых обществ, напротив, традиционные промыслы объективно являются новыми — ранее их не существовало в пуле экономических практик на конкретной территории и люди не знали про них. Таковы, например, некоторые сельскохозяйственные практики местных осетинских обществ Северной Осетии, например, выращивание кукурузы (поскольку она идет теперь не на производство комбикормов, а на производство спирта или араки, местного самогона). Таковы же практики выращивания женьшеня и конопли или нелегальная намывка золота для русского населения лесных районов Приморского края. В том и другом случае люди, населяющие ныне эти места, занимаются таким делом менее 150–

200 лет, хотя сами практики имеют тысячелетнюю историю. Поэтому выявление и выделение таких объективно древних, но конкретно для ныне живущего населения новых промыслов встречает затруднения — надо знать историю каждого отдельного местного общества, чтобы определить, насколько традиционна та или иная практика для местных жителей. В этом отношении традиционные виды промыслов занимают промежуточное положение между архаическими и современными не только формально, по длительности существования, но и логически. Поэтому мне пришлось объединять традиционные промыслы с древними в одну категорию архаических.

Иная ситуация с выделением категории современных промысловых практик. Как правило, исследователю хорошо известно, является ли тот или иной промысел современным, по двум причинам. Во-первых, про это знают сами жители, поскольку новая практика появилась на памяти всего одного-двух, максимум трех поколений. Во-вторых, в современных промыслах домохозяйств редко или никогда не используются природные ресурсы и довольно редко — хозяйственные ресурсы, а используются преимущественно остальные три вида ресурсов, в отношении которых хорошо известна история их возникновения на конкретной территории.

Современные виды промыслов гораздо менее трудоемки по сравнению с архаическими, поэтому при развитой транспортной, селитебной и коммунальной инфраструктуре и при наличии благоприятных ландшафтных особенностей территории население массово перестраивается на них, забрасывая более трудозатратные архаические промыслы. В то же время новые виды промыслов, поскольку не являются установившимися и сформировавшимися, могут быть эффективны на коротком временном интервале и зависеть от внешних (особенно внеэкономических) обстоятельств. Изменение этих обстоятельств и условий развития промыслов вынуждает население отказываться от такого нового вида деятельности. Это происходит относительно легко, потому что инновационный для общества вид промысла еще не опробован в достаточной степени, не получил распространения, не показал своей эффективности в глазах людей. Поэтому число таких новых видов промыслов не мо-

жет быть велико, они единичны и скоротечны. Далеко не всегда они могут быть и зафиксированы, поскольку в памяти населения если и остаются, то лишь как неудачные опыты.

Например, несмотря на регулярный обход морской береговой линии на значительном расстоянии от поселений как в Краснодарском крае на побережье Черного моря от Цемесской бухты и до Керченского пролива, так и в Приморье на побережье Восточного моря от Зеркального (Кавалерово) до залива Посьета (Хасан), мы зафиксировали лишь единичные случаи морских ферм (выращивание мидий, устриц, трепангов, гребешков, крабов). Между тем давно и хорошо известны благоприятные условия как Черноморского, так и Дальневосточного побережий для марикультуры, а также незначительность финансовых вложений для организации и начала производства высокорентабельной морепродукции (по оценкам специалистов, стартовые вложения составляют здесь всего от 50 тыс. руб., то есть менее 1 тыс. долл., см.: [Холодов и др., 2010]). Причина, вероятнее всего, не в невыгодности этого нового вида промысла, а в том, что он «у всех на виду» и требует официальной регистрации предпринимательской деятельности; таким образом, производство мидий и устриц, трепангов и гребешков не уведешь в тень, не спрячешь, как это повсеместно делает население при выращивании свиней в частных подворьях, хотя это нынче запрещено Россельхознадзором.

Здесь заключен некоторый парадокс. Самодеятельное население готово идти на уголовно-административные нарушения, в массовом порядке занимаясь запрещенным выращиванием свиней, получая при этом доход преимущественно или исключительно для самообеспечения семьи (продажа на рынке домашней свинины грозит высоким риском наказания, хотя повсеместно тоже ведется — в буквальном смысле «из-под прилавка»). Но этот промысел традиционен и население не готово от него отказаться. Как не готово отказаться по тем же причинам и от запрещенного вылова креветок в Таманских лиманах (штраф за пойманную одну креветку составляет 30 руб. и в итоге штрафные суммы могут быть для местных астрономическими) или отлова осетров в Азовском море, от отстрела снежных барсов в Горном Алтае или от промысла тигров в Приамурье и

в горах Сихотэ-Алиня (за что грозит уже суровое уголовное наказание). Во всех этих случаях промыслы населения традиционны, неформальны и находятся в экономической тени или даже криминальны по современному законодательству. Именно это, наряду с традиционностью («обычное дело»), как кажется, перевешивает их значение в глазах людей по сравнению с безусловными экономическими выгодами нового вида хозяйствования.

Я предпринял попытку поделить всю совокупность зафиксированных видов экономической активности населения на архаические и современные промыслы (см. табл. 5.1, которая преобразована из табл. III (см. прил.)). Разделение на такие виды промыслов произведено с известной условностью, как уже сказано выше, поскольку всегда можно указать, что почти любой вид промысла, отнесенный к категории новых, можно назвать и традиционным.

Например, современная «черная археология» была известна и в древности, однако раскапыванием могильников и поиском украшений и драгоценностей население в те времена не занималось ни рутинно, ни массово. То же можно сказать и о кустарных промыслах по производству и продаже скобяных и кованых изделий — теперь это почти исключительно сувенирный промысел на отдыхающих, а отнюдь не производство товаров широкого потребления для местного населения, как это было еще 100–150 лет назад. И торговля виноматериалами и самогоном (домашнего производства вином, пивом, водкой, чачей, аракой, коньячными спиртами) является промыслом исключительно на том же туристическом контингенте, вовсе не предназначенным для местных нужд, поскольку каждая провинциальная семья и прежде и сейчас обеспечивает себя и вином, и самогоном. Если при этом еще иметь в виду, что эта деятельность была уголовно наказуема в советское время, то нынешняя виноторговля, имея глубокие корни, все же должна быть признана новым видом экономической активности населения, имеющего и новый рынок сбыта.

Аналогично врачебные практики на дому и «народная стоматология» существовали во все времена, но ныне они квалифицируются как целительство, травничество. А современные врачебные практики уже являются профессиональной деятельностью. Контра-

банда есть тоже древний промысел, но в новые времена появилась особая форма «легальной контрабанды» — наём человека в качестве разового перевозчика товаров через границу; в Сибири они называются англизированным словом «камэл», а в дальневосточном Приморье — русским словом «помогайка» (то есть «помощь, получаемая от неуважаемого человека, находящегося на нижней ступени общественного статуса»). Между прочим, и такой древний промысел, как «мешочничество», возобновившийся в начале 1990-х в форме массовых трансграничных «челноков», в 2010-х годах практически сошел на нет, и нынче мы ни в одном приграничном районе этот промысел уже не зафиксировали.

Сдача внаём домов и квартир существовала во все времена — в крестьянских домах сдавались «углы» на 1–2 ночи проезжающим или странникам, в городах сдавались комнаты, и это было и остается повсеместной практикой. Но когда подобная практика имеет место почти исключительно в сфере гостиничного бизнеса и неофициально создаваемых гостевых домов или хостелов, ориентированных на поток отдыхающих, то это уже новый промысел. Тем более, что это и фактически так, поскольку местное население прежде никогда не занималось массово такими практиками (к примеру, многие приморские деревни на Дальнем Востоке только в последние 10–15 лет стали осваивать совершенно новые для себя промыслы на отдыхающих и туристах).

Архаические промыслы по большей части не требуют пояснений, поскольку все такие отмеченные занятия известны как издревле существующие. Более того, известно, например, что рыболовство и виноделие или охота и сбор дикоросов в конкретном районе составляли основу экономической жизни населения еще в доисторические времена; таковыми они остаются и в наши дни для значительного числа домохозяйств. В этой же группе промыслов я выделил отдельные виды, такие как копчение и соление мяса, рыбы и морепродуктов, консервация как садовых, так и дикорастущих фруктов, ягод, грибов и трав (папоротник, черемша, ревень), поскольку в таких промыслах участвуют не только производители, но и многочисленные перекупщики, а сами эти промыслы существовали всегда как одно из средств жизнеобеспечения. Отмечу особо до

сих пор почти неизвестный исследователям массовый вид народного промысла — отходничество (внутристрановая или трансграничная сезонная циркулярная миграция), — который указан в качестве одного из традиционных видов промыслов местного населения, в отличие от маятниковой миграции, явления для российской провинции совсем нового [Плюснин, 2019].

Иными словами, промысел определяется мной как новый, если он имеет новый рынок, приобрел совершенно иное, чем раньше, содержание (новый рынок и новый вид услуги) или фактически не существовал в прежние годы. Напротив, к архаическим видам промыслов отнесены такие, которые ни по форме, ни по существу не менялись на протяжении очень длительного времени и всегда составляли более или менее важную часть системы жизнеобеспечения значительного числа домохозяйств в местных обществах. Это старый/древний вид услуги или производства на старом же рынке. Однако следует признать, что, несмотря на формальную обоснованность таких разграничений, субъективный компонент все же остается весьма значительным.

Как видно, к категории архаических промыслов я отнес 84 вида выявленных экономических практик, а к категории современных — на треть меньше, всего 51 вид (табл. 5.2). Основные причины таких

Таблица 5.2. Деление промыслов провинциальных домохозяйств на архаические и современные

Архаические промыслы N = 84	Современные промыслы N = 51
Охота для самообеспечения	Охота туристическая
Охота промысловая	Охота криминальная
Охота на птицу	Охотничьи сувениры (рога, шкуры, клыки)
Добыча животных лекарственных средств (струя бобра, желчь, жир медвежий и т.п.)	Технические растения (кукуруза, соя, рис, подсолнечник)
Рыбалка для самообеспечения	Водоросли сбор (агар, анфельция)

Продолжение табл. 5.2

Архаические промыслы N = 84	Современные промыслы N = 51
Рыбалка браконьерская на продажу	Переработка водорослей (агар)
Морской промысел крабов, моллюсков	Деловая древесина-браконьерство
Дикоросы — ягоды	Рыбалка криминальная
Дикоросы — грибы	Сувениры этнографические
Дикоросы — женьшень	Народные художественные промыслы
Дикоросы — шишка (кедровые орехи)	Торговля на дому (интернет-торговля)
Дикоросы — пищевые травы (черемша, папоротник)	Криминальная уличная торговля (алкоголь, бензин, наркотики)
Дикоросы — лекарственные грибы	Услуги по доставке надомной продукции
Дикоросы — конопля	Извоз (частные такси)
Дикоросы — лекарственные травы	Автосервис
Дикоросы — технические (мох, кора, веники)	Автопромысел (перегон, переборка, продажа)
Валежник, сбор	Аренда транспорта
Дрова, заготовка	Бальнеологические услуги
Деловая древесина, заготовка	Производство и торговля чистой водой
Золото, частный промысел	Сбор черного и цветного металлолома
Виноградарство	«Черная археология»
Виноделие и торговля	Отдыхающие — услуги
Самогонование (брага, самогон, арака, чача)	Туристы — услуги
Огородничество (овощи)	Дачники — услуги
Сады (фрукты, ягоды)	Врачебные практики (надомное лечение)

Архаические промыслы N = 84	Современные промыслы N = 51
Теплицы (зимние овощи)	Врачебные практики (стоматология)
Пчеловодство	Финансовые услуги — ломбард МФО
Производство молока	Спортивные услуги (организация походов)
Производство масла, сыра	Организация развлечения на природе
Производство соков	Гостевые дома, хостелы, пансионаты
Мараловодство (панты)	Столовые, кафе, рестораны
Коневодство	Криминал (бандитизм, рэкет, «крышевание»)
Животноводство (коровы, кони, овцы, козы)	Гигиенические услуги (массаж, парикмахерская, баня)
Свиноводство	Маятниковая трудовая миграция
Скотоводство отгонное (овцы)	Профессиональные безработные
Оленеводство	Должность для статуса
Птицеводство	Льготы на «малочисленный народ»
Рыбоводство прудовое	Промысел на привилегиях особых категорий населения (казаки, ликвидаторы)
Переработка морепродуктов (икра, крабы, трепанги, мидии, устрицы, ежи)	Услуги трансграничной торговли — «помогайки»
Консервация пищевых дикоросов	Промысел на стихийных бедствиях (затопление, пожары, радиация)
Консервация лекарственных дикоросов	Банковские кредиты без возврата
Консервация продукции огорода-сада	Промысел на помощи нуждающимся (сиделки)
Соление, копчение мяса, сала	Приемные дети (семейный детский дом)
Консервация рыбы, соление, копчение	Промысел на своих детях (материнский капитал)

Архаические промыслы N = 84	Современные промыслы N = 51
Травы кормовые, сено	Льготы и пособия по инвалидности
Табакководство	Паи сельскохозяйственные (сдача в аренду)
Выращивание конопли	Пособия по бедности
Выращивание женьшеня, золотого корня	Кладбищенский промысел
Выращивание картофеля	Информационная самоорганизация («чат», «Телеграм», «ВКонтакте», «Одноклассники»)
Выращивание зерновых культур	Марикультура — морская ферма (устрицы, трепанги, ежи, голотурии, мидии и т.п.)
Хлебопекарное производство	Написание учебных работ (дипломы, курсовые)
Пищевой цех (пироги, пельмени, булочки)	
Ювелирные изделия	
Скобяные изделия (ковка)	
Надомные бытовые услуги — ремонт	
Вязание, прядение (пух, шерсть)	
Шорничество (обувь)	
Пошив одежды	
Пошив обуви	
Техническая обработка (войлок, ковры)	
Резьба по дереву, изготовление мебели	
Торговля — магазины, киоски, лотки	

Архаические промыслы N = 84	Современные промыслы N = 51
Торговля палаточная	
Торговля лоточная, рынки	
Перевозка грузов	
Первичная переработка древесины (лесопилка)	
Строительные материалы изготовление	
Строительство домов, бань, хозпостроек	
Ремонт домов, бань, хозпостроек	
Плотничанье	
Столярные работы	
Слесарные работы	
Уличный калым-шабашничество	
Репетиторство	
Целительство, травничество	
Эзотерические услуги (колдовство, шаман)	
Религиозные обряды «на дому»	
Проституция	
Ростовщичество	
Попрошайничанье (нищие)	
Воровство и мошенничество	
Помочи соседские (безвозмездные услуги)	
Контрабанда	
Отходники (циркулярная трудовая миграция)	

количественных различий я вижу в том, что домашние промыслы акцентированы на домохозяйства, а их экономические практики есть неформальные по преимуществу. Мы не фиксировали множество видов экономической активности, представленной исключительно или преимущественно экономическими субъектами (государственными предприятиями или частными фирмами). Среди них немало инновационных для территории экономических практик.

5.3. Многообразие домашних промыслов населения

Неформальные экономические практики населения во всех обществах имеются в значительном количестве — в каждом поселении можно выявить от двух до трех-четырёх десятков разных видов промыслов. А при этом в большинстве местных обществ фиксировалось не менее 60–80 отдельных видов промысловых практик (в сумме для нескольких или для всех поселений), хотя повсеместно наблюдается значительная вариация распространенности и неформальности. Часть промыслов регистрируется официально. Это промыслы, связанные с гостиничным бизнесом, услугами для отдыхающих и туристов, гостевые дома, кафе или салоны, стоматологические услуги. То есть все те, где используются человеческие ресурсы. Но одновременно те же виды промыслов широко представлены и неформально. Есть отдельные промыслы, даже использующие природные ресурсы, которые существуют только в формальном поле. Их никак не спрячешь от фискальных органов, поскольку они физически на виду (например, фермы марикультур, рыбопродукционные пруды, лесопилки). Однако даже и в этом случае в формальном поле представлена деятельность их лишь частично. В статистической отчетности предпринимателей «показывается» не более 1/5–1/3 добываемой продукции или предоставленных услуг, остальная же — большая часть — уходит на местный, региональный и даже на международный рынок нелегально.

В табл. П1 (см. прил.; это же в вышеприведенной табл. 5.2) представлен список всех выявленных нами видов экономической активности населения в 15 регионах. Следует отметить, что это обобщенные данные сразу по нескольким местным обществам всех

выделенных типов, несходных по социальным, экологическим и климатическим характеристикам, хотя и обитающих в разных типах ландшафтов. Однако они показывают общую, весьма характерную для российских провинциальных обществ картину предпочтения одних или других видов промыслов. Зафиксированные промыслы охватывают всю территорию страны (см. рис. 2.1), однако дополнительные наблюдения, осуществленные в 66 населенных пунктах 31 местного общества, подтверждают материалы сплошных обследований в 144 поселениях. Ниже, в следующих разделах этой главы, представлен более детальный анализ промыслов населения только 28 местных обществ из списка, приведенного в табл. 2.1.

Промыслы реализуются преимущественно или исключительно в неформальном поле (96 из 135 выявленных, то есть до 3/4). Таковы преимущественно промыслы на основе природных и хозяйственных ресурсов. Наоборот, все промыслы на государстве по определению находятся в формальном поле, хотя и являются незаконными.

Обобщенная характеристика промыслов по их источникам во всех обследованных поселениях указанных обществ следующая. Промыслы могут быть редкими (только отдельные домохозяйства или единичные общества их практикуют по причине редкости привлекаемого ресурса или непривычности/новизне промысловой практики); специфическими (характерными для отдельных территорий, на которых некоторые — не все — местные сообщества используют такие практики); распространенными (многие домохозяйства и многие поселения практикуют такие промыслы); массовыми (когда почти все домохозяйства во всех поселениях занимаются такими промыслами, например, сажают картофель).

Редкие виды промыслов, зафиксированные только в некоторых обществах, но при этом практикуемые большинством домохозяйств отдельных поселений (например, незаконная добыча золота или плантации женьшеня, торговля самодельным бензином или аферы с банковскими кредитами) или выявленные лишь в единичных домохозяйствах, хотя и во многих обществах (например, предоставление эзотерических услуг или религиозные практики на дому, или нищенство), зафиксированы в чуть более чем четверти обществ (доля их в общей совокупности составляет 28%; распространенность

промысловых практик по совокупности всех обществ составляет от 1 до 25%).

До половины из всех выявленных видов промыслов (42%) являются специфическими, но достаточно распространенными — они представлены хотя бы в 1/3–1/2 обществ (распространенность от 26 до 50%). Как правило, такие промыслы представлены на территории страны сообразно климатогеографическим зонам. Это относится ко всем видам промыслов, за исключением промыслов на государстве. Очевидно, что природные и хозяйственные ресурсы зонированы в силу физико-географических условий, но это характерно и для инфраструктурных ресурсов, поскольку они детерминированы прежде всего расселением. Да и человеческие ресурсы привязаны к инфраструктуре и плотности населения. В общем же редкие и специфические виды промыслов, зарегистрированные либо только на западе, либо на юге, либо только на севере Европейской России, либо лишь в Сибири, составляют в сумме почти 3/4 (70%) в промысловом пуле провинциального населения. В центре Европейской России таких практик немного, здесь преобладают наиболее распространенные практики. Это есть свидетельство как разнообразия экономических практик, так и значительных эколого-географических и климатических различий нашей территории, которые определяют различные модели жизнеобеспечения домохозяйств.

В то же время четверть всех видов промыслов (24%) широко распространены и представлены в большинстве обществ. Они повсеместны. В большинстве случаев такие промыслы основываются на инфраструктурных ресурсах, меньше всего — на человеческих. Их нет совсем среди «промыслов на государстве» — все же незаконная и криминальная активность хотя и повсеместна, но не распространена.

Наконец, массовые промыслы, имеющиеся практически во всех обществах и в большинстве домохозяйств, представлены всего менее 6% видов практик. Мы зафиксировали таких промыслов всего семь видов — они имеют место почти во всех провинциальных обществах, почти во всех поселениях, а в них в подавляющем большинстве домохозяйств. Из промыслов на природных ресурсах — это сбор ягод в лесу и на лугах. Из промыслов на основе хозяйственных

ресурсов — это три вида: выращивание овощей и картофеля, а также консервация продукции своего огорода и сада. Из промыслов на основе инфраструктурных ресурсов — это частный извоз (такси) и торговля в магазинах. Промыслом с использованием человеческих ресурсов является только отходничество — действительно массовый и повсеместный вид экономической практики, почти вся она в тени [Плюснин и др., 2013].

Обобщая полученную таким образом картину массовых видов промыслов, можно было бы сказать, что все население провинциальной России поголовно зимой ездит в отход в поисках источников дохода вне дома, а к лету возвращается домой, выращивает картофель и овощи, собирает ягоды по лесам и лугам и консервирует все это на следующий год. Самодостаточность, основанная на самодеятельности.

Выявленное разнообразие промыслов населения следует рассматривать, во-первых, как результат изобилия ресурсов разной природы на большинстве территорий — одновременно и природных, и традиционных сельскохозяйственных, и новых, вызванных туристическим, инфраструктурным и промышленным развитием. Во-вторых, такое разнообразие есть признак устойчивости местного общества: чем разнообразнее промысловая активность населения, основывающаяся на ресурсах разной природы, тем вероятнее легкость перехода домохозяйств от одного основного вида промыслов к другому без смены источника ресурсов. Например, если ведущими видами промыслов в местном сообществе являются рыболовство, виноградарство, мясо-молочное производство и предоставление гостиничных услуг отдыхающим, то утрата этого последнего ресурса в результате исчезновения потока туристов не заставит домохозяйства прибегнуть к такому «спасительному» промыслу, как отходничество, но если «в загашнике» местного общества не имелось ничего другого, кроме гостиничного промысла, то, вероятнее всего, при угрозе его утраты люди вынуждены будут уйти в отход скорее, нежели начнут разводить скот или отправятся на рыбалку для жизнеобеспечения семьи (что мы, между прочим, и видим в нескольких поселениях Краснодарского края в случае конкуренции

с гораздо более мощными игроками на поле гостиничного бизнеса, см.: [Плюснин, 2018a]).

Между тем хорошо заметно, что и отдельные поселения, и целые местные общества существенно различаются по количеству видов промысловых практик. Различия связаны, вероятно, не только с видом привлекаемого ресурса, но и с соотношением количества архаических (традиционных) и современных практик в конкретном обществе.

5.4. Промысловые практики в разных местных обществах

Преобразуем содержание табл. П1 (см. прил.) и табл. 5.2 в графический вид (рис. 5.1) с тем, чтобы соотнести экономические практики разных местных обществ, находящихся в разных климатогеографических зонах. Для анализа я выбрал группу из 54 местных обществ (некоторые из них состоят только из одной общины, другие — из десятка и более общин) и представил на рис. 5.1. Показателями на графике являются виды промыслов: по оси абсцисс архаические (традиционные) и по оси ординат — современные виды. Значения координат $[x : y]$ есть соотношение количества и распространенности традиционных и современных видов промыслов, обнаруженных и зафиксированных в совокупности нескольких поселений в каждом местном обществе. На рис. 5.1, таким образом, представлена не простая сумма тех и других видов промыслов, а преобразованная в зависимости от их массовости/редкости. В некотором отношении это условность, но, с моей точки зрения, она важная.

Оценка распространенности промысла выполнена по следующей схеме: в случае, если конкретный вид промысла является широко распространенным, массовым, то есть все или большинство домохозяйств практикуют данный вид промысла, то ему присваивается коэффициент 3; если промысел является обычным, но не практикуется большинством домохозяйств, то получает коэффициент 2, а единично зафиксированные, но для конкретного общества или поселения редкие виды промыслов оцениваются с коэффициентом 1

(это отмечено в табл. П1 соответствующими значками; см. примеч. к табл. П1).

Таким образом, суммирование видов промыслов с учетом степени распространенности их в совокупности домохозяйств позволяет явственнее дифференцировать местные общества. Поэтому суммы количества промысловых практик с учетом их распространенности (редкие $\cdot 1$ + обычные $\cdot 2$ + массовые $\cdot 3$) больше простой суммы всех зафиксированных видов промыслов. Максимально возможные значения в нереальном случае массовости всех без исключения видов промыслов составляют 252 для архаических и 153 для современных промыслов, исходя из их общего зафиксированного количества (84 и 51 соответственно). В реальных наблюдениях (с учетом и тех данных, которые имеются, но не представлены на рис. 5.1) значения количества видов и их распространенности варьируют от 40 до 152 для архаических промыслов и от 15 до 65 для современных промыслов, то есть по крайней мере в 2 раза меньше возможных максимальных, да и то лишь в отдельных обществах. Это соответствует фиксируемому в каждом обществе количеству от 25 до 65 видов архаических промыслов и от 5 до 30 видов современных промыслов.

Однако следует отметить, что поскольку каждое местное общество представлено несколькими десятками населенных пунктов (деревень, сел и поселков, а также одним малым городом), жители которых различаются — иногда сильно — по видам и количеству экономических практик, то объединение промыслов в пул для всего общества дает картину более обобщенную и, возможно, несколько смазанную (смещенную) сравнительно с картиной, получаемой при описании промыслов в каждом конкретном поселении, в микромасштабе. Это обстоятельство я пытаюсь учесть и преодолеть в следующем параграфе, где рассматриваются и сравниваются неформальные экономические практики жителей отдельных поселений в нескольких десятках местных обществ.

На рис. 5.1 медианные значения архаических и современных видов промыслов составляют: $x = 71,9$; $y = 28,4$. Это свидетельствует о том, что в провинциальных обществах не только количество, но и распространенность (массовость) архаических промыслов суще-

ственно — более чем в 2 раза — превышает таковую для современных промыслов.

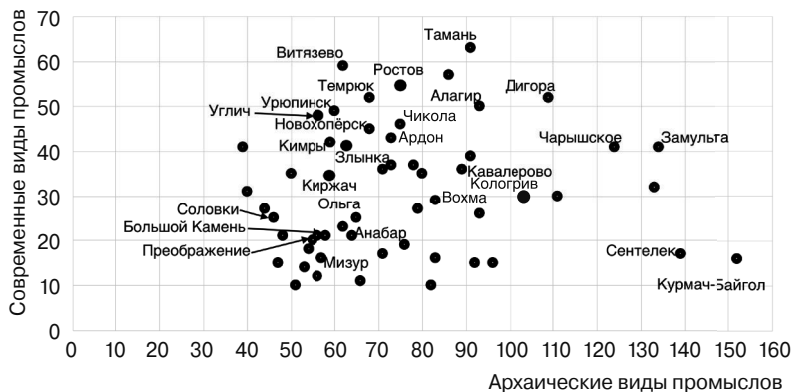

Рис. 5.1. Соотношение количества и распространенности домашних промыслов, отнесенных к архаическим или современным видам, совокупно по 54 местным обществам

Примечание. Приведены наименования тех местных обществ, промыслы населения которых обсуждаются в тексте.

Анализ полученной картины любопытен, но достаточно очевиден. Общей и характерной особенностью является, с одной стороны, сходство неформальных практик соседних обществ (что ожидаемо), а с другой, напротив и неожиданно, значительные различия между общинами-соседями. Наряду с локальным сходством имеет место и контраст, что может свидетельствовать о развитой специализации промысловых практик между домохозяйствами отдельных поселений. В случае сходства практик это, например, такие пары территориально соседствующих обществ, как Темрюк и Тамань, Урюпинск и Новохопёрск, Дигора и Алагир, Ардон и Чикола, Ольга и Преображение, Кологрив и Вохма, а также четверка соседствующих городов: Углич, Ростов Великий, Кимры и Киржач (их центры располагаются на расстоянии всего 90–120 км друг от друга и связаны региональ-

ными автомагистралями). Здесь мы наблюдаем сходство как количества, так и распространенности сходных видов промыслов. Хотя, конечно, содержательно они могут изрядно различаться по видам промыслов: по одним и тем же видам промыслов сходство составляет не более 30% в сравнении каждого с каждым, хотя по количеству и распространенности промыслов в совокупности города похожи.

Значительные различия по количеству и распространенности промыслов показывают домохозяйства соседних обществ, имеющих общие границы как административной, так и реально контролируемой населением территории, но экономика которых опирается на разные виды ресурсов. Из приводимых случаев это пары Анапа — Витязево и Анапская сельская округа, Кавалерово и Ольга, Злынка и Новозыбков.

Например, различия домохозяйств общества Анапа — Витязево и Анапской округа (расстояние между центрами всего 15–25 км) составляют более 90%: из 55 видов промыслов, описанных в поселке Витязево, 52 вида отличны от промыслов сельской Анапской округа (Гостагаевской, Благовещенской и других ближайших станиц). Основа неформальных промыслов населения Анапы — Витязева — люди, отдыхающие и туристы, а населения Анапской округа — домашнее сельское хозяйство. Например, население общества Кавалерово ориентировано на природные ресурсы тайги, тогда как население соседнего общества Ольга — на ресурсы моря и транспортную инфраструктуру. Напротив, различия между промыслами домохозяйств Злынки и Новозыбкова (расстояние между центрами менее 20 км) составляют всего около ¼ (соответственно, из 71 и 79 видов промыслов различны только 19), но разница обусловлена разной распространенностью одних и тех же промыслов; между тем эти два общества очень схожи. Так что в каждом случае как сходства, так и различий в соотношении архаических и современных промыслов в указанных парах обществ легко находят объяснения, обусловленные ландшафтными, инфраструктурными и экономическими факторами.

Приведу особый, контрастный пример общества горнопромышленного Алагир в Северной Осетии, которое соседствует с обществами Дигора, Ардон и Чикола. Здесь промышленное развитие

прекратилось 20 лет назад после катастрофического наводнения, и жители вынуждены были перейти в значительной мере на самообеспечение и осваивать новые для себя промыслы (в наибольшей степени это, вероятно, коснулось населения Мизура, расположенного в узком Алагирском ущелье на автодороге в Южную Осетию). В результате наблюдается вполне зримая эволюция промысловых практик. Индустриальное общество Алагир должно было бы обладать преимущественно современными инфраструктурными ресурсами, поскольку возможностей использовать хозяйственные и природные ресурсы здесь гораздо меньше, чем в Дигоре, Ардоне и тем более в Чиколе. Тем не менее полный развал местной экономики вынудил население обратиться к архаическим промыслам. В результате за 20 лет увеличилось количество экономических практик, базирующихся на природных и хозяйственных ресурсах, но при этом не произошло сокращения количества и современных практик. И общество Алагира сблизилось с обществом Дигоры, где экономические практики населения основываются преимущественно на хозяйственных ресурсах домохозяйств и где нет или мало инфраструктурных ресурсов Ардона и Чикола.

Наконец, рассмотрим три крайние позиции на рис. 5.1, занимаемые несколькими обществами. В правом нижнем углу графика группа, где представлены общества Чарышское, Сентелек, Замульта и особенно выделяется общество Курмач-Байгол — здесь абсолютно преобладают архаические промыслы и почти нет современных видов (всего зафиксировано 7 видов против 58 видов архаических промыслов).

Это очень немногочисленное и очень изолированное общество, обитающее в черневой тайге севера Горного Алтая. Жизнеобеспечение населения основано практически исключительно на использовании природных ресурсов. Это типичный и яркий пример сохранения архаических форм самообеспечения. Да и редкие современные промыслы здесь также основываются на природных ресурсах: это криминальная охота, торговля охотничьими сувенирами и лесное браконьерство. Кроме того, имеет место «промысел на государстве» в виде записи в качестве малочисленного народа (челканцы) для получения пособий и льгот, которые для многих неправомочны

(но здесь поддержка со стороны государства несопоставимо мала, например, по сравнению со столь же изолированным обществом Анабар, расположенным на 4 тыс. км севернее в Восточной Сибири). Весьма необычно на этом фоне выглядит информационная самоорганизация населения: имеются собственный «деревенский чат» и сетевые сообщества, связывающие всех жителей, от мала до велика, и позволяющие торговать и обмениваться разнообразными услугами. Впрочем, такой вид промысла стал широко распространенным в последнее десятилетие во множестве сельских сообществ России.

На противоположном полюсе (рис. 5.1, слева внизу) располагаются четыре ярких примера неразвитости (или редукации) не только современных, но и архаических промыслов. Это общества Большой Камень, Ольга и Преображение на юге Приморского края и Соловецкая община в единственном поселении на Соловецком архипелаге в Белом море. Редукция неформальной промысловой практики населения в Приморских обществах вызвана одной и той же причиной: наличием крупной индустрии, где занято значительное количество населения. Люди имеют достаточно высокие заработки и у них мало времени на неформальную экономическую активность. Большой Камень — это городской округ с особым административным статусом, до недавнего времени закрытая территория, где расположено крупнейшее судоремонтное предприятие Министерства обороны «Звезда». Население города с крайне небольшой сельской округой в основном не нуждается в промысловых практиках, да и не имеет возможностей заниматься ими.

Изолированное сообщество Преображение, представленное небольшим городом и пятью мелкими поселениями, примыкает на севере и западе к заповедным территориям Сихотэ-Алиня и на востоке и юге ограничено берегом Восточного моря, где также есть заповедные территории. Поэтому население объективно не может массово использовать природные ресурсы не только тайги, но и моря. Но здесь базируется Преображенская база тралового флота — одно из крупнейших дальневосточных градообразующих предприятий, на котором занято до половины трудоспособного населения. Здесь мало возможны и не нужны промыслы как для самообеспечения (на основе природных и хозяйственных ресурсов), так и для получения

дохода от привлечения отдыхающих и туристов (их совсем немного, район очень удаленный, ни туристов, ни отдыхающих нет).

Общество Ольга расположено дальше на побережье, в 150 км северо-восточнее Преображения. Заповедных ограничений нет, потому и наблюдается массовое браконьерство на природных ресурсах тайги и моря. Здесь действует не менее десятка достаточно крупных предприятий-резидентов, занятых лесоразработками и переработкой древесины, строительным камнем, морской транспортировкой грузов, морским рыболовством и рыбаководством, сельским хозяйством. Немалую долю всего этого комплекса экономической активности составляет теневая деятельность. Поэтому население, с одной стороны, занято на этих предприятиях, а с другой стороны, не может составить эффективную конкуренцию организационно более сильным фирмам в неформальных практиках с использованием тех же ресурсов. Поэтому архаических промыслов здесь столь же мало, как и у их соседей, но наличие новых производственных технологий способствует развитию современных видов промыслов. В этом отношении общество Ольга можно сравнить с соседним обществом Кавалеро (расстояние между центрами 60 км), расположенным к северу в горах Сихотэ-Алиня и имеющим небольшой и неудобный выход к морю. Неформальные практики населения Кавалеро существенно более развиты в сравнении с населением Ольги и особенно Преображения.

В отличие от этих дальневосточных обществ, немногочисленное изолированное соловецкое местное общество редуцировало свои промысловые практики по иной причине. Здесь нет практически никакого промышленного производства и все население либо в бюджетных учреждениях, либо в промыслах, базовый ресурс которых — туристы и паломники Соловецкого монастыря. Поскольку Соловецкий архипелаг — это биосферный музей-заповедник, любая деятельность населения с использованием природных ресурсов формально находится под запретом. Но в силу сложившейся ситуации люди занимаются и морской рыбалкой, и используют ресурсы леса, но все это на грани браконьерства, а часто и является откровенным браконьерством. К тому же на Соловках слабо развита транспортная инфраструктура. Единственный источник доходов для

местных жителей — сезонный наплыв многочисленных туристов, который последние десятилетия непрерывно растет (по моим наблюдениям, соотношение суммарной летней численности туристов к численности постоянного населения Соловков составляло в 1990-е годы 1–2 к 1, в 2000–2010-х годах — 5–10 к 1, а в 2020-х годах — 20–30 к 1). Вследствие этого домохозяйства начинают специализироваться на немногих видах услуг, предоставляемых туристам.

Наконец, рассмотрим весь крайний левый вертикальный ряд обществ, образующих линию от Преображения в самом низу графика до Витязева вверху (см. рис. 5.1). Здесь представлены общества с минимальным развитием архаических, но с нарастающей долей современных промыслов. Помимо трех уже рассмотренных, линия эта представлена обществами Киржач, Кимры, Углич, Ростов Великий, а также Анапа — Витязево. Все эти общества расположены очень близко к крупным региональным городам или мегаполисам (Москва, Краснодар). Везде административный центр явственно преобладает над сельской округой. Все они ориентированы на туризм, городских дачников и проезжающих-отдыхающих. Поэтому население везде отказалось от многих видов архаических промыслов и обратилось к промыслам современным, основывающимся на инфраструктурных и людских ресурсах. Только Ростов Великий имеет некоторое отличие благодаря природной базе (озеро Неро) и сохранению таких старинных промыслов, как производство ростовской финифти. По этой причине координаты Ростова несколько смещены к центру рис. 5.1 — здесь у населения сравнительно больше архаических промыслов.

Аналогичная картина с обществом Злынка в Брянской области, где за счет лесных и сельских ресурсов развиты многие архаические промыслы, но 30-летняя практика населения массово промышленяты на государстве (подлоги и криминальные практики на льготах, предоставляемых для компенсации последствий Чернобыльской аварии 1986 г., а также расположение на границе с Белоруссией, что способствовало развитию трансграничного извоза и контрабанды) привела к редукции в местном обществе как современных, так и архаических промыслов. «Промысловую позицию» населения Злынки можно сравнить с позицией соседнего общества Новозыбков, нахо-

дыщегося в тех же географических, ландшафтных и социально-политических условиях, но сохранившего существенно больше архаических видов промыслов, прежде всего сельскохозяйственных.

В этой же группе крайнюю верхнюю позицию занимают, помимо Анапы — Витязева, общества Темрюка, Тамани, Урюпинска. По сути, в этих обществах современные промыслы относительно (не абсолютно) преобладают над архаическими. Причины этого различаются, но все действуют в одном направлении: снижают количество архаических промыслов и наращивают новые, современные. Общество Анапа — Витязево в Краснодарском крае соседствует с сельскими обществами — Анапской округой, Таманью и Темрюком, — но в основе неформальных экономических практик населения здесь промысел на людях: предоставление разнообразных услуг, связанных с бальнеологическими ресурсами песчаных пляжей Черного моря, отдыхающим и туристам. Домохозяйства отдельных поселений узко специализируются на немногих видах промыслов.

Тамань и Темрюк, расположенные в непосредственной близости от Анапы, имеют значительные природные и хозяйственные ресурсы и до последнего времени здесь были больше распространены архаические виды промыслов. Они сохранились и даже до сих пор распространены. Однако на территории началась реализация сразу нескольких крупных федеральных инфраструктурных проектов: морского порта «Тамань», Крымского моста, железной дороги и автомагистрали в Крым, наряду с существующими трубопроводными коммуникациями и портом «Темрюк», несколькими рыбоперерабатывающими заводами. Все это сильно изменило характер неформальной экономической активности населения: оно в массе стало переходить к современным промыслам и все ближе смещается к положению, занимаемому населением Анапы — Витязева. Предположительно, уже в скором времени население Темрюка и особенно Тамани забросит многие архаические виды промыслов и станет все больше специализироваться на современных — на инфраструктуре и людях.

Особенность общества Урюпинска и очень близкого к нему соседнего общества Новохопёрска (так же, как и Ростова Великого, Кимр и Углича) состоит в выраженной промысловой специализации населения — наличии на территории каждого из этих обществ так

называемых рассеянных мануфактур (см. подробное описание ниже в главе 7). Мануфактуры являются традиционными промыслами, но их рынки сбыта современные. Поэтому в этих трех обществах имеет место умеренное сокращение количества видов и распространенности архаических промыслов и значительный рост количества современных (как и в Кимрах, но в этом обществе специализация привела к существенно большей деградации архаических промыслов).

Все описанные примеры позволяют высветить общую картину эволюции промысловых практик домохозяйств в зависимости от располагаемых ресурсов, местоположения, ландшафта, инфраструктуры. Развитие одних видов сопровождается редукцией других, отказом от менее выгодных и более трудоемких практик в пользу более выгодных и нетрудоемких, или наоборот. Этот аспект я подробно обсуждаю ниже в параграфе 5.6. Но прежде представляется интересным посмотреть на те же процессы в меньшем масштабе, уже на уровне отдельных поселений. В результате получаемая картина, конечно, аналогична, но тенденции промысловой эволюции представлены более ярко в силу больших ограничений, накладываемых ресурсами, ландшафтом и инфраструктурой на экономическое поведение жителей отдельных поселений.

5.5. Промысловые практики в отдельных общинах и поселениях

Когда мы рассматриваем отдельные общины или даже населенные пункты в составе одного местного общества, возникают определенные трудности, вызванные особенностями регистрации промыслов в смежных поселениях, а также тем фактом, что многие домохозяйства промышленяют на всей территории общества, не ограничиваясь поселением или общиной. Поэтому в половине случаев для каждого местного общества приводятся данные как по центральному городу, так и по одному-трем самым крупным сельским поселениям. В других случаях имеются данные только для административных центров и для сельских поселений, по одному в каждом местном обществе. В нескольких случаях данные по поселениям дублируют данные по обществам, поскольку почти все их население сконцентрировано

в центре (например, Большой Камень, Преображение, Курмач-Байгол). Поэтому я привожу выборочные данные по поселениям и/или общинам нескольких обществ в регионах Европейской России, и на крайнем севере и юге Сибири и Дальнего Востока. Первоначально эта схема была выполнена мной только для поселений Анапы, Темрюка и Тамани в Краснодарском крае и опубликована в [Плюснин, 2018a]. Дополнение значительно большим количеством новых данных не изменило первоначально сделанные выводы в указанной публикации (см.: [Плюснин, 2022]). Поэтому я анализирую приводимые результаты по аналогичной схеме.

На первый взгляд есть связь между численностью жителей/домохозяйств в конкретном поселении и количеством промысловых практик. Но она неоднозначна. Практически нельзя утверждать о значимой позитивной корреляции количества промыслов с численностью населения города или деревни (хотя всегда возможна систематическая ошибка, обусловленная недоучетом большего числа промыслов в крупном поселении и, наоборот, полным учетом их в небольшой деревне). Коэффициент корреляции Пирсона для представленной выборки составляет всего +0,20, что нельзя считать статистически достоверной корреляцией; связь, скорее, случайна. Возможная причина в том, что корреляция численности жителей в поселениях с количеством и распространенностью архаических и современных видов промыслов противоположного знака, и это обстоятельство демпфирует прямую зависимость. Архаические промыслы демонстрируют несущественную слабую отрицательную связь с численностью популяции поселения ($r = -0,16$), а современные промыслы дают уже отчетливую положительную корреляцию ($r = +0,41$). То и другое совершенно очевидно и ожидаемо. Имеет значение роль фактора урбанизации. В городах даже при большей численности населения архаические промыслы не могут быть распространены в силу нехватки как природных ресурсов, так и относительно небольшого удельного объема хозяйственных ресурсов, а современные промыслы, наоборот, более часты, поскольку имеются значительные людские и инфраструктурные ресурсы.

Картина распределения промысловых практик в поселениях в целом такая же, как и в местных обществах. Есть как поселения со

значительным преобладанием в домохозяйствах архаических промыслов над современными, так и поселения, где на фоне значительного количества архаических много и современных промыслов. Наконец, есть и поселения с редуцированной промысловой активностью. Как правило, это либо промышленные города, жители которых не могут и не имеют мотивов заниматься самообеспечением, либо это деревни и *города-как-бы-деревни*, где население ведет сельский образ жизни и основу его промыслов составляют преимущественно хозяйственные и природные ресурсы. Если рассмотреть только такие поселения, где количество и распространенность тех и других видов промыслов контрастны (архаических много, а современных совсем мало, например, значения первых больше 100, а вторых меньше 20), то столь существенное — более чем 5-кратное — преобладание архаических промыслов над современными указывает на то, что на этих территориях мало или нет совсем отдыхающих и туристов, нет промышленного или транспортного строительства, и неформальная экономическая активность населения базируется прежде всего на природных ресурсах да на сельскохозяйственном производстве в подворьях. Здесь же развито и традиционное отходничество, в силу отсутствия рынка труда.

В случае поселений с малым количеством архаических и современных видов промыслов очевидными причинами нераспространенности являются либо наличие промышленности и рынка труда, как это описано выше в Большом Камне и Преображении, либо имел место развал местной индустрии, ранее поддерживавшей существование таких поселений, как, например, Рудный в Кавалеровском местном обществе в Приморье, Мизур в Северной Осетии или Юрюнг-Хая в Анабаре, Якутия.

Есть и третья причина редукции промысловой активности домохозяйств таких поселений: это специализация на немногих, но высокодоходных видах промыслов. Например, все обследованные деревни и станицы Северной Осетии специализируются на выращивании кукурузы, употребляемой для производства спирта. Это приносит значительный доход (в том числе незаконный), требует существенно меньше усилий и предполагает меньше опасностей, чем промысел на запрещенных природных ресурсах.

Особенностью большинства поселений, где население в равной степени интенсивно развивает и архаические, и современные виды промыслов, является то, что промысловыми ресурсами населения до недавнего времени были почти исключительно природные и хозяйственные, и только в последние 10–20 лет на территории появились в изобилии инфраструктурные и человеческие ресурсы. Например, в Тамани (Краснодарский край) поселилась значительная по численности группа вахтовых рабочих, строящих Крымский мост, которые и выступают новым и изобильным ресурсом для большинства домохозяйств. В таких поселениях, как Зарубино, Андреевка, Витязь и Славянка (Приморский край), Чикола и Алагир (Северная Осетия), Замульта, Саратан, Мендур-Соккон (Горный Алтай), Чарышское (Алтайский край), Умба (Терский берег, Мурманская область), с каждым годом нарастает поток отдыхающих и особенно туристов.

Все эти радикальные изменения ресурсной базы населения привели к быстрой трансформации — к появлению многих новых современных промыслов. При этом, как всегда бывает в социальных системах, на первых порах появления в изобилии нового вида ресурсов это способствует значительному увеличению количества отдельных видов промыслов и их экспансии (массовости и распространенности отдельных промыслов). Эти общества, таким образом, по характеру промысловой активности населения находятся в переходном статусе от преимущественно традиционных промыслов к современным: прежние еще сохраняются в полной мере, но уже появились и многие новые виды промыслов, те и другие сосуществуют в одном сообществе и нередко на одном подворье. Однако надо ожидать, что более выгодные промыслы на новых ресурсах могут потеснить традиционные, как это уже произошло в других поселениях.

В ряде случаев так и происходит: современные промыслы распространены больше, чем архаические. Например, таковы все Краснодарские поселения, узко специализированные на курортных услугах: станицы Голубицкая, Сукко, Варваровка, Благовещенская и Витязево, город Темрюк, и в этой же группе город Славянка в Приморье, а также столь же специализированные Урюпинск и Ново-

хопёрск. Примечательно, что соседние с ними селения — Тамань в Краснодарском крае, а в Приморье Зарубино, Андреевка и Витязь — до сих пор сохранили развитые архаические промыслы, хотя население все больше и больше переходит на высокодоходные и менее трудоемкие современные виды промыслов. Ресурсной базой является либо инфраструктура, либо часто почти исключительно отдыхающие и туристы, и на этой основе выстроены все виды промыслов — не только гостиничный бизнес, но и строительство и ремонт, производство и торговля вином, переработка сельхозпродукции приусадебного производства и извоз, проституция и предоставление многочисленных видов бальнеологических услуг, как и вся кустарная сувенирная продукция. Собственно, и все традиционные промыслы здесь подчинены задаче извлечения дохода из отдыхающих и туристов. Произошла специализация промысловой активности населения, ресурсное разнообразие уменьшилось благодаря чрезвычайному изобилию одного-двух видов ресурсов.

Специально обращаю внимание на важное следствие деградации промысловой активности населения. Я наблюдал это в Сукко и Варваровке в Краснодарском крае, в Саскылахе и Юрюнг-Хая на Анабаре в Якутии, а в Приморье сразу в нескольких поселениях: в Рудном, Фабричном, Богополе в Кавалеровском обществе, в Ракушке, Веселом Яре и Норд-Ост в Ольгинском районе, в Пограничном и в Подножье на Русском острове. Эти же тенденции уже чувствуются в Тамани, Волне, Голубицкой в Краснодарском крае, в Ольге, Славянке, Андреевке, Витязе, Краскино в Приморском крае. Деградация сопровождается нарастанием социальной напряженности в разных формах: в росте преступности, распространении наркомании и появлении проституции. Нельзя не предположить, что криминализация и наркотизация местного общества может быть одним из следствий утраты узкоспециализированной ресурсной базы жизнеобеспечения населения.

Стоит здесь же обратить внимание на любопытный феномен «гомологических рядов» в экономических практиках жителей поселений, использующих одни и те же виды ресурсов в схожих климатических условиях и ландшафтах. (Надо заметить, что гомологичность промысловых практик мало видна или совсем незаметна в масштабе

целого местного общества, поскольку многочисленные другие виды затемняют картинку.)

В России всего две территории имеют наиболее благоприятные и похожие климатические условия и обладают одинаковым курортологическим потенциалом (рис. 5.2). Территории разнесены на 10 тыс. км — это Черноморское побережье (Краснодарский край и Крым) и побережье Восточного моря (Приморский край). В обоих случаях схожие условия способствовали развитию и закреплению одинаковых — даже идентичных — промысловых практик населе-

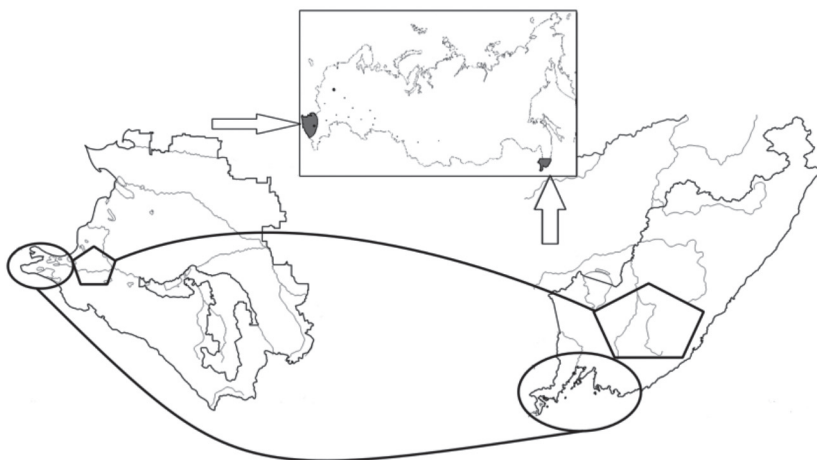

Рис 5.2. «Гомологические ряды промыслов». Территории поселений с одинаковой структурой промысловых практик домохозяйств: западные районы Краснодарского края и южные районы Приморского края. Овалами обозначены территории краев, на которых население занято предоставлением услуг туристам и отдыхающим на основе использования инфраструктурных и людских ресурсов. Пятиугольниками обозначены территории, где население занято преимущественно производством продукции на основе природных и хозяйственных ресурсов

Источник: [Plusnin, 2022, p. 249].

ния. В одних городках, станицах и селах люди заняты обслуживанием туристов и отдыхающих и промышляют на них. Соседние территории не предоставляют таких возможностей, и люди в расположенных здесь поселениях промышляют в основном на природных ресурсах. Эта гомологичность экономической активности жителей поселений ярко проявляется на юго-западе Краснодарского края и на юго-западе Приморского края. Так, гомологичны, с одной стороны, расположенные на побережье, но в несколько разных условиях селения Краснодарского и Приморского краев: Витязево и Славянка, Благовещенская и Витязь, Голубицкая и Андреевка, Волна и Посьет с Подножьем. Так же гомологичны несколько удаленные от моря селения Ахтанизовская и Краскино, Гостагаевская и Хороль.

На примере местных обществ, радикально различающихся по структуре промысловой активности, можно видеть, что население, располагающее только природными ресурсами, сохраняет преимущественно или почти исключительно традиционные промыслы. Появление новых видов ресурсов приводит на первых порах к резкому увеличению разнообразия промыслов. Изобилие какого-то одного вида ресурсов со временем способствует специализации, которая в крайнем случае приводит к узкой специализации. Однако общины, практикующие архаические промыслы, устойчивы к внешним воздействиям, поскольку располагают не контролируемые со стороны внешних агентов природными и собственными хозяйственными ресурсами и демонстрируют пластичность экономического поведения — домохозяйства, как правило, имеют «в загашнике» несколько видов промыслов и при необходимости могут переключаться с одного на другой. Напротив, местные общества, перешедшие к использованию новых видов ресурсов, получают и некоторые риски для развития новых видов экономических практик, и угрозы благополучию домохозяйств со стороны внешних агентов, поскольку новые виды ресурсов способствуют узкой специализации промысловой активности и, как следствие, снижению устойчивости.

Палка, как всегда, о двух концах: если сохраняешь приверженность традиции, не имеешь впечатляющего экономического успеха, но обеспечиваешь высокую устойчивость на фоне умеренного

достатка. Если делаешь ставку только на новое, успех гарантирован, но недолго и высоки риски развала всей местной экономики, основанной на таких промыслах. Отсюда можно было бы заключить, что наилучшая позиция где-то посередине, но, скорее всего, решение не является столь простым, поскольку должен быть учтен фактор изменчивости. Ресурсы, на которых базируются народные промыслы, не бывают вечными (за исключением, возможно, природных, но и тут речь должна идти, скорее, о буквально «вечном», то есть в интервале времени жизни трех-четырех поколений). Многие виды ресурсов появляются и исчезают внезапно и быстро, не столько по экономическим, сколько по социально-политическим причинам. Поэтому местные общества, практикующие промыслы, основанные преимущественно на новых видах ресурсов, всегда находятся в «подвешенном» состоянии, зависимы от превратностей и неожиданностей, несомыми экономической конъюнктурой, потребительскими предпочтениями, досуговыми и культурными традициями, политическими обстоятельствами.

5.6. Модель «промысловой эволюции»

Описанная на примере как местных обществ, так и отдельных селений ситуация распространенности традиционных и новых промыслов в зависимости от ресурсных и внеэкономических факторов позволяет предложить некую модель «промысловой эволюции». Мне представляется, что разнообразие видов промыслов и различия в преобладании либо современных видов над архаическими, либо наоборот, могут быть объяснены следующей концепцией. Я привожу ее логическую схему на рис. 5.3.

В рамках модели эволюция промысловой деятельности населения в местных сообществах рассматривается в оппозиции архаических и современных промысловых практик, подверженных воздействию факторов, влияющих как на соотношение тех и других практик, так и на их количество. Существенно, что такая эволюция должна носить циклический характер. Описание модели следующее.

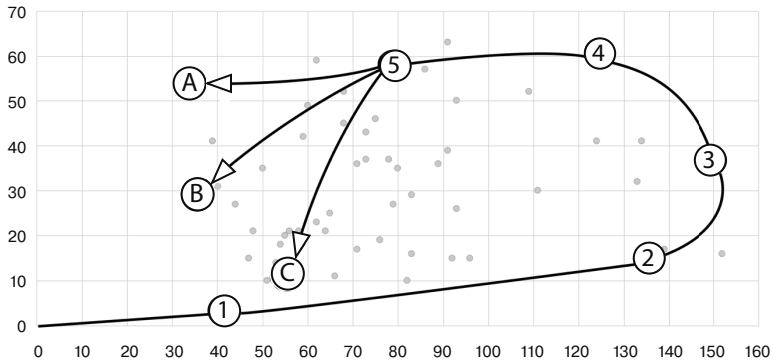

Рис. 5.3. Модель циклической эволюции архаических и современных промысловых практик домохозяйств в зависимости от степени устойчивости локальных сообществ к воздействию внешних социально-политических и экономических факторов (пояснения приведены в тексте ниже)

Источник: [Plusnin, 2022, p. 251].

Точка 1. Неформальная экономическая деятельность домохозяйств любого местного сообщества исходно основывается на естественных природных ресурсах. В случае полного самообеспечения и в условиях полной социальной изоляции система жизнеобеспечения такого сообщества базируется исключительно на естественных ресурсах. Исторические и современные антропологические материалы дают нам основание предполагать, что такие изолированные локальные сообщества имеют небольшое количество видов промыслов, специализируясь в одном-двух основных. Почти всегда это исключительно архаические виды промыслов, начиная от собирательства дикоросов, охоты, рыбалки. На рис. 5.3 это отмечено точкой 1. Я не могу привести ни одного примера таких поселений из моего списка, наиболее близко соответствующих этой позиции, поскольку это предельный случай, и современные локальные сообщества взаимосвязаны, всегда имеют место и новые промыслы, использующие какие-то новые ресурсы.

Точка 2. В условиях обмена (передача технологий новых промышленных практик) и конкурентного взаимодействия не только появляются новые виды промыслов, но и возрастает количество традиционных, базирующихся на заимствованных технологиях сельскохозяйственного производства. Такое положение отмечено точкой 2. Это консервативное, наиболее стабильное состояние социально-экономической системы локального сообщества: промыслы, использующие постоянные природные и сельскохозяйственные ресурсы, дополняются новыми видами, что повышает устойчивость всей системы жизнеобеспечения сообщества. Примерами поселений, наиболее близко располагающихся к этой позиции, являются уже упоминавшиеся Курмач-Байгол в Горном Алтае, Варзуга на Терском берегу в Мурманской области, Ошевенск в Архангельской области, Кора-Урсдон в Северной Осетии. Такие поселения самодостаточны и никак не зависят от влияния других сообществ, а также имеют минимальную поддержку со стороны государства.

Точка 3. Появление новых видов ресурсов приводит к быстрому нарастанию конкурентных взаимодействий домохозяйств внутри и между локальными сообществами, но одновременно и к росту взаимозависимости. В эволюции промыслов происходит увеличение до «насыщения» количества традиционных практик и значительное увеличение числа новых видов промыслов. Это положение отмечено точкой 3. Примером поселений, наиболее близко располагающихся к этой позиции, являются село Чарышское в Алтайском крае и три обследованных деревни в Горном Алтае — Саратан, Мендур-Соккон и Замульта, ряд селений в Костромской, в Архангельской областях (Лешуконское, Вожгора, Большая Пысса, Каменка и другие поселения среднего и нижнего течения реки Мезень), в Иркутской области и Красноярском крае. Население этих поселений использует интенсивно как природные ресурсы, так и произведенные в домохозяйствах. Но при этом они обладают также и инфраструктурными ресурсами (расположены на речных путях или автомагистралях), а также имеют возможность привлекать человеческие ресурсы: на их территориях нарастает поток туристов, отдыхающих, дачников.

Точка 4. Действие внешних факторов, способствующих изобилию новых видов ресурсов, обуславливает дальнейшее нарастание

до «насыщения» уже количества новых экономических практик. А количество традиционных промыслов начинает снижаться в силу как уменьшающейся ресурсной базы, так и их меньшей доставляемой выгоды сравнительно с современными, почти всегда более доступными и менее трудоемкими для переработки видами ресурсов. Позиция перехода от преобладания архаических промыслов к преобладанию современных отмечена на рис. 5.3 точкой 4. Примерами поселений, наиболее близко располагающихся к этой позиции, являются города Дигора и Алагир в Северной Осетии, станица Тамань в Краснодаре, Зарубино и Камень-Рыболов в Приморье, Никольск в Вологодской и Пыщуг с Вохмой в Костромской областях.

Точка 5. Наконец, при сохраняющемся изобилии новых ресурсов происходит естественный сдвиг к специализации промысловой активности домохозяйств: на этом фоне существенно сокращается количество традиционных практик как гораздо менее выгодных и обычно более трудозатратных, чем современные практики. Примерами здесь будут упоминавшиеся уже города Урюпинск и Новохопёрск, Темрюк, а также Витязево. Современные виды промыслов еще сохраняют свое разнообразие, но в дальнейшем происходит диверсификация направлений промысловой эволюции. Это обусловлено естественной и универсальной тенденцией к узкой специализации. Диверсификация возможна в трех направлениях (если не рассматривать возвратный путь к точке 4), на рис. 5.3 они помечены буквами «А», «В», «С».

Вариант «А»: хорошая ресурсная база при высокой конкуренции.

В случае, если имеет место как достаточная ресурсная база для новых видов промыслов, так и значительная конкуренция между домохозяйствами и между соседними сообществами, то промысловая эволюция идет в направлении, отмеченном точкой «А». Население концентрирует усилия почти исключительно на промыслах, обеспеченных новыми ресурсами, сохраняет разнообразие их, но отказывается от архаических промыслов как неэффективных на фоне новых в силу высокой конкуренции между домохозяйствами. Примерами поселений, наиболее близко располагающихся к этой позиции, являются Славянка в Приморье, станицы Голубицкая и Благовещенская в Краснодарском крае.

Вариант «В»: хорошая ресурсная база при низкой конкуренции.

В случае постоянного изобилия новых видов ресурсов и, в силу этого, снижения конкуренции в местном сообществе, формируется узкая специализация домохозяйств на немногих наиболее выгодных промыслах. Сообщество занимает узкую «экономическую нишу». Промысловый доход домохозяйств обеспечивает им более высокий уровень жизни сравнительно с «неспециализированными» соседями (что проявляется и во внешних признаках качества жизни). Однако устойчивость подобной модели жизнеобеспечения невелика и находится в сильной зависимости от внешних угроз. Примерами поселений, наиболее близко располагающихся к этой позиции, являются Сукко, Варваровка в Краснодарском крае, Веселый Яр и Подножье в Приморье, Соловки в Архангельской области.

Вариант «С»: плохая ресурсная база и/или самоизоляция. Этот вариант предполагает изоляцию (прежде всего самоизоляцию) локального сообщества и/или нехватку новых видов ресурсов. Как то, так и другое имеет следствием ограничение промысловых практик. В случае самоизоляции идет сознательный отказ от современных видов промыслов — но это хотя ныне и нередкий, но особый случай развития по «сектантскому» пути, который здесь не обсуждаем.

В случае же нехватки новых видов ресурсов или исчезновения их источника локальное сообщество возвращается к промыслам на базе естественных ресурсов, и часто это как раз архаические промыслы. Не всегда это возможно. Наиболее частый и, вероятно, типичный вариант для провинции при складывании таких условий есть возврат многих домохозяйств к отходничеству — поиск возможностей заработка на стороне. Предполагаю, что этот вариант — все же довольно кратковременное состояние для современного местного общества. У меня нет надежных примеров поселений для этой точки в имеющейся выборке. Возможно, ближе всего подходят к этому изолированные (но не самоизолирующиеся) общины, вынужденные существовать в таежных зонах при почти полном самообеспечении, расположенные при этом в сильно удаленных друг от друга регионах: Тура на Нижней Тунгуске и Юрюнг-Хая на Анабаре в Восточной Сибири, Талица и Тихон в Костромской области.

Приходится думать, что все три конечные точки «промысловой эволюции» («А», «В» и «С») есть неустойчивые состояния системы жизнеобеспечения. Собственные риски и внешние угрозы заставляют домохозяйства, специализировавшиеся на немногих современных промыслах, либо редуцировать промысловые практики к архаическим, либо переходить в цикл — и извечно двигаться «по кругу», в котором соотношение архаических и современных промыслов зависит от внешних переменчивых условий. Но во всех случаях отмеченные варианты «промысловой эволюции» позволяют мне утверждать, что все многообразие экономических практик не появляется заново и не исчезает безвозвратно, а сохраняется под спудом общественной памяти и «достаётся» оттуда по случаю, когда приходит нужное время и обстоятельства этому благоприятствуют.

«Бег по кругу», в логике которого пребывают местные сообщества, одновременно используя и сохраняя древние и современные промысловые практики, закономерно определяет высокую устойчивость сообществ к разного рода внешним воздействиям. «Вылет» из кругового бега — массовый переход домохозяйств к промыслам, выстроенным исключительно на современных ресурсах и ориентированных на новые рынки, — свидетельствует о промысловой специализации, которая угрожает деградацией сообщества, утратой населением традиционных практик, снижением самостоятельной хозяйственной активности и в конечном счете разрушением местной системы жизнеобеспечения. А примеры такого финала мы наблюдаем повсеместно на территориях с прежде высокой концентрацией промышленного производства, где домохозяйства «освободились от обузы» обеспечивать свою жизнь самостоятельно. Яркие примеры этого показывают селения Мизур в Северной Осетии, Саскылах и Юрюнг-Хая на Анабаре, Восточная Сибирь, Рудный и Фабричный в Кавалерове, Ракушка в Ольгинском районе, Приморье, Нырб в Чердынском районе, Пермский край. За последние 30 лет много где в России появились такие «выморочные» поселения.

Как результат обсуждения домашних промыслов, могут быть высказаны предположения относительно значимости для местного об-

щества или отдельной общины и для поселения разного соотношения архаических и современных экономических практик². Прежде всего представляется, что многочисленность промыслов и разнообразность промысловых практик населения свидетельствуют об устойчивости местного общества к различным внешним воздействиям, к внешним угрозам. Чем больше видов промыслов может быть зафиксировано и чем они разнообразнее, тем более устойчиво к любым неблагоприятным воздействиям местное общество. Напротив, специализация домохозяйств в немногих или одном виде промыслов может указывать на снижение способности сообщества отвечать на внешние неблагоприятные воздействия. Собственно, это предположение основывается на известном теоретическом положении, давно эмпирически обоснованном, согласно которому узкая специализация сужает «экологическую нишу» и тем самым снижает устойчивость любой популятивной (в том числе и социальной) системы (см., например: [Principles of Self-Organization, 1962; Prigogine et al., 1972]).

Помимо прочего, я предполагаю, что архаические промыслы сохраняют свое значение и роль в современной экономической деятельности населения наряду с новыми и вновь возникающими промыслами постольку, поскольку в обществе всегда сохраняются архаические элементы общественной структуры, прежде всего на «низовом уровне» семьи, родственной группы, локальной общины. Иными словами, я утверждаю, что сохранение локальных псевдоархаических социальных институтов, поддерживающих соответствующие экономические практики населения, имеет позитивное значение. Надо сказать, что это утверждение противоречит общепринятым тезисам о деструктивной роли архаизации социальных отношений и институтов (см., например: [Ахиезер, 2001; Heylighen, 2008; Кордонский, 2010; Сергеев, 2012; Ядов, 2014]). Причина, по которой я придерживаюсь альтернативной точки зрения, заключается в высказанном выше утверждении: разрушение архаических промысловых практик и замещение их новыми, дающими

² В последней главе я специально обсуждаю вопрос соотношения тех и других видов промыслов в обществах, относящихся к разным типам.

большой экономический результат, но еще не «освоенных», может вести к разрушению базовых структурных элементов местного общества и его деградации.

Домохозяйства всегда стремятся перейти от более доступных, но и более трудоемких архаических промыслов к менее трудоемким современным. Но в результате снижается устойчивость к неблагоприятным внешним воздействиям. Поэтому в случае форс-мажорных обстоятельств домохозяйства, как правило, вновь переходят к архаическим промыслам. Так всегда происходит в условиях чрезвычайной ситуации; а это, к несчастью, составляет обыденность наших дней. Архаические практики есть начальная и конечная точка самодостаточного существования всякого локального общества. Обобщенная картина экономического поведения домохозяйств показывает, что наиболее массовыми видами промыслов оказываются, как я указывал выше, отходничество, производство продукции на приусадебном участке и сбор дикоросов в лесах. Чем не тысячелетняя архаика? Это может вызвать снисходительную улыбку у современного горожанина, вооруженного технологическими новшествами будущего. Но когда припрет... Ведь такие практики свидетельствуют о самодостаточности системы жизнеобеспечения, основанной на самостоятельности населения. Это основа столь удивительной жизнестойкости провинции.

Глава 6

МАЛЫЙ БИЗНЕС И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Мне приходится выделять в отдельную небольшую главу местный малый бизнес и индивидуальное предпринимательство, поскольку они пребывают периодически то в составе «первой», то «второй» экономики, но преимущественно в ее теневом сегменте. Индивидуальное предпринимательство в провинции, подобно ртутному шару, находится в состоянии постоянного перетекания между теневым сегментом и формальной местной экономикой. Нельзя однозначно привязать его только к одному из них.

6.1. Малый бизнес

Самая трудная и малоизученная ситуация в провинциальной местной экономике сложилась именно с малым и микробизнесом, включая индивидуальное предпринимательство. Только меньшая часть его зарегистрирована, большая часть находится в тени. По грубым оценкам, основанным на косвенных данных, мнениях местных экспертов и непосредственных наблюдениях, соотношение зарегистрированного к незарегистрированному бизнесу составляет от 1 : 2 до 1 : 5 и более. Соотношение очень изменчиво и зависит от государственной регулятивной (репрессивной) политики. Например, акция последних лет по выведению самозанятых из тени сократила повсеместно как количество неформальных предпринимателей, так и официально зарегистрированных. В 1990-е и в 2000-е мало кто из индивидуальных предпринимателей считал необходимым вести бизнес «на свету». Это отразилось, в частности, на подходах иссле-

дователей к описанию малого предпринимательства в разные периоды (например, [Радаев, 1999; Алимова и др., 2011; Cherpurenko et al., 2017; Cherpurenko, 2019]). Соотношение формально зарегистрированных и теневых предпринимателей достигало 1 : 10, по моим наблюдениям, в 1990-х в некоторых обследованных малых городах. Сейчас этого уже нет. Поэтому при вынужденно фрагментарном описании малого бизнеса в формальной экономике я могу опираться только на муниципальные отчетные материалы и статистику территориальных органов регистрации. Но все отчетные данные неточны и сильно варьируют от года к году. Например, на интервалах в 5–8 последних лет разница муниципальных отчетных данных в количестве зарегистрированных юридических лиц, численности индивидуальных предпринимателей, количестве предприятий сферы услуг и численности работников, занятых в сфере малого бизнеса, достигает 20–25% и даже более.

Количество предприятий малого и среднего бизнеса, зарегистрированных на территории муниципального района или округа, при средней численности населения в 30 тыс. человек, составляет в среднем 400 наименований. Разброс значений на порядок — от 20 до 2–3 тыс. предприятий. В пересчете на 10 тыс. населения относительное количество таких предприятий составляет от 10–15 до 200. Различия связаны с типом общества. В изолированных обществах относительное количество предприятий невелико (в пределах 20–80 единиц на 10 тыс. жителей), в обществах «турбулентного» типа их существенно больше (в пределах 100–200). В обществах принудительного типа развития таких предприятий примерно в 1,5 раза меньше, чем в обществах естественного типа развития, поскольку в первых почти всегда есть крупные градообразующие предприятия и значительная часть людей работает на них.

Доля занятых работников на предприятиях малого бизнеса составляет от 1/5 до 1/3 всего трудоспособного населения, а относительно всех занятых в местной экономике — от 1/4 до 2/3. Причем в обществах изолированных их доля велика (40–60% от занятых в местной экономике), а в «турбулентных» обществах составляет не более 25–30%. На таких предприятиях работает в среднем 10 человек, хотя в разных обществах значения варьируют от 5 до 50 и более человек.

Официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей имеется от менее 100 до 5–6 тыс.; в среднем на одно местное общество приходится 800–900 предпринимателей. В пересчете на каждую тысячу жителей оказывается примерно 26 индивидуальных предпринимателей (примерно каждая 15-я семья). Однако если пересчет сделать на количество человек трудоспособного населения, то тогда количество индивидуальных предпринимателей составит от 30 до 60 на 1000 жителей трудоспособного возраста. С учетом среднего размера семьи в России (2,7 человека) это составляет как раз каждую 10-ю семью (разброс от 1 : 15 до 1 : 7). Иными словами, в предпринимательскую деятельность включена очень большая доля семей: с учетом двух взрослых трудоспособных членов каждая седьмая и даже каждая третья семья (от 1/7 до 1/3 семей) так или иначе участвует в предпринимательской деятельности. Но надо иметь в виду, что это по преимуществу деятельность коммерческая, мелкая торговля: до 3/4 и более всех индивидуальных предпринимателей — это сфера услуг (торговля, общественное питание, бытовые услуги, туризм и гостиничный бизнес).

Различия в количестве индивидуальных предпринимателей связаны и с типом общества: в изолированных и «ординарных» типах обществ их примерно вдвое меньше, чем в «турбулентных» (30–35 против 55–60 на 1000 жителей трудоспособного возраста). Обусловлено это, вероятнее всего, большей возможностью осуществлять предпринимательскую деятельность в тени у жителей изолированных сообществ по сравнению с жителями «турбулентных», что они и делают. Количество наемных работников, занятых на таких предприятиях, составляет от 1 до 4.

Между тем все указанные соотношения могут довольно сильно меняться не только от десятилетия к десятилетию, но даже и от года к году, и зависят они от государственной законодательной и фискальной политики, весьма изменчивой и непредсказуемой, если смотреть на нее с низовой позиции. Поэтому любые такие изменения почти всегда приводят к быстрому сокращению численности официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей на несколько, иногда на десятков, процентов. Поэтому бывает, что муниципальная администрация в районе может в течение одно-

го года сразу недосчитаться 50–100 индивидуальных предпринимателей, ликвидировавших предприятие и ушедших в тень.

Индивидуальные предприниматели в провинции самым тесным образом смыкаются (нередко и сливаются) с «гаражниками». Здесь их трудно, — а часто и невозможно, — различить. В чем состоят особенности «гаражной экономики» в провинциальных обществах, в отличие от «гаражников» в крупных городах?

6.2. «Гаражная экономика» и теневое индивидуальное предпринимательство

Я уже выше указывал, что «гаражная экономика» весьма спорадична в провинциальных обществах и имеет место практически только в административных центрах обществ «турбулентного» типа, поскольку здесь много городской многоэтажной застройки и потому существуют и гаражно-строительные кооперативы, на базе которых и осуществляется «гаражная экономика». Поэтому в большинстве провинциальных обществ такая деятельность не концентрируется в гаражах и не специализируется, а размывается и оказывается неотличимой от теневого индивидуального предпринимательства в сфере производства и услуг. Кроме того, «гаражная экономика» в провинции практически неотличима от многих других видов промыслов, осуществляемых «на дому».

Следует также обратить внимание на тот очевидный факт, что, рассуждая о малом предпринимательстве в формальной экономике, мы определенно отличаем субъектов предпринимательства от других работников, занятых в реальной экономике: как от наемных работников в сферах производства и услуг, так и от служащих-бюджетников. Но совсем иная ситуация имеет место в случае неформальной экономики. Отличия здесь далеко не столь очевидны. Значительная часть «гаражников», многие артельщики в «рассеянных мануфактурах», а также отходники оказываются по факту, — но не по форме, — предпринимателями. Каждый из них промышляет (есть «промышленник»). Отходники самостоятельно и инициативно предлагают собственную продукцию и услуги на внешнем (для местного общества) рынке. «Гаражники» и «мануфактурщики» делают то же,

но сидя дома. Конечно, некоторая доля этих людей не предприниматели, а лишь неформально наемные артельщики, в случае, когда имеется необходимость в создании производственных бригад, артелей (но она имеется не всегда). Обычная артель для осуществления деятельности на месте (на территории местного общества) составляет 2–4 наемных работника при одном предпринимателе-бригадире. Однако надо иметь в виду, что артельная организация трудовой деятельности радикально отлична по характеру участия в ней работников-артельщиков от обычных производственных бригад или коллективов служащих. В артели каждый участник есть предприниматель, даже если он подчинен воле старшего и задачам артели.

С учетом этих соображений реальной предпринимательской деятельностью, только совсем не «засвеченной», занимается существенно большее количество людей, чем зафиксировано в государственных реестрах в качестве малых (и индивидуальных) предпринимателей. По инсайдерским оценкам, полученным только в малых городах, но не в сельской округе, соотношение зарегистрированных и незарегистрированных предпринимателей составляет от 1 : 3 до 1 : 5. По моим оценкам, полученным с самых разных территорий страны, объем теневого предпринимательства в период 2000–2020 гг. составлял до 4/5 всего малого предпринимательства в каждом муниципальном районе, как по численности занятых в этом людей, так и по объемам произведенной продукции (особенно, если дело касалось промыслов на природных ресурсах).

Сложность получения подобных оценок состоит, однако, в том, что большинство даже официально зарегистрированных малых (и индивидуальных) предпринимателей значительную часть своей продукции/услуг не «показывают» в финансовой отчетности и бывает неясно, ведет ли некий предприниматель свою деятельность открыто (с государственной отчетностью), или она почти вся в тени¹. В то же время в провинции гораздо легче, чем в крупных городах,

¹ «Ну вот смотри: каждый месяц я делаю 600 кубов пиломатериала, доска, рейка, брусок, вагонка... А отчитываюсь за 100... Но все 600 отправляю покупателям, в Закавказье...» (из интервью с предпринимателем-«лесником», хозяином пилорамы, ноябрь 2012 г., Костромская обл.).

заниматься предпринимательством полностью в тени, вообще не регистрируя свою деятельность, поскольку есть опора на реципрокные родственные и соседские связи и есть материальные условия (например, у многих домохозяйств имеется большая частная территория или «распределенные» хозяйственные постройки, которые даже не учтены в кадастре).

Особенности провинциальной «гаражной экономики» я попробую наглядно представить в сравнительном ключе, соотнеся ее с аналогичными «гаражными промыслами», зафиксированными моими коллегами в крупных городах [Селеев, Павлов, 2016, с. 36–37, табл. 3]. Я использовал их таблицу, в которой перечислены более 110 видов «гаражных промыслов», выявленных ими в 21 российском городе. На основе этой таблицы, используя и их классификацию, я составил приводимую ниже табл. 6.1, в которой отметил только те виды промыслов, которые были зафиксированы мной в провинциальных городах. Еще раз отмечу, что в большинстве своем эти промыслы имеют место только в административных центрах обществ «турбулентного» типа. Их масштабы несопоставимо малы по сравнению с «гаражной экономикой» в крупных городах. Но и этот вид практики имеется в провинции и ее надо отметить.

Не менее чем половина видов промыслов, выявленных С.С. Селеевым и А.Б. Павловым в крупных городах, имеет место и в провинциальных городах. Отсутствие тех или других промыслов обусловлено отсутствием в провинции заводских специализированных или высокотехнологических производств, следовательно, отсутствуют и специалисты, которые могут осуществлять аналогичные работы в частных гаражах. С другой стороны, есть виды производств, которые невозможно осуществлять в крупных городах. Это прежде всего касается добычи и переработки специфических природных ресурсов, недоступных в крупном городе. Все выявленные и указанные виды «гаражных промыслов» есть в значительной степени неформальная теневая или криминальная экономическая активность населения. Почти нигде она не находится «на свету», поэтому никак не зафиксирована в муниципальных отчетах.

Поверхностный взгляд на таблицу показывает, что непрофильное использование гаражей не по их основному назначению (хра-

Таблица 6.1. Виды промыслов, осуществляемых в частных гаражах и гаражных кооперативах

Вид промысла	Вид деятельности	Добыча	Обработка	Изготовление	Сбыт
Промыслы на природных ресурсах	Лесное хозяйство, охота		Изготовление охотничьих припасов. Мастерские по обработке дерева, шкур	Мастерские по изготовлению пиломатериалов	
	Рыболовство	Рыболовецкие базы. Лодочные станции, эллинги	Переработка рыбы и морепродуктов (сушка, копчение, консервы)	Выращивание рыбных приманок (мотыля)	Продажа рыбы, морепродуктов; продажа переработанной продукции
	Добыча местных полезных ископаемых	Пункты приема черного и цветного металлолома		Изготовление подлочных материалов (камни для бань)	Сбыт строительного камня, гравия и песка
Производство и переработка продукции на усадьбе		Голубятни, птичьи дворы, свинарники, конюшни	Переработка лекарственного и наркотического сырья (конопля, золотой и красный корень, женьшень, грибы)	Кустарное изготовление изделий из дерева и металла (игрушки, украшения для дома, детали бытовых приборов)	Сбыт самопальной алкогольной продукции (самогон, чача, арака, вино, брага, спирт)

Вид деятельности	Добыча	Обработка	Изготовление	Сбыт	
Вид промысла	Обработывающие производства	Инструментальные мастерские	Швейные, пуховые, меховые, сапожные мастерские		
	Строительство	Станки по обработке деревянных и металлических элементов конструкций	Производство мебели, дверей, окон, полов	Продажа строительных материалов (дерево, камень, щебень, песок)	
	Транспорт	Авторемонт, автосервис, мотосервис, велосервис, шиномонтаж	Изготовление, восстановление запчастей автомобилей, тракторов		
	Операции с недвижимым имуществом, аренда		Строительство гаражей для продажи		Жилые гаражи; клубы по интересам
	Услуги	Торговля	Мелкая расфасовка товара		Магазины, ларьки
Коммунальные услуги		Аргонная сварка, ремонт хозяйственного инструмента		Специфические релаксационные услуги	

нение автомобиля) все-таки связано с ремонтом инструментов и механизмов, с обработкой природных или технических продуктов, которые невозможно или опасно осуществлять в домашних условиях. Гаражи в провинции используются либо только по назначению, либо как сараи, кладовые или «рабочие дома». Использование в качестве производственных цехов редко. В целом «гаражная экономика» в провинции не диверсифицирована и не вышла за пределы решения транспортных и ремонтных задач. В гаражах хранят технику, делают ее ремонт и преимущественно осуществляют ту деятельность, которая непосредственно связана с транспортом, перевозками и оказанием транспортных услуг. И в этом отношении такая деятельность должна быть отнесена, по большому счету, к домашним промыслам.

Глава 7

АРХАИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА: ОТХОДНИЧЕСТВО

В российской провинции имеются и особые формы экономического поведения людей, практически полностью находящиеся в тени официальной статистики. Особый статус их заключается в том, что это архаические формы экономики, издревле существовавшие и давно позабытые, но спонтанно возобновившиеся в новых, переходных социально-политических условиях. Наш исследовательский коллектив является пионером выявления и описания двух таких форм. Это, во-первых, массовая сезонная возвратная трудовая миграция — отходничество¹. Во-вторых, это противоположная по охвату, сравнительно редкая, но в локальном масштабе также массовая экономическая активность на базе домохозяйств, технологически и финансово объединенных — «рассеянные мануфактуры». Обе эти экономические активности выявляются и бывают видны только при непосредственном наблюдении на месте. Во многих отношениях способы организации деятельности домохозяйств здесь противоположны, именно поэтому, по своей сути, они — взаимно дополняющие формы экономического поведения населения.

«Рассеянные мануфактуры» обнаружены и описаны нами [Кордонский, Плюснин, 2018] только в некоторых малых городах. Они возникают в тех местных обществах, где имеются уникальные производственные ресурсы и/или где люди обладают уникальными

¹ В данной главе я использую собственные материалы, представленные в следующих публикациях: [Плюснин, 2012; Плюснин и др., 2013; Plusnin et al., 2015]. В главе использован в основном текст моей статьи: *Плюснин Ю.М.* Российское отходничество: вехи многовековой истории // ЭКО. 2019. Т. 49. № 11. С. 94–115.

профессиональными умениями. Люди, занятые производством в «рассеянных мануфактурах», связаны между собой в единую технологическую цепочку и не покидают мест своего проживания, работая нередко непосредственно на собственном подворье или в своей квартире. Отходник, напротив, всегда покидает свой дом и ищет работу вдали от него, поскольку рынок труда отсутствует там, где он проживает. Большинство отходников — это жители сельской округи малых городов. Многие не имеют высокой квалификации и нанимаются на массовые низкооплачиваемые работы. Так что «рассеянные мануфактуры» и отход распространены в разных поселениях и разных общинах, требуют разной квалификации работников, разной организации трудовой деятельности, наконец, различного жизненного «модуса» и характера деятельности.

Совершенно очевидно, что массовое отходничество сельских жителей и «рассеянные мануфактуры» малых городов есть временное, преходящее явление. Возобновленные по необходимости в кризисных условиях, в скором времени первые из них могут просто сойти на нет, особенно в связи с распространением удаленной занятости, а вторые должны будут выродиться или, точнее, переродиться сначала в классические мануфактуры, а затем и в институты, более свойственные новому времени. В какие новые институты выльются архаические формы, где и как могут быть заняты работники этой гигантской «трудовой армии», неведомо. Но быть готовыми к такой пертурбации необходимо.

7.1. Специфика внутренней возвратной трудовой миграции

Российские отходники — специфическая группа трудовых мигрантов — внутренних временных (возвратных) самодельных или наемных работников. Среди них только незначительная часть есть сезонные, а также сельскохозяйственные работники. Эти российские трудовые мигранты отличны как от трансграничных возвратных циркулярных (циркуляторных), так и от сезонных сельских мигрантов, хорошо знакомых во многих государствах мира. Безусловно, отличны они и от наших гастарбайтеров. В России давно, три-четы-

ре века назад, возникло самоназвание таких «блуждающих» работников — «отходники». Именно этот термин до сих пор используют и они сами и, вслед за нами, некоторые российские ученые.

Основные признаки современного отходничества, которое, по сути, является особым видом самостоятельной промысловой активности населения, отличающие его от других видов трудовой миграции, аналогичны характеристикам несельскохозяйственного промышленного отходничества второй половины XIX — первой трети XX вв.:

- 1) провинция — источник отхода: направление его в основном из сельских районов и малых городов в столичные города и промышленные центры (хотя если ранее столичным центром притяжения был Санкт-Петербург, то нынче — Москва, а массовый сезонный отход был на юг, включая Малороссию и Кавказ, то теперь это Крайний Север, Арктика и Сибирь);
- 2) отходники и их семьи не намерены менять место постоянного жительства, поэтому фактор нежелания (и много реже — невозможности) покинуть родину ради работы является важнейшим условием перехода человека в статус отходника;
- 3) мотив трудовой миграции на стадии развитого отходничества чаще всего вызван не нуждой, а целью повышения благосостояния семьи;
- 4) важнейшим фактором в поиске работы является самостоятельность, самостоятельность: инициатива исходит от самого работника, он либо предлагает на рынке продукты своего труда (аналогично прежним кустарным промыслам, выступая в роли самозанятого работника-предпринимателя), либо нанимается на самые разные виды работ, большинство из которых не требует квалификации.

Такая форма возвратной трудовой миграции демонстрирует очень быстрый рост за последние 30 лет. С начала 1990-х годов и до начала 2020-х численность отходников возросла с нескольких тысяч до 15 млн и более. Вообще же я смею подозревать о 20 млн мужчин и женщин из русской провинции, занятых в наши дни отхожими промыслами вдали от своего дома. Быстрое развитие и численный рост

современного отходничества, а также значительная диверсификация видов деятельности, в которых заняты отходники, ставят проблему их экономического, политического и социального значения. С моей точки зрения, особенности трудового поведения и мотивации отходников и их социально-демографические характеристики делают отходничество новым важным фактором экономической и политической жизни России — пресловутым «новым опасным классом» — прекариатом [Стэндинг, 2014; Тощенко, 2018]. Однако роль отходников была немаловажной и в другие периоды истории России, в частности, есть основания видеть в отходниках один из существенных факторов социально-политических трансформаций столетней давности, поскольку эта значительная по численности группа российского крестьянства отличалась мобильностью [Минц, 1926] и высоким потенциалом модернизации [Андрюшин, 2012]. В последнем видятся причины и истоки русской революции 1905–1920 гг. (см. также: [Shanin, 1972; 1986]).

7.2. Отходничество в имперской России

Отходничество как явление было очень широко распространено в крестьянской среде имперской России второй половины XIX — первой трети XX вв.: от 1/2 до 3/4 всего мужского крестьянского населения нечерноземных центральных и северных губерний Европейской России каждый сезон, обычно зимой и ранней весной, отправлялось на заработки в соседние и дальние уезды, другие губернии, добираясь до самых окраин империи (необходимо отметить, что на Урале и в Сибири отход практически не был известен). Количество отходников быстро возрастало и уже к середине XIX в. отхожими промыслами занимались не менее 3–5 млн крестьян [Владимирский, 1927; Буркин, 1978]. А после 1860-х годов, сразу после реформы по освобождению крестьян от крепостной зависимости и с началом длительного периода экономического спада численность отходников возросла не менее чем вдвое [Весин, 1887; Смурова, 2003]. К концу 1920-х годов доля крестьян, отправлявшихся в отхожие промыслы, в губерниях основного отхода составляла до половины мужского

населения, а местами достигала 80–90% [Минц, 1929; Владимирский, 1927, с. 76–121]. Но на самом пике массовости этого явления, к 1930-м годам, оно исчезло из социально-экономической жизни страны на пять десятилетий (см.: [Гиндин, 1925, с. 38–40; Андрюшин, 2012]). И возродился отход как самостоятельная экономическая практика в первые же постсоветские годы, продемонстрировав в течение четверти века крайне быстрый рост (рис. 7.1). Между тем корни отходничества уходят в глубь веков на полтысячелетия.

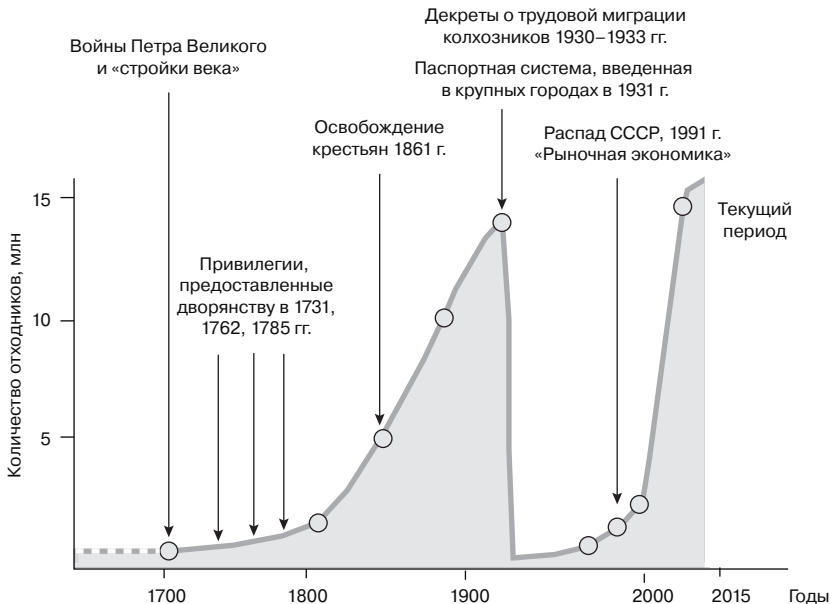

Рис. 7.1. Эволюция российского отходничества в имперский, советский и современный постсоветский периоды. Изменения численности отходников, начиная с конца XVII в. приводятся в соответствии с оценками различных авторов (численные значения оценок обозначены как точки на кривой). Стрелками отмечены основные события политической и экономической природы, повлиявшие на динамику отходничества (пояснения см. ниже в тексте)

Источник: [Plusnin et al., 2015, p. 51].

Предположительно, наиболее ощутимый, сильный толчок к развитию отхожих промыслов, определенно существовавших еще и в XVI–XVII вв. [Кулишер, 2004, с. 353–381, 415–424], дало населению само государство в начале XVIII в. массовым принудительным перемещением крестьян на петровские «великие стройки» (Санкт-Петербург и многие другие новые города, особенно приграничные) и великие же войны (начало рекрутского набора на 25 лет военной службы). Мнение о том, что толчок именно массовому отходничеству в России был дан реформами Петра Великого, «сдвинувшими» население страны в новую столицу и на рубежи государства, было общепринятым среди исследователей в XIX и в начале XX вв. Население, пожизненно прикрепленное к земле государством, общиной или помещиком, не может без веской причины покидать мест своего проживания. Отходничество как модель экономического поведения может сложиться лишь при наличии двух обязательных условий: в качестве предпосылки выступает относительное или полное закрепление человека и его семьи на земле, а в качестве движущей силы отходничества выступает невозможность прокорма семьи на месте, заставляющая искать сторонние источники средств к существованию. Невозможно прокормиться было на плотно заселенных уже к XVIII в., но на бедных нечерноземных территориях в центральной России или на слабо освоенных и еще более бедных лесных территориях северной России. Проживая на территориях с низкой продуктивностью сельскохозяйственных культур, имея небольшие земельные наделы, недостаточные для полноценного жизнеобеспечения семьи и — что немаловажно — вынужденные платить денежный оброк и государственные налоги², крестьяне поневоле отправляли часть членов семьи, обычно молодых мужчин и мальчиков, в отхожие промыслы в города. Этому дополнительно способствовали три фактора.

² На неразвитость системы налогообложения в императорской России обращали внимание исследователи, считая это одной из важных побудительных причин отходничества (например, [Владимирский, 1927; Burds, 1998; Водарский, Истомина, 2004]).

Государство, сельский мир и барин в разное время «осознали» сложившееся неразрешимое противоречие и предприняли соответствующие действия. Государство вывозит население на столичные «стройки века» или «тратит» на войнах, но в еще большей степени привлекает в качестве рабсилы на новые уральские и сибирские горные заводы и мануфактуры. Сельская община со все большей легкостью отпускает на промыслы в города отдельных своих умельцев для денежных заработков, что позволяет ей легче платить государственные налоги, избыток которых стал особенно чувствоваться именно в петровское правление. Помещик же уже к началу XIX в. начинает осознавать, что оброк ему много выгоднее барщины и с каждым годом начинает отпускать на промыслы все большее число крепостных, более того, начинает способствовать обучению их ремеслам. Так постепенно развивается отходничество, захватывая центральные и северные губернии Российской империи. В центральных губерниях мотиватором чаще выступает помещик, в северных — скудость урожаев, хотя в некоторых губерниях с равной силой действовали оба фактора, например во Владимирской, Костромской, Ярославской, Нижегородской областях. И именно эти территории всегда были основными источниками массового отхода [Владимирский, 1927; Смурова, 2003].

К началу XVIII в. численность отходников оценивалась примерно в 1 млн человек [Карышев, 1896]. По моим расчетам, это составляло более половины (!) всех взрослых крестьян-мужчин от 20 до 59 лет³, проживающих в сельской местности Европейской России в начале XVIII в. Я исхожу из довольно грубого предположения о неизменности половозрастного состава крестьянского населения (49% мужчин в популяции, из них 44% в возрасте 20–59 лет, то есть около 21–22% от всего населения) и доли крестьян (примерно 84–87%) в составе всего населения Европейской России. Здесь проживало 73% от всего населения империи, общая численность которого составляла

³ В отхожих промыслах мужчины старше 60 лет не участвуют, как в прежние времена, так и сейчас. И хотя до революции в отходе участвовало немало подростков и юношей, но их доля в составе всех отходников была невелика (хотя и неизвестна).

около 14 млн человек или менее к 1720-м годам (примерно 10,2 млн человек). Итого расчетная общая численность крестьян-мужчин в возрасте 20–59 лет на Европейской территории России составляла около 1,87–1,90 млн человек (ср.: [Кулишер, 2004, с. 191–195; Иванова, Желтова, 2010, с. 557–576]). И если около миллиона из них занимались отхожими промыслами в столицах и крупных городах [Кулишер, 2004, с. 353–380], то это значит, что в каждой русской деревне отсутствовала половина всех взрослых мужчин.

С начала XVIII в. и вплоть до середины XIX в. начинается скрытое развитие отходничества, предполагающее его последующий бурный рост. Рост этот сначала был стимулирован льготой помещикам собирать подушную подать с крепостных крестьян (1731 г.). Соответственно, они очень скоро осознали выгоду практики отпуска своих крепостных крестьян в отход. Спустя 30 лет рост отхода был подкреплен манифестом об «освобождении» помещиков от несения государственной и военной службы (Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 1762 г.), затем дополнительным подтверждением «свобод» («Жалованная грамота» 1785 г.), наконец, разрешением помещикам закладывать имения вместе с крестьянами (см.: [Jones, 1973; Иванова, Желтова, 2010, с. 119–131]). И только спустя 99 лет процесс завершился, наконец, «освободительными реформами» — Манифестом 1861 г. («О всемирней даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей»), хотя в крестьянской среде с самого начала «дворянских вольностей» существовало понимание значения этого акта и полная уверенность, что дарование свобод дворянам требует автоматического освобождения и крестьян от крепостной зависимости (см.: [Герцен, 1859; Миронов, 2003, с. 377–387]). Поэтому освобождение крестьян, подготовленное за столетие до того изменением статуса помещиков, вызвало быстрый переход значительной их части (особенно «надельных», которые получали слишком малые наделы, а также «выкупных», вплоть до 1881 г.) к занятиям отхожими промыслами.

Первоначально такая деятельность, вызванная исключительно острой нуждой, уже через три-четыре десятилетия, к 90-м годам XIX в., становится важнейшим фактором крестьянского благопо-

лучия. В немалой степени стимулированы были такие изменения и бурным промышленным ростом в России, начавшимся после длительного экономического кризиса 1860–1880-х годов [Суханов, 1913; Федоров, 2010], протекавшим одновременно с другими крупными государствами Европы в 1880–1913 гг. (см.: [Грегори, 2003; Григорьев, Морозкина, 2021]).

Имел значение также фактор перенаселенности сельской местности в Европейской России, обусловленной не емкостью угодий, а причинами агрокультурной неразвитости, вызванной сопротивлением новшествам со стороны крестьянской общины и незаинтересованностью самого крестьянина в повышении плодородия земли в условиях непрерывных земельных переделов [Миронов, 2003, с. 401–412; Давыдов, 2018, с. 33–44].

К первому десятилетию XX в. отходничество достигло пика своего развития, в немалой степени дополнительно стимулированное как столыпинскими реформами [Данилов, 1974], так и кооперативным движением в провинции, по принципу положительной обратной связи. Кооперация — во многом именно вследствие развития отходничества и стимулированного им развития кустарной промышленности — имела гигантские темпы и приняла в России 1920-х годов столь выдающиеся масштабы, что они значительно превосходили аналогичные процессы в Европе [Шанин, 2002].

Опираясь на достаточно точную статистику выдачи паспортов и билетов крестьянам в эти годы, можно оценить численность отходников примерно в 10–12 млн человек [Владимирский, 1927; Минц, 1926]. Используя тот же метод расчетов, но основываясь на более точных данных Всероссийской переписи 1897 г. и дополнительных данных о структуре населения за 1910 г., я оцениваю долю отходников в размере той же самой половины всех крестьян-мужчин Европейской России (47–56% от 21 млн 542 тыс. мужчин. в возрасте 20–59 лет, то есть 10–12 млн человек).

Надо еще иметь в виду, что отходничество было наиболее распространено в нечерноземных губерниях средней полосы и севера Европейской России, а в черноземных губерниях, на юге страны, оно встречалось реже и обычно носило сезонный земледельческий характер и вызывалось больше всего причинами малоземелья. Зем-

ледельческий отход заключался в найме на сельские поденные работы весной и осенью. Именно поэтому оценки авторов начала XX в. о почти поголовном отходе мужчин нечерноземных губерний не кажутся нереальными, поскольку именно примерно такой и была численность всех взрослых мужчин в составе населения нечерноземных губерний.

7.3. Короткая история отходничества в советский период

Необходимо отметить, что роль государства в отношении отходников на протяжении истории существенно менялась. Если в имперский период отходники в большей степени были предоставлены сначала сельскому миру или помещику, затем лишь общине, а позже себе, то в советский период за него плотно взялось государство. До отмены крепостного права отходники подчас были очень выгодны помещикам нечерноземных регионов: доходов они зачастую приносили больше, чем «бедная соха». Во многих губерниях земля для крестьян являлась неизбежным злом, поскольку дохода от нее практически никакого не было, а подати все равно приходилось уплачивать, но из стороннего заработка. Именно по этой причине «прибыльному» отходнику-крепостному было намного сложнее откупиться на волю, чем земледельцу или местному ремесленнику: для него стоимость получения «вольной» от помещика была выше в разы⁴.

Уже к концу XIX в. (а в 1920-х годах особенно) отходничество стало рассматриваться как явление, одновременно представляющее собой следствие аграрного перенаселения (то есть несоответствия между количеством рабочих рук в крестьянском хозяйстве и реальной возможностью их производительного использования) и как

⁴ Правда, и сельская община («мир») осознала выгодность ей таких ремесленных людей очень рано, поэтому выкупные платежи за умелого ремесленника, добычка денег на оплату общественных налогов и платежей, отличались в 5 и 10 раз сравнительно с таковыми за простого, не знающего особых ремесел крестьянина.

способ его преодоления [Минц, 1929; Суворов, 1968; Рындзинский, 1970; Шанин, 2002]. С одной стороны, отходничество воспринималось как явление прогрессивное, поскольку *«по своему социально-профессиональному облику крестьяне-отходники являлись прямым и непосредственным резервом рабочего класса страны»* [Андрюшин, 2012, с. 232]. С другой стороны, отходничество вызывало беспокойство Наркома труда, специальной задачей которого была борьба с безработицей в городах, а одним из источников безработицы как раз было массовое отходничество [Данилов, 1974]. Массовый приток сельского населения в города был столь интенсивный, что менее чем за полтора десятка лет, уже к 1930 г., численность горожан в стране увеличилась более чем вдвое. Этот *«наплыв был настолько мощным, что одной из официальных целей введенной в 1932 г. паспортной системы была “разгрузка городов”»* [Андрюшин, 2012, с. 205]. Поэтому паспорта вводились временно и первоначально только в четырех столичных городах — Москве, Ленинграде, Харькове и Киеве, поскольку именно эти города и испытывали наибольшие трудности в связи с двух-трехкратным ростом численности жителей. При этом хорошо известно, что именно Москва и Петроград незадолго до этого были основными акцепторами отходников из деревень. Поэтому рост численности населения столичных городов в 1920-х годах был обусловлен исключительно за счет отходников.

Попытки советского государства регулировать отходничество, во многом рассматривая его в русле развития кооперативного движения, вступили в противоречие с задачами индустриализации страны, и к началу 1930-х годов возникло беспокойство, вызванное недостаточностью масштабов отходничества для реализации промышленного развития страны. Поэтому впоследствии это явление инвентаризовали и институционализировали, изменив тем самым его суть (в том числе поменяв название *«отходник»* на *«сезонника»*) и превратив спонтанный отход в организованный государственный набор рабочей силы из деревень (яркие примеры того времени — стройки Донбасса, Кузбасса, Комсомольска-на-Амуре и многие другие, отраженные и в официальных идеологических текстах, в том числе в советских фильмах и песнях и в народном фольклоре). Для этого понадобилось несколько специальных постановлений прави-

тельства (Центрального исполнительного комитета, ЦИК, и Совета народных комиссаров, СНК) в 1930–1934 гг., регулирующих отходническую активность населения⁵. Вследствие этого отходничество очень скоро совершенно выпало из дискурса как явление современное и осталось только как явление историческое. Этому способствовали и события скоро наступившего военного времени.

В более поздние советские годы, в период с 1946 по 1991 г., отходничество существовало как глубоко маргинальное явление и в изрядно извращенных формах. Единственной формой, получившей некоторое одобрение власти, оказалась сезонная «вербовка» работников из трудоизбыточных районов в южных и западных советских республиках (Молдавия, Украина, Армения, Узбекистан, Киргизия) на лесоразработки в лесопункты в северные лесные области (Архангельскую, Карелию, Коми, Вологодскую, Костромскую, Пермскую) и в Сибирь, где постоянно не хватало рабочих рук. «Вербовка» в лесопункты началась с конца 1940-х годов и особенно интенсивной была в 1950-е годы. Поскольку «вербовка» охватывала преимущественно сельских жителей, работавших в колхозах и совхозах, а основные работы на лесозаготовках производятся зимой, то такая форма занятости приобрела характер сезонного труда колхозников с регулярным возвратом их домой для участия в летних сельскохозяйственных работах.

Однако очень скоро эта деятельность приобрела иные организационные формы. Колхозы и совхозы в южных республиках испытывали постоянную острую нехватку лесных материалов (пиломатериалов) для строительства, поэтому они быстро перехватили инициативу у государства и стали сами отправлять в лесопункты целые бригады колхозников, которые за зиму не только зарабатывали деньги для семьи, но и заготавливали пиломатериал, остродефицитный на юге, но уже для своего колхоза и односельчан. Одновременно теперь уже бывшие «вербованные», командированные колхозом,

⁵ Постановления Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров СССР от 16 марта 1930 г., от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве» и затем Постановление СНК СССР от 17 марта 1933 г. «О порядке отходничества из колхозов».

помимо заготовки леса, стали участвовать и в строительстве различных объектов в лесных поселках и селах. Позже, когда потребность в лесозаготовителях стала снижаться, к концу 1970-х, этот процесс «вышел из-под контроля», утратил организованный характер: «вербованные» стали создавать уже самостоятельные бригады лесозаготовителей и ездить в уже знакомые места самостоятельно, независимо от колхозов. Соответственно, с изменением сути отношений изменились и наименования: таких самостоятельных строителей стали называть «шабашниками», поскольку они самостоятельно находили для себя дополнительные виды заработка на стороне — «шабашку».

В 1980-е годы эта практика строительных бригад «молдаван», «армян», «узбеков» распространилась уже довольно широко и захватила не только северные европейские регионы, но и почти всю Сибирь и стала привлекать внимание исследователей, экономистов и социологов [Шабанова, 1986]. По сути, эти сезонные лесозаготовители зимой («вербованные») и, позже, строители летом («шабашники») были не вполне настоящими отходниками, поскольку не располагали всеми признаками именно этого вида трудовой миграции. «Вербованные» представляли собой работников, командированных хозяйством для выполнения работ, необходимых хозяйству, а не самому работнику, и в этом отношении они, хотя и отъезжали из дома на сезонные работы, не были самостоятельными и инициативными. «Шабашники» отправлялись на заработки не от нужды или необходимости, а ради дополнительного, временного и случайного приработка, такая работа не была для них регулярной (хотя некоторые из них, особенно бригадиры, были уже настоящими отходниками). Ни в общественном сознании, ни в сознании ученых (за немногими исключениями, см.: [Шабанова, 1986]) оба феномена не фиксировались как особый вид трудовой миграции, как отходничество.

Повторно, как новое массовое явление российской социально-экономической жизни, отходничество возродилось в начале 1990-х годов прошлого века [Шабанова, 1992]. После шока начала 1990-х, массово обратившего народ к такой архаической модели жизнеобеспечения, как самообеспечение продуктами питания (надо помнить, что в начале 1990-х расходы на питание достигали 90% бюд-

жета и сельской, и городской семьи), постепенно произошла реновация отходничества как одной из самых эффективных, а ныне и самой массовой промысловой практики населения. В начале 1990-х в качестве ответа на экономический беспорядок в стране начали быстро «становиться уклады» — возобновляться давно забытые модели жизнеобеспечения населения, принужденного к самостоятельному поиску средств выживания в условиях «рыночного эксперимента» начала 1990-х [Kirdina et al., 1996]. «Вспоминались» и реанимировались давно забытые архаические народные промыслы и первыми среди них были возврат к натуральному хозяйству и возрождение отхожих промыслов [Шабанова, 1992; Фадеева, 2015].

Причем началось новое отходничество не из своего исторического центра, из нечерноземных областей, а с окраин, из бывших союзных республик в центр — ведь именно здесь и проживали советские «отходники» 1990-х годов — «вербованные» и «шабашники», раньше других освоившие этот способ жизнеобеспечения. Лишь спустя какое-то время это центростремительное движение захватило и области центральной России, когда-то бывшие главными местами отхода. Поэтому по важнейшим признакам отходничество как российская внутренняя трудовая миграция неотличима от сезонной трудовой миграции на «постсоветском пространстве» в Россию из таких «новейших государств», как Украина, Молдавия, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан. Да и по природе своей эти, ныне трансграничные, а по сути внутристрановые (в пределах страны — Большой России) трудовые миграции родственны. Может быть, поэтому в отхожие промыслы ныне вовлечено не только население областей традиционного «старого отходничества», но почти всех постсоветских республик, а также и восточных, сибирских территорий России, чего ранее не бывало.

7.4. Два периода развития современного отходничества

Развитие современного российского отходничества, несмотря на непродолжительный срок — всего немногим более 30 лет — уже, как мне кажется, прошло два этапа. Первый, этап роста, характеризу-

вал собственно возникновение (точнее, возрождение) и нарастание массового отхода в малых городах европейской части страны. Второй, этап экспансии, заключается в смещении источников отхода «вглубь» и «вширь».

Важнейшей особенностью первого этапа было быстрое возобновление отходничества в малых городах, преимущественно в тех же областях, что и в имперские времена. Этот процесс в середине 1990-х годов был инициирован действием двух факторов. Первый — это отсутствие рынка труда именно в малых городах вследствие «схлопывания» всякого производства в них, остановка и банкротство в начале 1990-х крупных и малых государственных предприятий, бывших в каждом малом городе и районе и исполнявших функции градообразующих предприятий, позволявших закреплять население на местах. В советские годы это сильно снижало мобильность рабочей силы. Вследствие этого в начале и середине 1990-х считалось, что внутрорегиональных рынков труда практически нет, а сами трудовые миграции совершенно неразвиты, поскольку российский рынок труда развивался по иной, чем в других европейских странах, модели — адаптационной [Капелюшников, 2001].

Внезапное отсутствие работы и, соответственно, средств к существованию сразу у многих семей в малых городах и рабочих поселках усугублялось неразвитостью или даже полным отсутствием придомового подсобного хозяйства, которое в то время позволяло сельским семьям много легче пережить развал колхозов и совхозов. В частности, в середине 1990-х годов в провинции до половины и более всех детей-школьников питались в основном в школе, потому что дома было нечего есть. Данный факт имел такие широкие масштабы, что даже не рассматривался как общественная катастрофа — это была повседневность (см.: [Плюснин, 1997 а или б?]). Именно это безысходное положение городских семей, оставшихся без работы и не имеющих хозяйства, заставило людей спешно искать новые источники жизнеобеспечения, среди которых отхожий промысел с каждым годом — по мере развития рынка труда в областных и столичных городах — становился все более массовым источником доходов.

Но если этот первый фактор явился движущей силой отхода, второй — отсутствие возможности переселиться ближе к месту работы в силу общеизвестных особенностей нашей жилищной системы, именно привязки семей работников к государственным квартирам, которые нельзя было продать и с большими трудностями — «разменять» на квартиру в другой регион, стал как раз фактором, определившим специфику трудовой миграции в форме отходничества. Условием массового возрождения отходничества выступила нынче иная, чем прежде, форма «закрепощения» населения — «квартирная крепость», отсутствие массового арендного жилья и доступной ипотеки, препятствующее легкой и быстрой смене места жительства. Эта форма «крепости» и сейчас немало влияет на характер современного отходничества. Без «прикрепленности» к квартире современное отходничество не приобрело бы нынешних масштабов. Советские люди были достаточно подготовлены к вынужденной смене места жительства. Но для большинства семей издержки переезда на новое постоянное место жительства оказались много выше издержек, связанных с хоть и длительной, но временной отлучкой взрослого члена семьи.

Так формировался первый этап развития современного отходничества: он был спонтанен, вызван нуждой, захватил преимущественно население малых городов, оказавшихся в «тисках» между крупным городом, где всегда имелись возможности заработка, и деревней, где всегда имелись источники самообеспечения продуктами питания. Ни того, ни другого у малого города в 1990-х годах не было.

Надо отметить, что на этом первом этапе базу отходников составляли профессионалы-строители, плотники, столяры, водители, механики, инженеры — все те, кто, выходя на рынок самостоятельно, предлагал свои умения и продукты своего труда. В то трудное время, в 1990-е, в промышленных центрах и даже столицах востребованность работников в сфере материального производства была еще много выше, чем в сфере услуг (по моим данным, к середине 1990-х в провинции доля работников в этом сегменте экономики составляла до 54% и более, тогда как к концу 2000-х годов сократилась

до менее чем 20%, значительная часть работников стала востребована в сфере услуг, доля которой возросла к этому времени до 60–70%). К концу описываемого первого этапа численность отходников всего за десятилетие возросла до 7–10 млн человек, что составило от 18 до 26% мужчин трудоспособного возраста.

Второй этап — распространение отходничества «вглубь» — из малого города в его сельскую округу, и «вширь» — распространение на восток страны, за Урал, в Сибирь. Кроме того, отход перестает быть исключительно мужским делом: в течение последнего десятилетия быстро возрастает доля женщин-отходников. Новое направление развития отходничества складывается с начала 2000-х годов, протекает на наших глазах и характеризуется прежде всего быстрым смещением источника отхода из районного центра в сельскую округу. Вызвано это, по-видимому, экономической стабилизацией и ростом 2000-х годов, которые привели к тому, что во многих малых городах были восстановлены прежние предприятия и возникли новые. Помимо новых рабочих мест, вернувших часть отходников домой, в структуре занятости населения произошли и другие интересные изменения, в частности связанные с «доставлением вертикали власти до уездного уровня», осуществленным в первые два срока президентства В.В. Путина, особенно начиная с марта 2004 г. В результате в районных центрах значительно увеличилось число бюджетников, в том числе служащих регионального и федерального уровней государственной власти.

Эти две причины — рост местного производства и развитие бюджетной сферы — худо-бедно, но стали способствовать снижению масштабов отходничества в малых городах, центрах местных обществ. Часть отходников, жители районных центров, просто перешли в местную экономику. Но тропа-то уже была проторена и «свято место пусто не бывает»: рабочие места, оставленные в столицах отходниками из малых городов, заместились их подельниками из деревень. Если раньше безработные мужчины из деревни искали заработок в своем районном центре, то теперь все большее их число путями, указанными им их коллегами из райцентров, уезжает в Город (с большой буквы, то есть в областной центр) или в Москву и

Подмосковье и там добывают средства для жизни. Мода на отходничество проникает все глубже на периферию.

Несколько особняком стоит процесс сдвига отходничества на восток страны, который по времени шел вслед за сдвигом отхода в сельскую местность на западе России, но не обусловлен действием одних и тех же факторов. В имперские времена отходничество (за исключением гужевого извоза на дальние расстояния) было совершенно чуждо богатым и обеспеченным ресурсами селам и городам Сибири. Хотя имеет место и иная точка зрения (например, [Ремнев, Суворова, 2010]), но все же основную численность отходников в Сибири составляли китайцы [Дятлов, Григоричев, 2013]. Население Сибири, вплоть до 1930-х годов XX в., не нуждалось в поиске дополнительных заработков, будучи немногочисленным, питаясь от плодородных земель и имея достаточные денежные средства от охоты, рыболовства, скотоводства, лесозаготовок, добычи драгоценных металлов и многих иных промыслов. Ну а после 1930-х годов про отходничество в Сибири никто и не знал, хотя именно сюда направлялись многие отряды лесозаготовителей-«вербованных» и строителей-«шабашников» из южных и западных республик страны. Нынче же факты явно го отходничества открываются в Сибири повсеместно.

Но структурно, насколько я могу судить, опираясь на мои наблюдения, отходничество в Сибири отличается от европейского следующими существенными деталями. Во-первых, не замечено сколь-нибудь массово население городов; в основном в отход идут жители рабочих поселков и деревень. Правда, в последние годы в отхожие промыслы стали массово уходить жители монопрофильных поселений. Во-вторых, отходничество здесь как бы «смыкается» с вахтовой формой трудовой миграции. Люди нанимаются на стройки и предприятия, прииски и рудники, на рыболовецкие суда, откликаясь на официальные объявления. Но в отличие от вахтовых наборов, делают они это самостоятельно, и бригады комплектуют также своими силами, нередко вступая во взаимодействие с работодателем на уровне артели, а не отдельного работника.

Третьей важной особенностью второго этапа развития отходничества является возрастание доли женщин. Если в 1990-е годы женщины практически не шли в отход, то к середине 2010-х их числен-

ность стала резко возрастать. Отходницы — в основном женщины старших возрастов (40–50 лет и старше), вырастившие детей и имеющие возможность оставить семью на две недели-месяц или даже год, чтобы уехать в столичные города. Значительная часть женщин занята в сфере услуг (продавцы, торговки, уборщицы, домашняя прислуга, консьержки) или социального воспроизводства (медсестры, няни, учителя). Однако все чаще они нанимаются и на фабрики и заводы; возрастает поток женщин и на северные вахты.

7.5. Состав современных отходников

Естественно, что современные отходники далеко не всегда сами предлагают продукты своего труда на рынке, как это было раньше, когда значительная часть отходников были кустарями и выходили на рынок со своими изделиями. Объем кустарных промыслов, продукты которых использовались в отходе, составлял очень значительную долю. Многие, если не все, крестьяне-кустари были одновременно и отходниками. Доходы же от промыслов составляли до половины и более бюджета подавляющего большинства крестьянских хозяйств. В целом, по некоторым оценкам [Карышев, 1896; Деларов, 1928], условно-чистый доход крестьянского хозяйства в нечерноземных районах Европейской России более чем на четверть формировался за счет промыслов.

Сейчас такими отходниками, предлагающими собственную продукцию на рынке, можно считать немногих, например, плотников, изготавливающих срубы домов и других деревянных построек для обильного рынка Подмоскovie и областных городов. А часть кустарного ранее производства бытовых предметов, необходимых в повседневной жизни, но производимых отходниками, переместилась теперь в иной формат — так называемый «этно-формат». Большинство современных отходников нанимаются в промышленность, строительство и на транспорт, а также в охрану, торговлю, услуги и в прислугу. В этом отношении содержание деятельности отходника изменилось по сравнению с имперскими временами: отходник стал больше наемным работником, чем индивидуальным предпринимателем (кустарем).

Основные виды занятий современных отходников весьма многочисленны; опрос более 1,5 тыс. человек позволил нам зафиксировать не более полутора десятков видов деятельности, тогда как столетие назад в каждом крупном селе можно было насчитать до полусотни самых разных видов отхожих профессий [Владимирский, 1927]. Сейчас же это преимущественно строительство, транспорт, дальний извоз, бытовые услуги (различные виды коммунальных услуг, сопряженные со строительством, уборка придомовых территорий), торговля (как лоточная на городских рынках, так и в супермаркетах). Популярен у отходников охранный «бизнес»: многочисленная армия охранников в офисах и на предприятиях крупных городов состоит почти исключительно из отходников. Наём на крупные предприятия для производства самых разных видов работ осуществляется организованными группами, бригадами, составленными из знакомых и родственников (артельный принцип). Как правило, такие бригады выполняют вспомогательные, черные виды работ. В большинстве своем трудоустройство неофициальное.

Характерной чертой второго этапа развития отходничества является его диверсификация. Среди отходников мы видим не только плотников-строителей или других квалифицированных работников, но и множество людей низкой квалификации или работающих на рабочих местах, не требующих квалификации. Значительно возросшая в крупных городах потребность в рабочих руках в сфере услуг и социального воспроизводства привела сюда жителей провинции в качестве уборщиков и нянь, гувернанток и продавщиц, даже медицинских работников и учителей. В сфере услуг меньше отходников, занятых квалифицированным трудом. В разнообразных сегментах сферы услуг занято, возможно, более 5 млн человек. Реально же учесть численность этой разношерстной когорты пока совершенно невозможно.

По нашим весьма грубым оценкам, основу которых составляют данные о численности трудоспособного мужского населения российской провинции (около 20–23 млн человек) и выборочные данные о доле населения, не занятого в местной экономике (которая варьирует от 15 до 47% и более), отходниками в России на 2015 г. были около 10–15 млн человек [Plusnin et al., 2015, p. 85–98]; сейчас, скорее

всего, их больше (ведь Сибирь пошла в отход). Из примерно 44 млн мужчин трудоспособного возраста доля отходников составляет до 1/3 и более — то есть и в наши дни, как и два-три века назад, отхожие промыслы — наиболее массовая форма занятости населения.

По характеру основных занятий современные отходники могут быть поделены на четыре категории: (1) квалифицированные плотники-строители, промышленные рабочие и инженеры (вахтовики), (2) неквалифицированные (как правило) работники в сфере услуг; (3) охранники, среди которых большинство неквалифицированные, (4) водители-дальнобойщики. Кроме этих, есть еще несколько категорий.

Доля квалифицированных отходников относительно невелика в их общей массе, поскольку такие работники могут найти работу по профессии и дома. Они становятся отходниками по нескольким основным причинам. Прежде всего потому, что в их регионе может отсутствовать или быть недостаточной потребность в товарах и услугах, которые они предлагают. Такова ситуация, например, с предпринимателями-строителями, изготавливающими деревянные дома. Изготовление конструкции осуществляется на домашней площадке, а строительство — уже на площадке заказчика, обычно в предместьях крупного города.

Другой, весьма нынче нередкой, причиной является закрытие специализированного производства на домашней территории (завода, рудника, шахты, горно-обогатительного комбината и т.п.). Здесь всегда работают высококлассные специалисты, но узкого профиля. В результате, чтобы не терять квалификацию, они вынуждены искать аналогичное производство на стороне и отправляются в отход на длительные сроки, обычно на год, оставляя семью дома. Такова ситуация, например, в местном обществе Алагир в Северной Осетии, в самом городе и в поселках Мизер и Бурон, расположенных к югу в узком Алагирском ущелье. После вынужденного закрытия комбината по добыче и обогащению свинцово-цинковых руд многие специалисты стали ездить на вахты в Норильск, Красноярский край, за 7 тыс. км от своего дома. Наиболее частая причина перехода квалифицированного специалиста, техника или инженера, водителя спецтехники и проч. в категорию отходника заключается в

существенно более высокой оплате его труда на вахте сравнительно с условиями дома.

Очень многочисленна и разнообразна категория отходников, занятых в сфере услуг, от торговли, услуг такси, извоза и домашней прислуги до социально значимых профессий няни, воспитателя, учителя, медсестры, врача. В этой сфере теперь довольно велика численность женщин-отходниц, большинство из них — это жительницы удаленных деревень или бывшие советские граждане из новых государств: Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Молдавии и Украины. Значительная часть отходников этой категории выезжают к местам работы на длительные сроки — от нескольких месяцев до года, — поскольку проживают далеко и не имеют домашнего хозяйства.

Но особенно велики по численности две профессионально компактные группы отходников: охранники и дальнобойщики. Охранники сейчас считаются обязательными не только в многочисленных фирмах, торговых центрах, учреждениях, но и во дворе любого многоэтажного дома. Численность этих людей превосходит число заборов, которыми покрылась вся территория любого крупного города в России. По грубым оценкам, охранников в стране более 3 млн. Почти все они — жители провинции из окружающих столицу областей, ездят двухнедельными вахтами на расстояние до 500–700 км от места жительства.

Отходники-дальнобойщики — категория работников, которая стала еще одним важным элементом второго этапа развития современного российского отходничества. Как и в имперские времена, в России вновь наблюдается быстрое развитие извоза на дальние расстояния — только теперь это «дальнобой». Российский «дальнобой» складывался в 1990-е годы, а в начале 2000-х получил очень интенсивное развитие, до сих пор еще недостаточно оцененное (см., например, результаты полевых исследований Г.А. Сталинова [Сталинов, 2023]).

Вероятно, основной причиной такого роста дальних перевозок грузов явилось «закручивание нормативных гаек», нарастание сбоев в обеспечении перевозок и непомерное повышение тарифов российским железнодорожным монополистом — ОАО «Российские

железные дороги». В настоящее время «дальнобой» — это многомиллионная, хорошо укомплектованная кадрами, обеспеченная техникой и связью, организованная армия перевозчиков. Только по самым приблизительным оценкам, численность дальнобойщиков составляет от 3 до 5 млн человек. Еще 5–10 лет назад не менее половины из них были индивидуальными предпринимателями, работающими автономно, на свой страх и риск, на собственных автомобилях (которые часто сами же и обслуживали), самостоятельно находившими грузоотправителей. Другую половину составляли те, кто нанимался водителем в многочисленные теперь фирмы-перевозчики, получал автомобиль и занят был только перевозкой грузов, обслуживание же автомобилей обеспечивали специализированные бригады слесарей, а ведением по трассе занимались столь же специальные технические команды. Но и те и другие дальнобойщики используют в своей работе уже сложившуюся и развитую систему диспетчерского обслуживания, которая, вероятно, уже становится единой.

Развитие частной диспетчерской службы еще больше способствовало сплочению дальнобойщиков и усилило их профессиональную замкнутость. Заказы на перевозки перестали быть случайными. Тенденция развития автоперевозок последнего десятилетия в России идет в общем русле, хорошо известном на примере Североамериканских Штатов — далеко не добровольной организации независимых водителей в мелкие и крупные транспортные компании [Wyskoff, 1979]. В последние годы частные индивидуальные перевозчики становятся все большей редкостью [Сталинов, 2024].

7.6. Характерные черты современного отходника

Факт, заслуживающий особого внимания, — высокая степень консервативности видов отхожих промыслов в традиционных отходнических территориях. Современные отходники «вспомнили» не только дедовы промыслы, они «вспомнили» и воспроизвели и основные профессии, бывшие характерными для этих мест 100 и более лет назад. Так, отходники Макарьева, Кологрива, Чухломы и Солигалича в Костромской области основным видом отхожего промысла выбрали

строительство деревянных домов (изготовление и перевоз срубов для домов и бань на дачи городских жителей), а жители Темникова, Ардатова, Алатыря, Касимова в Мордовии и Рязанской области, ранее нанимавшиеся чернорабочими, поденщиками, бурлаками, теперь в большинстве своем нанимаются охранниками и в торговлю. Жители Любима в Ярославской области, ранее бывшие *половыми* во всех кабаках и ресторанах Петербурга, и теперь все заняты в этой же сфере услуг и в том же самом городе.

Направления отхода нынче немного иные, чем столетие назад, но если учесть фактор изменений административно-территориального деления страны, то придется признать, что и по направлениям отхода консервативность отходников велика. Если 100–200 лет назад Заволжье (губернии к северу от реки Волги и к западу от реки Камы) «тянуло» преимущественно в Петербург, то сейчас — в Москву. Но в обоих случаях — в столицу. То же и с областными городами: при смене областного центра соответственно меняется и направление отхода из районных городов. Если раньше мордовские отходники из Темникова и Ардатова ехали в Нижний Новгород, Москву и Пензу, то нынче — также в Нижний, Москву и Сызрань, поскольку теперь Сызрань, а не Пенза есть главный город их региона.

География отходничества расширилась, но не радикально. И в XIX в. ехали из Каргополя и Великого Устюга в Кронштадт и в Тифлис, в Грузию, наниматься в прислуги и дворники. И сейчас едут из Касимова в Якутию добывать алмазы, из Торопца и Кашина (Тверская область) в Краснодар убирать свеклу и виноград. Поскольку скорости перемещения за столетие выросли на порядок, то и сами перемещения отходников стали более частыми и дальними. Теперь при расстояниях от 100 до 600–700 км ездят и на неделю-две, а не как раньше — на полгода-год. Но в структурном отношении география отходничества осталась, вероятно, прежней. Как и ранее, до половины всех отходников далеко не забираются, а ищут приработок в окрестностях 200–300 км от дома. На расстояния до 500–800 км (в наше время это соответствует перемещению на поезде или автомашине в течение примерно полусуток) уезжают не менее 3/4 всех отходников, а на более дальние расстояния, когда время на дорогу начинает составлять существенную долю рабочего времени (более

1/10), уезжают уже лишь около $\frac{1}{4}$ отходников. Люди весьма детально и точно просчитывают экономические составляющие своей трудовой деятельности — и не только временные затраты, но и долю заработка, приносимую в хозяйство.

Мы попытались посчитать, что остается в карманах отходника. Сколько денег он зарабатывает и привозит домой? Приведу данные на середину 2010-х годов [Plusnin et al., 2015, p. 151–163]. Они почти не изменились спустя 10 лет, размеры доходов даже несколько уменьшились. Вопреки распространенным представлениям отходник в среднем не довозит «большие тыщи» до дому. Заработок на стороне сильно зависит от квалификации и вида деятельности. Строители-плотники за сезон зарабатывают до полумиллиона рублей. Работающие в промышленности, на транспорте и строительстве зарабатывают поменьше — от 20 до 50 тыс. руб. в месяц, но они работают почти круглый год и их доход составляет до 200–700 тыс. руб. в год. Менее квалифицированные отходники зарабатывают до 20–25 тыс. руб., а охранники — до 15 тыс. в месяц. На круг получается 300–500 тыс. руб. в год у квалифицированного отходника и 150–250 тыс. — у неквалифицированного. Этот заработок в среднем выше, чем если бы человек работал в своем городе, где жалование бюджетника не превышает 150–200 тыс. руб. в год, а зарплата продавщицы — повсеместно не более 100 тыс.

Так что отходником сейчас быть выгодно. Правда, высококвалифицированным отходником, и то в сравнении со своими соседями-бюджетниками. Потому что если вычесть расходы, которые отходник принужден нести во время работы, то в итоге получится не столь уж великая сумма. По нашим данным, несмотря на обычно крайне плохие условия жизни отходника на месте его работы, за исключением «северов», несмотря на его стремление максимально сэкономить заработанное и привезти больше денег домой, все-таки при среднем заработке в 25–40 тыс. руб. в месяц он вынужден потратить около 5–15 тыс. руб. в месяц на свое проживание в городе. Так что домой привозит отходник не 50–70 тыс., как говорит, а обычно не более 20–25 тыс. ежемесячно. Однако надо иметь в виду, что есть немалая группа высококвалифицированных отходников с заработками выше 70–100 тыс. рублей в месяц. Они заняты на вахтах

Крайнего Севера, Арктики, Сибири — от Мурманска до Индиги, от Сабетты до Тикси, от Уренгоя до Сахалина. Их вахты продолжительны — от двух месяцев до года и дольше. Все они заняты на новых нефтяных и газовых месторождениях, на строительстве трубопроводов и железных дорог, портов и платформ, на рыболовецких судах. Эта категория работников редка в малых городах, их почти нет в селе. В основном это жители средних и крупных городов.

Дома у отходника семья, хозяйство и соседи. И потратить заработанное он собирается на детей, на дом, на хозяйство и на отдых. Вот на эти четыре основные статьи необходимых и престижных расходов и тратят всё заработанное отходники. Структура расходов в семьях отходников может сильно отличаться от таковой в семьях их соседей бюджетников или пенсионеров. Поскольку по этому признаку отходники выделяются среди своих соседей, это несколько способствует развитию зависти и недоброжелательного отношения к ним. В целом же отношения с соседями у отходников обычные, добрые; соседи давно поняли, насколько труд отходника тяжел, зависть их переложена жалостью. Да и престижного потребления в семьях отходника соседям не видно, воочию завидовать нечему.

А вот реальный общественный статус отходника не составляет предмета зависти соседей. Отходник в местном обществе часто не располагает многими ресурсами, к которым допущен бюджетник, особенно бюджетник на государственной службе (чиновник). Причина этого видится нам в «удаленности от государства» людей с таким образом жизни [Плюснин, 2016]. Ни местная муниципальная власть, ни тем более государственная, не «видят» этих людей ни в качестве трудовых ресурсов, ни в качестве объекта для попечения, достойного общественных льгот. Значительная часть отходников не регистрируют свою деятельность, оказывают услуги, минуя государство. Плоды их труда государство не вкушает. Их перемещения по городам и регионам не могут быть прослежены. Они неконтролируемы и не «прописаны».

Если же исходить из нашего предположения [Plusnin et al., 2015, p. 92–94], что едва ли не 2/5 всех российских семей участвуют в отхожих промыслах, то объем невидимой для государства (и потому теневой) производящей деятельности такой массы людей представ-

ляется огромным, что и фиксируется многими социологическими и экономическими исследованиями [Радаев, 1999; Барсукова, 2003б; 2004; 2015; Barsukova, Radaev, 2012; Гимпельсон, Капелюшников, 2006; 2014].

Но так ли нужен государству этот «огромный невидимка»? Он, почти исключенный из социальных государственных программ, находящийся вне государственного контроля экономики, исключен и из политической деятельности. Хотя отходники и участвуют в «электоральном процессе», они по большому счету неинтересны федеральной власти, как не важные политические субъекты. Отходник слишком в стороне и от местной власти. Он полезен ей только лишь тем, может быть, что находится в составе постоянного населения на муниципальной территории и на его душу разверстывается доля дотаций и субсидий, получаемых местной администрацией для обустройства вверенной территории. Вот этим «душевым паем», как учетная демографическая единица, только и полезен отходник. Он, правда, говорят, привозит много денег и тем самым вроде бы стимулирует экономику района, повышая покупательную способность населения. Это обычно единственный аргумент в пользу отходника. Важно ли это для местной администрации?

7.7. Отходничество как новый экономический и политический фактор⁶

Как видим, сезонный несельскохозяйственный отход провинциальных жителей в поисках работы в крупные города нашей страны — очень давняя практика, существующая не менее 400–500 лет. Чрезвычайная распространенность, массовость и разнообразие форм такого экономического поведения позволяют считать его основным способом экономической самоорганизации населения и базовой моделью жизнеобеспечения, наряду и вместе с частным подсобным хозяйством. Однако, в отличие от этого последнего, отходничество создает социально-политические риски, оказываясь ведущим условием нарастания социальной напряженности. Так случилось в Рос-

⁶ Текст параграфа основывается на моей статье [Плюснин, 2016].

сийской империи на рубеже XIX–XX вв.; риски были преодолены большими жертвами и усилиями, только с помощью проектов тотальной индустриализации и коллективизации.

В начале XXI в., в наши дни, отходничество приобрело столь же массовый характер, как и 100 лет назад. Но если прежде за спиной отходника было его натуральное хозяйство, то теперь отхожий промысел стал основным, если не единственным источником дохода семьи для очень многих людей. При этом преимущественно наемный и неформальный характер отходнических промыслов и отсутствие государственных социальных гарантий для подавляющего большинства отходников переводят их в статус «прекариата». А этому «новому классу» снова есть за что бороться.

Значение отходничества как нового экономического фактора определяется, по моему мнению, следующими признаками:

- 1) преимущественно теневая неформальная занятость;
- 2) диверсификация видов деятельности;
- 3) большая численность работников;
- 4) значительный объем производства;
- 5) скрытое малое предпринимательство.

Рассмотрим каждый пункт отдельно.

1. Теневая неформальная занятость. Более половины всех опрошенных нами отходников заняты в неформальном секторе экономики. Неофициальность трудоустройства ярче выражена в северных городах Европейской России, где многие отходники являются самостоятельными предпринимателями. Наемные работники на столичных предприятиях и на северных и сибирских вахтах имеют официальное трудоустройство, хотя в сфере услуг и здесь неформальная занятость велика. Это обстоятельство создает хорошо известные проблемы, во-первых, с налоговыми неплатежами, которые приобрели в России угрожающие масштабы, причем доля участия отходников здесь может быть основной. Во-вторых, проблемы социального обеспечения в силу слабой социальной защищенности работников или, нередко, ее полного отсутствия. В-третьих, отходники зачастую не являются получателями услуг в рамках государственной социальной политики.

2. *Диверсификация видов деятельности.* Начиная с первой трети 1990-х годов отходнической деятельностью охватывается все большее количество сфер экономики. К середине 2010-х отходники присутствуют практически во всех сферах экономической деятельности, особенно на транспорте (дальний извоз и внутригородские услуги), всех видах услуг (прежде всего в торговле, охране и предоставлении частных услуг), в строительстве (промышленном, жилищном, особенно частном), промышленном и аграрном производстве, а также в социальном воспроизводстве: в образовании, здравоохранении, на муниципальной службе, в банковской и финансовой сфере. Диверсификация и массовое присутствие отходников во всех сферах экономики меняет экономическую мотивацию, внеэкономическое поведение (структура отдыха и досуга) и характер взаимодействия людей, представителей разных культурных и этнотерриториальных традиций.

3. *Большая численность работников.* Численность отходников в течение последних 30 лет быстро возростала — с нескольких (неизвестно скольких) тысяч «шабашников» и менее чем 1 млн возвратных трудовых мигрантов в крупнейших городах страны до 15 и даже 20 млн таких работников в столичных и региональных агломерациях и во всех областных центрах, повсеместно «на северах», в Сибири и на Крайнем Севере. Отход захватил не только все малые города (как в 1990-х годах), но и небольшие сельские поселения, захватил юг и север, запад и восток России. Дальнейшее нарастание численности отходников ограничено демографическим потенциалом сельских территорий: почти половина, — а нередко и больше, — всех трудоспособных мужчин в провинции заняты отхожими промыслами. Но расширяющееся в последние годы участие в отходе деревенских женщин заставляет прогнозировать дальнейший рост численности этой категории трудовых мигрантов. Между тем следует учесть нынешние геополитические риски: в условиях перехода страны к состоянию мобилизационной экономики и в чрезвычайных условиях отходничество может быстро сойти на нет хотя бы временно. Потребность в работниках на предприятиях военно-промышленного комплекса, в контрактниках для участия в боевых действиях, безус-

ловно, приведет к снижению численности неформально занятых и самозанятых, хотя бы по причине разного уровня оплаты труда.

4. *Значительный объем производства.* Предполагаю, что доля производимой отходниками продукции и услуг в теневом сегменте экономики — в так называемой «гаражной экономике» и в «рассеянных мануфактурах» — очень высока и значительно превосходит существующие официальные оценки. Это больше, чем четверть валового национального продукта, по данным Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации; вполне вероятно, что больше и половины ВВП. В «гаражной экономике» производится множество видов как конечной товарной продукции (от платков и шуб до автомобилей), так и комплектующих (кустарно производятся не только простейшие элементы и детали, но, как оказалось, даже компоненты для атомной и космической промышленности). Это заставляет предполагать, что реальный, с учетом теневого сегмента, объем произведенной в стране продукции с участием отходников значительно выше официально фиксируемых значений.

5. *Скрытое малое предпринимательство.* Значительное число активных жителей малых городов и сел вынуждены были стать отходниками, хотя с большим предпочтением занялись бы развитием малого предпринимательства у себя дома. Многие же отходники в действительности являются мелкими предпринимателями, однако не регистрируют свой бизнес. По нашим оценкам, повсеместно в сельских районах и малых городах на каждого зарегистрированного индивидуального предпринимателя или на каждое малое предприятие приходится от 5 до 10 незарегистрированных, но реально действующих. Чрезмерное количество проверок и отчетностей, избыточное государственное регулирование бизнеса, вкупе с неисполнением органами власти взятых на себя обязательств, становятся непреодолимым препятствием для малого бизнеса, что провоцирует людей либо уйти в тень, либо отказаться от его ведения и перейти в статус отходника и продолжать заниматься своим промыслом уже на других территориях, с отсутствием контроля и регулирования. Наблюдающееся в последние годы резкое снижение доли «нового предпринимательства» может быть объяснено ростом отходнических практик. Альтернативой ведению бизнеса дома ста-

новится отходничество, которое приносит больше доходов и позволяет избежать взаимодействия с государственными и муниципальными структурами.

Значение отходничества как нового политического фактора определяется, по моему мнению, несколькими признаками, это:

- 6) высокий уровень квалификации;
- 7) образованность и политическая «подкованность»;
- 8) организованность многих профессиональных групп отходников;
- 9) массовость;
- 10) деструктивная социально-культурная активность.

Рассмотрим каждый пункт специально.

6. *Высокий уровень квалификации.* Значительная часть отходников (среди мужчин до 2/3 и более) — квалифицированные работники со средним специальным и, реже, высшим образованием, при этом многие из них заняты на работах, не требующих никакой квалификации. Такое положение создает ситуацию необоснованного расходования государственных средств на профессиональное образование и утрату социального капитала в силу неэффективного использования рабочей силы. Однако в новых условиях это становится фактором позитивным: немалое число отходников готовы будут перейти в сферу официальной занятости на предприятия ВПК.

7. *Образованность и политическая «подкованность».* Помимо высокого уровня квалификации, среди отходников немало людей с высоким уровнем образования, обладающих критическим мышлением и имеющих вполне сложившиеся определенные политические установки. Между тем, по результатам моих исследований в 1990-х годах скрытой социальной напряженности, именно образованные квалифицированные работники-мужчины среднего возраста представляют наиболее активную и организованную категорию политически активного населения. Именно этой категории необходимо уделять наиболее пристальное внимание органам государственной власти для предотвращения и снижения социальной напряженности.

8. *Организованность многих профессиональных групп отходников.* Многие группы отходников высокоорганизованы и самостоятель-

ны. Образцом является категория отходников-дальнобойщиков. На всей территории страны они уже сейчас образуют связную сеть (и не виртуальную!) мобильных организованных команд, способных к быстрому и эффективному действию. В иной — артельной — форме организованы такие группы отходников, как, например, плотники, строители деревянных домов. Высокая организованность некоторых массовых групп отходников предполагает как возможности их использования в целях обеспечения государственных задач (например, по аналогии с «трудовой армией» или «отрядами самообороны»), так и потенциальной угрозы внутренней безопасности.

9. *Массовость.* Отходническая деятельность, приобретая массовый характер, привносит в локальную социальную структуру новые черты, которые, с одной стороны, ведут к ее деградации, а с другой — способствуют ее усложнению. Отходничество приводит к деградации социальной структуры, поскольку наиболее молодая и активная часть населения большую часть времени живет и работает за пределами своих малых городов. В муниципальных образованиях вымывается активное трудоспособное население и начинают преобладать пенсионеры и люди, нуждающиеся в социальной поддержке или подверженные социальным патологиям. Одновременно повсеместно наблюдается тенденция замещения местных работников пришедшей рабочей силой, нередко гастарбайтерами из бывших советских союзных республик, то есть аналогичными трудовыми мигрантами. И те и другие процессы требуют изменений местной социальной политики, к которым муниципальная власть пока еще совершенно не готова. Они же требуют и изменений внутренней государственной политики, однако она не только не запущена, но даже еще и не осмыслена.

10. *Деструктивная социально-культурная активность.* Не следует недооценивать значение отходников в размывании солидарной целостности многих местных обществ. Отходники в каком-то смысле поневоле становятся дезинтеграторами процессов естественной самоорганизации общества. Своим образом жизни, деятельностью, протекающей вне местного общества, вследствие начавшегося процесса постепенного вытеснения их «на обочину» местной жизни, отходники и их семьи все в большей степени становятся обитателя-

ми крупного города, а не своего городка и села. В результате нынешнее провинциальное местное общество уже не то, что было даже в поздние советские годы: внедрившиеся массовые новые группы «несвоих» и группы «своих», ныне оттесняемых на край местной жизни, начинают со все большей настойчивостью диктовать местному обществу иные представления о «правильном» и «должном». И местные отходники и пришлые на их место отходники-гастарбайтеры приносят свое новое: местные отходники привносят культурные образцы столичной жизни, «гастарбайтеры» привносят иные бытовые и этнокультурные нормы, иной образ жизни, который так или иначе воспринимает, даже отвергая, местное общество.

Отходники, таким образом, становятся новым фактором общественной жизни, действующим повсеместно, но локально. Существование отходничества как факта социальной жизни страны заставляет обсуждать его возможные последствия — не только экономические, но и социально-политические. Одним из важнейших следствий развития экономической активности в форме, необычной до совсем недавнего времени, но и традиционной, является формирование новой социально-профессиональной группы, которую, вслед за некоторыми социологами и экономистами, можно диагностировать в качестве нового класса — прекариата (см.: [Стэндинг, 2014; Тощенко, 2018; Tikhonova, 2019; Poverty and Social Exclusion..., 2019; Смыслы сельской жизни..., 2019]), о чем и я специально писал ранее [Плюснин, 2016].

Но важная российская особенность состоит в том, что экономическая предприимчивость прекариата — отходников — стеснена и государственной и местной властью, а общественно-политическая инициатива полностью подавлена образом их жизни. Между тем отходники обладают достаточно высоким потенциалом политической активности, особенно самостоятельные предприниматели. Но препятствием реализации высокого потенциала выступает низкий общественно-политический статус этих людей. А высокий потенциал всегда требует разрядки. И своеобразной «разрядки» нужно будет ожидать от таких людей. Мне представляется, что нынешняя военно-политическая ситуация предоставит нашим отходникам новые возможности для компенсации указанного противоречия.

Глава 8

АРХАИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА: «РАССЕЯННЫЕ МАНУФАКТУРЫ»

В 2014 г. мы выявили новый феномен хозяйственно-экономического поведения населения в малых городах провинциальной России: «рассеянные», или распределенные, мануфактуры, который после нескольких лет изучения описали в статье [Кордонский, Плюснин, 2018]¹. Эмпирической «зацепкой» для этого явилось наше полевое исследование в двух соседних городах в средней полосе Европейской России: Новохопёрске и Урюпинске (Воронежская и Волгоградская области). Здесь население массово и издавна занято изготовлением и сбытом изделий из козьего пуха (пуховые платки и другие носильные вещи). В это производство включена и значительная часть жителей сельской округи этих двух смежных районов.

В последующие годы мы выявили и описали «распределенные мануфактуры» и в нескольких других малых городах. Они оказались типологически подобными пуховой мануфактуре Урюпинска и Новохопёрска: это меховая мануфактура в Лабинске, Краснодарский край, сапожная мануфактура в Кимрах, Тверская область, мануфактура ростовской финифти в Ростове Великом, Ярославская область, и еще несколько пока недостаточно описанных аналогичных «народных промыслов» — все они сконцентрированы в малых городах. Это часовая мануфактура в Угличе в Ярославской области, росписная мануфактура в Палехе, а возможно, и огуречная мануфактура в Поречье-Демидове в Смоленской области. Предположительно, в нынешних чрезвычайных условиях в стране повсеместно стали возникать такие распределенные производства, связанные с задача-

¹ Текст главы основывается преимущественно на статье [Plusnin, Kordon-sky, 2020].

ми обеспечения наших военнослужащих, например мануфактуры по производству маскировочных сетей во многих городах страны. При этом одно такое скоординированное производство может располагаться сразу в нескольких городах или даже в крупном городе (Москва, Ростов-на-Дону, Донецк). Предполагаю также, что такого рода «мануфактуры» возникали в 1990-х годах и существуют ныне в ряде моногородов со специализированным (особенно узкоспециализированным) производством уникальной продукции, преимущественно военного назначения.

Наименование таких промыслов «рассеянными мануфактурами» обусловлено тем, что вся производственная цепочка по добыче или производству и переработке ресурса и по изготовлению и продаже изделий осуществляется в пределах местного общества, включая жителей городка и ближних к нему сел, при этом она рассеяна по множеству домохозяйств, а сами домохозяйства специализируются в отдельных компонентах технологического процесса, являясь разными звеньями единого производства.

8.1. История «рассеянной мануфактуры»

Мои дальнейшие наблюдения в указанных городах и их сельских округах подтвердили, что описанный феномен действительно соответствует всем без исключения признакам «рассеянной мануфактуры», давно забытому феномену раннего капитализма в Европе.

Как хорошо известно из экономической истории (см., к примеру: [Мокур, 1976; *The Cambridge Economic...*, 1978; Kahan, Hellie, 1985; Ogilvie, 1993]), «рассеянные мануфактуры», первоначально возникшие в городах Италии в XIV в. и позже в Нидерландах и других государствах Европы, а также в России, явились раннекапиталистическим ответом на цеховую организацию ремесленной деятельности. Они были свободны от цеховых профессиональных ограничений того времени и позволяли обеспечить массовое производство «товаров народного потребления», что способствовало последующему успеху такой формы организации производства.

«Рассеянные мануфактуры» быстро приобрели массовый характер и привлекли значительное число мелких деревенских ремеслен-

ников, а также городских малоимущих и бедняков, обеспечив им таким образом рынок труда и дополнительные источники дохода. Они создавались, как правило, в таких видах производства, которые имели трудоемкие звенья в производственных цепочках, нуждающиеся в большом количестве работников, но не требующие высокой квалификации. Поэтому наиболее распространены они были в текстильном деле (ткацком, суконном, а также меховом и пуховом), в лесозаготовках и лесопереработке, в специализированном строительстве (судостроительном и домостроительстве), в горнодобывающей промышленности (на медных, серебряных рудниках и рудоплавильных и металлургических заводах).

Мануфактуры в России хорошо известны начиная с XVII в. [Ропомарев, 1980, р. 62–64; Blum, 1992, р. 293; Kahan, Nellie, 1985, р. 121–136]. Следовательно, зачатки мануфактурного производства могли существовать уже к концу или даже к середине XVI в. [Кулишер, 2004, с. 353–378, 399–412, 569–570]. С первой четверти XVIII в. в России начался стремительный рост мануфактурного производства. Например, в 1725 г. насчитывалось 233 мануфактуры, а спустя всего 60 лет, в 1796 г., уже на порядок больше — 3360 как очень крупных, так и небольших, главным образом вокруг Москвы (помимо горных рудников и металлургических заводов) [Blum, 1992, р. 293–294]. А к началу XIX в. (1803 г.), например, в одном только селе Иваново (в настоящее время областной город) функционировали 49 мануфактур для изготовления льняных и хлопчатых набивных тканей [Blum, 1992, р. 300–301]. При этом надо иметь в виду, что здесь и в соседних прилегающих к Москве районах, помимо Иваново, имелось много других крупных сел с окружающими их деревнями с множеством мануфактурных производств, создаваемых преимущественно старообрядческими общинами (например, в районах Гуслицкого края и Мещеры [Торгово-промышленная Россия, 1899]). Возможно, именно поэтому мануфактурами в собственном смысле слова в России обычно называли ткацкое производство в силу как исторических причин, так и массовости явления, а также, вероятно, по той причине, что горные разработки, горные заводы и специализированное металлургическое и машинное производство контролировались государством или принадлежали казне [Blum, 1992]. Развитие

мануфактур в России всемерно поощрялось государством (в том числе в форме откупов).

Одной из возможных малоизвестных причин горно-промышленного и прочего мануфактурного развития России «по велению государства» с середины XVIII в. (этой промышленной «предреволюции») Ф. Бродель считает внезапную утрату значительной части доходов государства от продажи сибирской пушнины на европейских рынках, поскольку с 1730-х годов пушнина Северной Америки стала составлять конкуренцию сибирской [Бродель, 1992, с. 473, 478] (ср. также: [Кулишер, 2004, с. 567]). По мнению Дж. Блума, русское преиндустриальное промышленное развитие XVIII в. было равным развитию остальной Европы, а порой и превосходило его [Blum, 1992, p. 294]. Об этом же свидетельствуют и сравнительные данные, например по Германии того же периода [The Cambridge Economic..., 1978, p. 498–511].

«Рассеянные мануфактуры» характеризовали лишь начальный период капиталистического развития как в Европе, так и в России (пред- или протоиндустриальную стадию капитализма, см. [Mendels, 1972; Rudolph, 1980; Houston, Snell, 1984; Ogilvie, 1993]) и относительно быстро сходили на нет в результате двух взаимосвязанных процессов: ввиду развития монополистического и финансового капитализма, требующего соответствующего рассеивания товарных цепочек для исключения прозрачности капиталов, а также вследствие диверсификации производства, условием которой, между прочим, выступала производственная специализация, родственная мануфактуре; этот процесс непременно сопровождал государственный протекционизм на фоне растущей суверенизации [Тешке, 2011, с. 285–308].

Однако на экономической периферии такие (теперь уже ставшие архаическими) институты продолжали сохраняться еще долгое время, по-видимому, в сильно редуцированном виде, свидетельством чему может быть мощное развитие кустарных промыслов и кустарного производства в России вплоть до 1930-х годов [Гиндин, 1925; Владимирский, 1927; Минц, 1929; Водарский, Истомина, 2004; Павлов, Селеев, 2015], что также всегда составляло условие и предпосылку рассеянного мануфактурного производства. Необходимо, од-

нако, отметить, что я не нашел никаких прямых указаний на сохранение мануфактурного производства в таких архаических формах ни в конце XIX в., ни тем более в течение всего XX в. Поэтому мне представляется вероятным, что этот феномен — «новообразование» рубежа XX–XXI вв., вынужденный возврат российского провинциального общества к экономической архаике.

В условиях системного экономического кризиса 1990-х годов, а также неразвитости и развала местных рынков труда, широкого распространения в России неформальной и теневой экономики [Буев, 2010; Алимова, Ченина, Чепуренко, 2011; Гимпельсон, Капелюшников, 2014] активное население в малых городах и прилегающей сельской округе вынужденно сформировало (а точнее, «вспомнило») особые способы экономического поведения, некогда характерные для ранних стадий капитализма в Европе и России, в форме так называемых рассеянных мануфактур. По совокупности признаков такие современные «рассеянные мануфактуры» в малых городах представляют собой архаический экономический институт, поскольку воспроизводят все атрибуты классической «рассеянной мануфактуры» XIV–XVIII вв. В распределенные мануфактуры вовлечена значительная часть трудоспособного населения как в самих малых городах, так и в окружающих их сельских районах. Домохозяйства включены в распределенные производственные процессы при получении (добыче) ресурсов, в изготовление из них традиционных местных товаров и в их реализацию (в розничную и оптовую продажу).

Между тем хорошо известно и современное распределенное производство (*distributed manufacturing*), широко использующее информационные технологии, не локализованное в одной точке, а составляющее «сеть слабосвязанных между собой и взаимодействующих интеллектуальных производственных (заводских) объектов по производству отдельных компонентов продукта» [Distributed Manufacturing, 2009, p. 1], при этом, как правило, вынесенное в третьи страны и распределенное на значительной территории [Kühnle, 2007; Kühnle, Bitsch, 2015]. Эта новая форма распределенного производства рассматривается сейчас в качестве перспективной, дополнительной и альтернативной традиционному индустриальному, конвейерному

производству [Коклан и др., 2010; Bopp, 2010; Distributed Manufacturing, 2009; Kostakis, Bauwens, 2014; Dekkers, Bennett, 2015]. Однако ключевой особенностью обнаруженных и описываемых нами распределенных производственных процессов является как раз их архаический характер, полное соответствие классическим «рассеянными мануфактурам», а отнюдь не современному распределенному производству с применением инновационных и ИТ-технологий.

8.2. Признаки классической и современной российских «рассеянных мануфактур»

Все выявленные и описанные современные «рассеянные мануфактуры» оказались типологически подобными. Все они сконцентрированы (и это важно) в малых городах и в ближайших к ним сельских округах. Основные признаки этих экономических институтов и истоки их появления в конкретной местности в тех или иных формах везде одинаковы. Как для классической «рассеянной мануфактуры» раннего Нового времени, так и для современной российской провинциальной распределенной мануфактуры характерны определенные отличительные признаки. Я выделил восемь.

1. Множество отдельных независимых компонентов производственной цепочки в изготовлении продукции. Мануфактурное производство предполагает наличие значительного числа отдельных, сравнительно независимых элементов производственного процесса, не всегда требующих их объединения в одном помещении (в ряде случаев это и невозможно, как, например, в меховом и пуховом производствах). Собственно говоря, потребность в нескольких отдельных и относительно независимых технологических линиях для производства конечного продукта и обуславливает принципиальную возможность создания «рассеянной мануфактуры».

2. Сочетание трудоемкости и простоты большинства производственных операций. Это второе необходимое условие организации «рассеянной мануфактуры». Трудоемкие, но простые производственные операции не требуют высокой квалификации работников. Однако, как правило, они сочетаются с наличием в производстве и сложных операций, которые уже предполагают необходимую ква-

лификацию работников. Специфика мануфактурного производства заключается в сочетании простых и сложных компонентов в конечном продукте, что требует разнообразной квалификации работников.

3. Специализация на отдельных видах операций. Третье обязательное условие — это специализация работников (не отдельных людей, а домохозяйств или артелей, бригад) на определенных видах или группах производственных операций. Нередко такая специализация приобретала характер рабочей династии и передаваемых по наследству в одной семье навыков, умений и производственных тайн, она обеспечивала ее членам конкурентное преимущество перед соседями. Следует уточнить, что «династийность» характерна преимущественно для высококвалифицированных работников. Сохранение до наших дней этого важного элемента цеховой организации, исторически очень ранней, столь же присуще и классической «рассеянной мануфактуре». В то же время, поскольку рассеянное производство нередко основано на использовании уникального или труднодоступного местного сырья, специализация зависит и от внешних ограничений: отдельные виды операций требуют не высокой квалификации, а наличия или отсутствия у участников доступа к ресурсам или отдельным компонентам производства.

4. Концентрация производства на локальной территории. «Рассеянная мануфактура» требует концентрации всего производственного процесса на единой контролируемой территории одного или нескольких соседских местных обществ на фоне распределенного характера производства отдельных его составляющих. Именно этим классическая «рассеянная мануфактура» отличается от современного распределенного производства, поскольку в рамках производственного процесса предполагается непосредственное физическое взаимодействие работников, занятых в отдельных составляющих процесса.

5. Самоорганизация и артельная кооперация. Совершенно необходима кооперация производственной деятельности и всех элементов распределенного производственного процесса, что предполагает самоорганизацию участников в форме специализированных

артелей и групп артелей. Артельная кооперация есть один из важнейших признаков архаических экономических институтов. Она подразумевает преимущественно соседские, но не родственные отношения, коммунальную, но не персональную ответственность и распределительный принцип вознаграждения за труд. Этим артель принципиально отлична от бригады. Здесь каждый участник самодеятелен и самодостаточен, он предприниматель, хотя и подчиняется одному руководителю артели, наиболее опытному и знающему (наставнику).

6. Институты самоуправления. Как следствие, на основе артельной самоорганизации спонтанно появляется институт самоуправления в простейших (архаических) формах «сходки», «разборки», «терки», «авторитетного решателя» (см. недавнее исследование промыслов [Селеев, Павлов, 2016]). В результате формируется, как правило, единый местный источник контроля над всеми составляющими производства и продажи готовых изделий (организационный центр — это такие субъекты, как кулак-крестьянин, купец, промышленник, предприниматель, бандит, «крыша», государственная «контора», корпорация). Именно артельная кооперация и самоорганизация населения, наряду с самодеятельностью и экономической самодостаточностью, и позволяют фиксировать такие хозяйственно-экономические практики населения в качестве промыслов.

7. Уникальность сырья. Существенный, но не всегда присутствующий признак — наличие уникального местного природного сырья (или возможность массового производства населением такого сырья) для изготовления конечного продукта, который в то же время является массово востребованным товаром. Предположительно, развитие (возобновление) ряда «рассеянных мануфактур» в 1990-е годы было обусловлено прежде наличием такого сырья в местном обществе и невостребованностью его местной экономикой, что обеспечивало естественные конкурентные преимущества членам местного общества как по отношению к местной экономике, так и сравнительно с соседними обществами. Например, это было весьма характерно для угличской часовой мануфактуры: завод в 1990-е годы был ликвидирован, но на складах оставалось огромное количество

компонентов для часов, и этого сырья хватило на 20 лет изготовления часов бывшими работниками на дому. Другой яркий пример уникального ресурса — особая порода хопёрских коз, дающих тончайший длинный и прочный пух; в других местностях такого сырья не имеется (возможно, только оренбургские платки изготавливаются из аналогичного по качеству козьего пуха).

8. Уникальность технологии. Другой важный, но также не всегда присутствующий признак — наличие у местного общества производственного ресурса в виде уникальной технологии, используемой для производства специфического изделия. Местное общество сохранило традиции уникального промысла, некогда обеспечивавшего благосостояние большинства домохозяйств. Наличие уникальных хозяйственно-экономических практик обуславливает устойчивость и «консервацию» основанной на этих практиках «рассеянной мануфактуры» вследствие отсутствия конкурентной среды или ее слабости. Яркие примеры уникальной технологии — ростовская финифть и палехская лаковая миниатюра. Вполне возможно, что в эту же категорию надо отнести многие локальные «народные промыслы», например, федоскинскую миниатюру, каргопольскую и мезенскую игрушку или гжельский фарфор. Важно отметить, что для «рассеянной мануфактуры» обязательны уникальность либо промысла, либо сырья, либо того и другого.

Наблюдая и описывая современные «рассеянные производства» в малых городах, во всех указанных ниже случаях фиксируются в полном объеме традиционно выделяемые атрибуты раннекапиталистической (в современных условиях уже архаической) «рассеянной мануфактуры». Надо специально обратить внимание на очень важный, по-моему, момент. Это быстрый эволюционный процесс трансформации экономического института из одной формы в другую. Он осуществляется прямо на наших глазах: всего за три десятилетия спонтанно возникшие экономические новообразования из стадии распределенной формы перешли в стадию концентрированной формы — классическую индустриальную мануфактуру. Процесс, на который прежде понадобилось Европе более 300 лет, в нынешних условиях укладывается всего в 30 лет. Радикальная акселерация. Такой феномен требует специального исследования.

8.3. Особенности организации «рассеянных мануфактур»

Наблюдавшиеся и описанные нами в 2014–2020 гг., а также эпизодически в 2022–2023 гг. «рассеянные мануфактуры» (пуховая в Новохопёрске и Урюпинске, меховая в Лабинске, сапожная в Кимрах, часовая в Угличе и ростовская финифть в Ростове Великом) по организации производственного процесса, характеру занятости населения, особенностям логистики и сбыта готовой продукции все схожи. Поэтому я привожу обобщенно описание отдельных составляющих производства.

Сырье и его первичная обработка. Специфическое сырье для изготовления товарных изделий можно указать пока только для двух мануфактур: пуховой и часовой. Козий пух особого качества, вычесанный или состриженный с коз (район среднего течения реки Хопёр) уникален; именно благодаря этому пуху платки и другие пуховые изделия из Урюпинска и Новохопёрска особенно ценятся. Поэтому здесь пуховых коз давно выращивают не только в селах, но и на городских подворьях. Уникальные качества пуха хопёрских коз, подобно оренбургским, обеспечили местному населению конкурентное преимущество перед соседями и с давних пор составляли важнейший источник благосостояния здешних домохозяйств. Пух заготавливается двумя способами, от которых зависит качество изделия: его вычесывают или стригут. Вычесывание более трудоемкий процесс, и из такого пуха получают изделия высокого качества, а стрижёный пух идет на изготовление менее качественных, но более массовых и дешевых вязаных изделий.

Несколько похожа ситуация уникальности сырья с углической часовой мануфактурой. После остановки завода «Чайка» его бывшие работники каким-то образом получили доступ к запасам комплектующих на складах, расхитили их и этого, в известном смысле уникального, ресурса хватило почти на 20 лет кустарного изготовления часов в домашних условиях нескольким сотням (возможно, тысячам) бывших работников часового завода. Только к середине 2010-х годов материал на руках у бывших работников закончился и пришлось переходить на китайские запчасти. Но к этому времени уже

развернулся процесс превращения мануфактуры из «рассеянной» в классическую.

В случае других видов мануфактур используемое сырье не уникально. Меха́вая мануфактура Лабинска хотя и работает во многом на мехе, поставляемом местными частными зверофермами с едва ли не половины сельской территории Краснодарского и Ставропольского краев, но использует и привозной мех из Сибири (Иркутск, Красноярск, Новосибирск, а также Киров). Вторичная обработка меха (выделка) перед пошивом часто осуществляется на месте, в «рабочих домах» Лабинска и соседних сел (сами такие «дома» располагаются в сараях на территориях отдельных усадеб). Сапожники Кимр, судя по всему, используют исключительно привозную кожу, уже выделанную, которая поступает не только из разных регионов страны, но и из-за границы (указывают чаще всего Италию). В Ростове Великом все основные компоненты для изготовления финифти (медные пластины, серебро, золото, эмаль, краски) также являются привозными и приобретаются нередко в Европе, прежде всего краски. То же относится к Палехской лаковой миниатюре.

Таким образом, на собственном сырье (исключительно или в основном) работают только мануфактуры Урюпинска/Новохопёрска и отчасти Лабинска и Углича, а производства Кимр и Ростова — исключительно на привозном. Однако во всех случаях поставками сырья, обеспечением им тех участников производства, которые заняты на начальных этапах производственной цепочки, занимаются чаще всего розничные или оптовые продавцы конечной продукции. Одновременно с ними существуют и специализированные поставщики, в том числе индивидуальные предприниматели-перевозчики (таксисты и дальнобойщики).

Насколько можно судить, часть тех, кто контролирует значительные объемы производства и продажи готовых изделий, одновременно являются и крупными поставщиками сырья для работников мануфактур, представляя собой, таким образом, группу людей, контролирующую значительную долю рынка мануфактурного производства. Эти люди со временем (вероятно, уже и сейчас, как это заметно в Ростове и Палехе, уже явно — в производстве часов в Угличе и обуви в Кимрах) становятся ключевыми организаторами и

контролерами производства товара на всех его этапах. Обращу внимание на то, что эти люди, «концентраторы распределенного производства», являются фактором превращения «рассеянной мануфактуры» в ее классическую форму.

Производство заготовок: простейшие и трудоемкие этапы мануфактурного производства. Во всех распределенных мануфактурах производственный цикл состоит как из специализированных, так и из набора простых и трудоемких, требующих длительных временных затрат, операций. В них задействовано большое число работников, от которых не требуется много умений и которые могут выполнять работу совместно, в «рабочих домах» — специально выделяемых помещениях для такого рода вредных этапов производства.

Что касается пуховой мануфактуры, то это прежде всего чистка и мытье пуха, прядение (навивание пуха на хлопчатую или шелковую нить с помощью ручной или электрической прялки) и на завершающем этапе пушение готового изделия (придание пуховому платку товарного вида путем распушивания в центрифуге). Все эти операции могут осуществляться (а раньше и осуществлялись) в одной семье, в домашних условиях, но постепенно выносятся в подсобные помещения. Пух вместе с нитью нередко раздается по соседям для изготовления пряжи, занимаются этим все члены семьи. «Пушилки» и самодельные электрические центрифуги имеются далеко не в каждой семье и их арендуют: приносят готовые изделия для пушения хозяину этого своеобразного агрегата.

В меховой мануфактуре для трудоемких операций по окончательной выделке меха перед пошивом более чем в других случаях распространены «рабочие дома», приспособляемые или специально выстраиваемые на подворье одной семьи, где собираются до десяти работников, соседей и родственников, совместно занятых выделкой шкурок и их раскроем. Отдельные помещения необходимы, поскольку в меховом производстве эта часть работы наиболее «грязная» сравнительно с другими видами мануфактур. Выкройка — более сложная часть производства. Ею занимаются обычно те, кто непосредственно шьет изделие; в «рабочие дома» идут наименее квалифицированные, не умеющие кроить и шить.

В сапожной мануфактуре трудоемкие и простые операции, вероятно, сведены к минимуму благодаря тому, что в Кимрах теперь имеются четыре обувные фабрики, выделившиеся в разное время из одной, и они, вероятнее всего, являются основными поставщиками для частных изготовителей уже готовой кожи и материалов для подошвы и внутренней части обуви. Заготовки для обуви поставляются также в мастерские или цеха окрестных городов, в том числе в Москву для осуществления некоторых из этапов производства. Поскольку обработка заготовок не требуется, черновые виды операций сводятся к кройке по лекалам подошв, подметок, стелек, юфти или другой ткани, что и осуществляется в частных помещениях города, в гаражах, или в соседних городах.

В производстве финифти трудоемкие операции также сведены к минимуму и ограничиваются вырезанием и загибанием мелких медных пластин, на которые затем наносится эмаль и обжигается в муфельной печи. Работы с металлом часто выполняет сам эмалиёр, которому требуется достаточно высокая квалификация, поскольку от качества обжига эмали зависит не только качество и цвет поверхности, но и долговечность изделия (впрочем, как и от изгиба медной пластинки). Печи имеются далеко не у всех, и их арендуют. Значительные затраты электроэнергии на обжиг приводят к тому, что в Ростове наблюдается массовая задолженность за электроэнергию и значительные ее потери, и этой проблеме были посвящены в свое время несколько специальных заседаний муниципалитета.

Таким образом, в случаях, когда количество простых трудоемких операций невелико (в Кимрах, Ростове, Палехе, Угличе), в технологической цепочке больше доля операций, требующих высокой квалификации и нескольких специализаций. Это определяет исключительность сочетания специальностей, необходимых для изготовления изделия, что компенсирует уникальность используемого сырья (Урюпинск, Новохопёрск, Лабинск).

Этапы производства, требующие высокой квалификации и уникальных профессионалов. Характерно, что в производственных цепочках всех выявленных распределенных мануфактур имеются звенья, требующие специальных знаний, умений и навыков, которые нередко передаются по наследству в одной семье. По-видимому, именно эти

особенности в производстве изделий и определяют возможности для развития подобных архаических экономических институтов.

В случаях пуховой, меховой и сапожной мануфактур требования к специальным знаниям не столь высоки, как в производстве ростовской финифти или палехской миниатюры, но такие навыки имеют глубокую традицию, поддерживаемую, ко всему прочему, значительной концентрацией в местном обществе работников высокой квалификации в той или иной области. Вязальщиц платков очень много, тем не менее лучшие вязальщицы очень ценятся и этому искусству учатся. Кроме того, множество пуховых изделий изготавливается на вязальных машинах, но цена их в разы и даже на порядок ниже стоимости связанного хорошей вязальщицей платка.

Совершенно аналогична ситуация в меховом производстве, где почти вся работа ручная и высоки требования к раскройщикам, модельерам и работникам, изготавливающим шапки и другие изделия из наиболее качественного меха: здесь также велика роль традиции и имеет место надомное обучение искусству пошива шапок. При этом значительное количество сегментов производства рутинны, потому большая часть меховых изделий, по словам самих мастеров, среднего и невысокого качества и рассчитана на массового покупателя; между тем всегда есть заказы, которые изготавливают мастера высокой квалификации.

Кустарное производство обуви в Кимрах базируется на работе модельеров-лекальщиков, которые проходят специальное обучение не только на месте, но, по информации, в Москве и в Италии, а сам пошив обуви (сапог и ботинок для особых условий использования, например, для летчиков полярной авиации) является искусством, поэтому хорошие сапожники очень ценятся.

Изготовление ростовской финифти требует участия высококлассных специалистов двух или трех специальностей: наименьшие требования предъявляются к эмальерам, наносящим и обжигающим эмаль на медной пластинке, хотя считается, что от опыта и умения эмальера зависит конечное качество изделия; нередко такую работу выполняют сами художники, но не для массовой продукции. Работа художника трудоемка и длительна (одна миниатюра или картина исполняются от нескольких часов до недель и месяцев), но ра-

бота ювелира-филигранщика, создающего серебряную оправу для эмали, трудозатратнее в 3–5 раз. Художники сами покупают и готовят краски, рисуют в основном по кальке, образцу, но есть, конечно, и оригинальные работы, а некоторые признаются изделиями очень высокого художественного качества. Признанные мастера нередко работают самостоятельно и давно не связывают себя с несколькими предприятиями по изготовлению финифти, еще существующими в Ростове (хотя в городе имеется яркий пример специализированного частного предприятия, работники которого выполняют преимущественно заграничные высокохудожественные заказы). Филигранщик также обычно самостоятельно изготавливает все компоненты для оправы: прокатывает и вьет проволоку, нарезает и навивает отдельные части оправы, сваривает их, делает оправу по заранее подготовленному рисунку (нередко оправы оригинальны). Работа ювелира — третий и конечный этап создания продукта, требующий высокой квалификации. Все эти мастера проходят предварительное обучение как на предприятии, так и в специализированных учебных заведениях, а кто-то обучается у родителей и родственников: здесь сохранилось немало рабочих династий художников и ювелиров, передающих искусство и профессиональные тайны по наследству.

Сбыт, розничная и оптовая торговля продукцией. Этот компонент современных «рассеянных мануфактур» остается минимально доступным для внешнего наблюдения, а посему менее всего и описан. Здесь проходят операции с крупными партиями товара, большими суммами денег, осуществляется взаимодействие между немногими хорошо знакомыми людьми, и информация закрыта от посторонних. На данной стадии очевидна существенная внутренняя конкуренция, но все участники тесно связаны и совместно оберегают от посторонних общий бизнес хотя бы потому, что весь он в тени. Однако на фоне присутствия ныне нескольких крупных предпринимателей в каждой мануфактуре (по нашим наблюдениям, от 2–3 до десятка в каждом городе) имеется значительное количество мелких торговцев, среди которых есть как непосредственные изготовители (художники и ювелиры, часовщики, сапожники и меховщики, вязальщицы и фермеры), продающие собственную продукцию на местных рынках, так и мелкие коммерсанты, скупающие изделия у

нескольких человек, арендующих киоск, лоток, столик на муниципальном рынке города, и занятые исключительно продажей изделий. Эти последние редко оформляются как индивидуальные предприниматели, но обеспечивают взаимодействие между отдельными участниками производства: закупают сырье и распределяют его между работниками, занятыми первичной обработкой, забирают заготовки и передают на обработку на следующий этап, продают на рынке готовые изделия; они же осуществляют оплату на всех этапах производства, нередко ссужают и кредитуют работников. Эти же люди связаны как с внешними оптовыми поставщиками сырья (пух из Калмыкии и Дагестана, нити для пряжи из Иваново, шкурки пушных зверей из Новосибирска и Красноярска, кожа из Кирова и Италии, медь из Москвы, серебро и золото из Костромы и т.п.), так и с оптовыми покупателями конечной продукции. Поэтому из среды этих многочисленных мелких коммерсантов (многие из которых сами в прошлом были мастерами, но, правда, невысокого уровня), специализирующихся исключительно на торговых операциях, постепенно вырастают и крупные местные коммерсанты, которые начинают в острой конкурентной борьбе монополизировать рынок.

Этот процесс скрыт не только от внешних наблюдателей, но и от местных жителей. Судя по всему, крупные местные торговцы контролируют не только целые ряды палаток на муниципальных рынках, но создают (или перекупают) фирмы по транспортировке сырья и изделий, а также организуют «работные дома», куда нанимают неквалифицированных работников. В целом процесс осуществляется по хорошо известной схеме, и в настоящей момент состояние производственных отношений фиксируется на стадии доклассической мануфактуры. Однако отмечу, что по моим последним наблюдениям эволюция «рассеянной мануфактуры» в классическую уже имеет место, например в Угличе и Кимрах, Ростове и Палехе, где производство на территории домохозяйств вытесняется цеховым и в каждом городе уже появились по несколько специализированных предприятий, как часовых, так и сапожных. Примечательно, что во всех указанных местностях количество вновь возникших или восстановленных предприятий составляет от двух до пяти. Надо отметить, что это очень характерный процесс самоорганизации: многочисленные

«ручейки» стекаются в несколько более крупных «потоков», которые в дальнейшем сольются в «реку». Рассеянное производство начинает концентрироваться, на первом этапе это несколько производств, на втором — единственное. Монополизация универсальна.

Наряду с двумя смыкающимися категориями предпринимателей-коммерсантов (мелких производителей, торгующих своими изделиями вразнос или на рынке, и торговцев, занятых больше оптовой торговлей, а вместе с тем и обеспечением связей между звеньями производственной цепочки) во всех мануфактурах присутствует и особенная третья группа торговцев и перекупщиков — местные общины цыган. По отзывам респондентов, цыгане везде включены в теневой бизнес, а участие в торговле пуховыми шальями, меховыми изделиями, кожаной обувью и украшениями из финифти является одновременно и прикрытием их криминального бизнеса (обычно наркоторговля или оборот драгоценных металлов).

Скупщики-торговцы — это цементирующий мануфактуру компонент, создающий и обеспечивающий ее целостность; из этой среды выходят участники предприятия, постепенно начинающие контролировать и управлять всем делом. На нынешнем этапе развития мануфактур эти новые небольшие фирмы еще только формируются, кристаллизуются; они внешне и по характеру операций схожи с остатками бывших государственных предприятий, фабрик, на которых производились (и кое-где еще производятся) все те же самые изделия, которые и составляют основу производства современных «рассеянных мануфактур». Однако уже и здесь, в малых городах с «рассеянным» производством уникального или редкого товара, наступает время накопления капитала.

Участие населения. Оценить степень участия населения малых городов и близлежащих сел в распределенных мануфактурах оказалось довольно сложно. Причины хорошо известны: полное отсутствие данных на уровне муниципалитетов и регионов о незанятых в местной экономике и о структуре самозанятого населения [Кордонский и др., 2009; Плюснин и др., 2013]. Поэтому мы вынуждены ограничиться исключительно оценками на основе мнений респондентов, местных экспертов и наших собственных сопоставлений и

расчетов по статистическим и муниципальным отчетным материалам. Эти оценки выглядят следующим образом.

В пуховой мануфактуре Урюпинска и Новохопёрска в 1990-е и 2000-е годы было задействовано все население поголовно, а сейчас уже существенно меньше. Причем раньше в пуховом производстве участвовали не только трудоспособные члены семей и пенсионеры, но и дети; сейчас же поголовье коз значительно сократилось, многие горожане перестали их выращивать на подворьях, а основное стадо находится в фермерских хозяйствах и в деревнях. Вязание уже не составляет постоянного приработка домохозяйства, появились и другие источники дохода. Согласно наблюдениям 2014 и 2017 гг., в распределенном производстве участвуют от 1/3 до 1/2 всех домохозяйств, то есть не менее 1/3 трудоспособного населения, это примерно 10 тыс. из 25–30 тыс. домохозяйств (точные данные о численности домохозяйств в обоих районах мной не найдены).

В меховой мануфактуре Лабинска задействованы на разных этапах производства около 1/5 взрослого населения города, то есть примерно 4 тыс. из 20 тыс. домохозяйств. В производстве ростовской финифти работает приблизительно 1 тыс. из 10 тыс. домохозяйств. Оценки сапожного производства в Кимрах мы получить не смогли. Аналогично не удалось получить и оценок участия домохозяйств в часовом производстве в Угличе, в основном потому, что наши наблюдения захватили период превращения производства из «рассеянной» формы в концентрированную, «классическую», когда в городе уже появились пять часовых заводиков, сконцентрировавших большинство прежде самостоятельных работников².

Как бы ни были велики ошибки таких оценок, совершенно очевидно, что в распределенных мануфактурах занята значительная доля местного населения, и именно это является основой их жизнеобеспечения и источником благосостояния, хотя об этом ничего не известно ни статистике, ни местным властям.

² Примечательно, что во всех трех городах, где уже начался процесс концентрации рассеянного производства, в Угличе, Кимрах и Ростове, появилось по пять мелких классических мануфактур — заводов и фабрик.

8.4. Общие черты современных «рассеянных мануфактур»

Каковы характерные общие признаки описанных «рассеянных мануфактур» и нескольких других выявленных, но еще недостаточно описанных? Мною выявлены шесть таких признаков.

1. Традиционность производства. Во-первых, все эти производства имеют очень давнюю традицию местных промыслов, которые в имперские годы были развиты и в советские поставлены на промышленную основу: во всех городах давно были созданы фабрично-заводские производства, основывающиеся на традиционных местных промыслах населения и на его умениях и хозяйственной практике. Кустарные пуховые промыслы в среднем течении реки Хопёр (урюпинские, новохопёрские) известны с XVIII в. В Лабинске меховое фабричное производство начало развиваться с 1930-х годов, кустарное — существенно раньше. В советские годы функционировали несколько меховых фабрик, но и в настоящее время их здесь семь. В Кимрах кустарное производство обуви и кожевенные заводы известны с начала XVII в. (хотя утверждают, что с XVI в.), а обувные фабрики — с начала XX в. (1903 г.). Теперь здесь пять фабрик, которые постепенно ликвидируют распределенное производство. Ростовская финифть как ручная художественная роспись на эмали существует с 1760-х годов, фабрика финифти — с 1918 г. В настоящее время имеется уже пять фабрик финифти, которые также подавляют дальнейшее существование распределенного производства. Палехская лаковая миниатюра известна с XIX в., но наибольшую известность в стране приобрела с 1920-х годов.

Замечу, что именно с начала XVIII в. в России начался бурный рост мануфактурного производства в самых разных областях народного хозяйства [Blum, 1992, p. 293–294], хотя начало процесса следует отнести еще к середине XVII в., когда под патронажем и при содействии государства (с привлечением иностранцев) в окрестностях Москвы, Тулы, Каширы, а также на Урале и в Зауралье были созданы разнообразные мануфактуры [Кулишер, 2004, с. 399–412]. Другими словами, описываемые современные распределенные мануфактуры малых городов имеют самую глубокую историю именно этого вида местного производства.

2. Уникальность ресурсов и практик. Во-вторых, в производственном процессе «рассеянных мануфактур» используются либо уникальные местные ресурсы (как, например, порода хопёрских коз с особым качеством пуха), либо традиционные, нередко уникальные, практики населения (как, например, длительная традиция сапожного производства высокого качества в Кимрах, изготовление ростовской финифти, палехская лаковая миниатюра). Во всех случаях сырье или материалы для производства, требующие особых умений при обработке, составляют важнейшее конкурентное преимущество населения, участвующего в распределенном производственном процессе. Но наряду с естественным (природным) первенством имеет место и преимущество, обеспеченное профессиональными (цеховыми) умениями, до сих пор тщательно оберегаемыми и передаваемыми по наследству в каждом из родов.

3. Простота и трудоемкость отдельных производственных операций. В-третьих, изготовление товарных изделий требует нескольких отдельных простых, но трудоемких операций, которые могут производиться раздельно и в разное время, при этом они не требуют упорядоченной единовременной сборки компонент, то есть отсутствует выгода конвейерного производства. Это позволяет каждую операцию осуществлять независимо, распределяя ее выполнение между отдельными исполнителями. Возможно, что кустарный характер производства и автономность его отдельных компонент составляют ту особенность «рассеянных мануфактур», которая обеспечивает их живучесть и долговременность.

Выращивание коз, их стрижка или вычесывание пуха, его обработка, вязание, пушение (обеспечение пушистости) готовых изделий и реализация их на рынке разнесены в пространстве сельских и городских домохозяйств не только территориально, но и во времени, охватывая годовой цикл. То же самое происходит и с производством меховых изделий как из привозного меха, так и из выращиваемых в домашних зверохозяйствах Лабинска и его обширных сельских окрестностей (промысел по выращиванию пушных зверей на домашних подворьях распространен в селах Ставропольского и Краснодарского краев). В Кимрах приобретение и раскрой кожи, изготовление лекал, подметок, пошив сапог (и другой кожаной обу-

ви) до недавнего времени осуществлялись независимо многими домохозяйствами; появление же сразу нескольких специализированных фабрик свело эти практики почти на нет. Изготовление медной или серебряной основы, заливка эмали, нанесение рисунка и обжиг, изготовление филиграни и окончательная ювелирная обработка разнообразной ростовской финифти также есть независимые технологические процессы и распределены между многими домохозяйствами до сих пор, несмотря на все более очевидный процесс концентрации производства на нескольких фабриках. По-видимому, аналогичный процесс зашел уже очень далеко в Угличе и в наши дни здесь уже практически не осталось часовой сборки в домохозяйствах, все вновь сконцентрировано на местных часовых заводах, поскольку были истощены советские запасы деталей в «закромах» домохозяйств.

4. Сочетание простых и сложных операций. В-четвертых, в производственном цикле «рассеянной мануфактуры» сочетаются два вида операций. Большинство из них трудоемки и одновременно очень просты (как изготовление медной основы для финифти, выращивание коз и пушных зверей, первичная обработка кожи, меха или пуха). Но другая часть операций цикла (одна или две) требуют, как правило, высокого профессионализма и особых навыков (работа художников-миниатюристов и ювелиров-филигранщиков, лекальщиков и модельеров кожаных изделий, меховых швей или вязальщиц ручных чесаных платков).

В силу этого и весь производственный цикл привязан к территории проживания людей, обладающих такими редкими или уникальными умениями, а элементарные и трудоемкие компоненты производства распределены нередко на территории не только города, но и всей сельской округи, что особенно характерно для хопёрских коз и лабинских звероферм при домохозяйствах, распределенных на большом пространстве (хотя в случае угличской мануфактуры ресурсную основу составляли очень большие запасы деталей для часов, оставшиеся на заводе, которые были расхищены: «...мы потом еще 20 лет из этих деталей делали часы...»).

5. Кооперация автономных работников. Отдельные простые элементы производственного цикла концентрируются территориально

в «рабочих домах»: несколько исполнителей (от 2–3 до 10) объединяются и выполняют одну операцию вместе, обычно на территории одного домохозяйства, как правило в выделенном помещении. Здесь имеет место эффект кооперации: отдельные однородные операции легче и быстрее выполнять совместно, поэтому во всех городах было создано множество «рабочих домов», в которых участники объединены по артельному принципу. Члены таких коллективов далеко не всегда родственники, чаще близкие знакомые, соседи (что более всего характерно именно для артельной организации труда). Это создает основу для артельной кооперации в рамках распределенных мануфактур, что нам представляется одним из ключевых факторов устойчивости и жизнеспособности этого вида промыслов населения.

6. Распространенный рынок и торговля на дальние расстояния. Реализация готовых изделий (розничная и оптовая продажа) осуществляется не только на местных рынках, но приобретает региональный и даже межстрановой характер. В городах созданы коалиции («кланы») торговцев готовыми изделиями, которые одновременно находятся между собой и в тесной кооперации, и в жесткой конкуренции, не пускают чужих, активно развивают оптовую торговлю на дальние расстояния (в пределах страны и за границей). Этот компонент «рассеянной мануфактуры» связан со многими другими видами предпринимательской активности населения. Их несколько категорий. Во-первых, это поставщики сырья (меди, серебра, кожи, меха, пуха, запчастей для часов). Во-вторых, это важные оптовые покупатели, в качестве которых нередко выступают крупные организации разной формы собственности, в том числе, например, Русская православная церковь или государственные военные ведомства. В-третьих, это коммивояжеры — распространители продукции, среди которых, в частности, цыгане, китайские торговцы, отходники-вахтовики, специализированные интернет-продавцы. Наконец, в-четвертых, это те, кто предоставляет дополнительные услуги, прежде всего транспортные: дальнобойщики, частные перевозчики, местные фирмы такси.

Указанные особенности могут выступать диагностическими признаками при поиске, выявлении и описании аналогичных рас-

предельных производств в других малых городах страны. И в самое последнее время мы предприняли поиски таких «рассеянных мануфактур» по всей территории России, при этом обращая особое внимание на многочисленные моногорода, где, как известно [Тургель, 2014], сохраняется очень неблагоприятная социально-экономическая ситуация и население вынуждено массово искать источники дохода помимо местной экономики, которой почти нет; при этом большинство моногородов отличаются ресурсной специализацией, уникальностью технологий и производимой продукции.

8.5. Концепция промысловой и технологической уникальности

Важно отметить следующее: выделенные особенности появившихся *de novo* всего три десятилетия назад мануфактур фиксируют значение местности (территории) и хозяйственно-экономических практик (промыслов) населения для развития определенных экономических институтов. Считаю, что имеет значение характеристика территории и промысла по степени их уникальности. Под уникальностью локальной территории и промыслов я понимаю редкость, единичность или особые редкие качества какого-либо вида местных ресурсов, используемых в качестве сырья для производства; промысел может быть уникален в силу давних исторических традиций (никто и нигде или редко где это делает) в производстве тех местных изделий, которые и создают конкурентное преимущество членам местного общества.

Типичность местной территории и типичность практик (неразличимость со многими другими территориями и неотличимость от аналогичных промыслов) определяют условия для массового (индустриального или конвейерного) производства. Уникальность территории по ресурсам (сырью), по развитым на территории практикам и глубине локальной исторической традиции, как и уникальность самих хозяйственно-экономических практик (промыслов), определяет условия и возможность развития современной «рассеянной мануфактуры». При этом допускаю, что, скорее всего, это следует называть не развитием *de novo*, а процессом восстановления некогда

оставленного/забытого способа организации местных промыслов населения.

На основе высказанных общих соображений можно предложить феноменологическую концепцию развития хозяйственно-экономических практик населения, отталкиваясь от ресурсных и исторических особенностей территории и распространенности вида промысла. Она представлена на рис. 8.1. По горизонтальной оси выделены значения степени уникальности (точнее, редкости) вида промысла, по вертикальной оси — степень уникальности местной территории по ресурсам и/или традиционным экономическим практикам. Уникальность как территории, так и промыслов определяет путь развития к «рассеянной мануфактуре» или, что вероятнее, к длительному сохранению архаических экономических институтов в некоторых местностях (что также является консервацией архаических практик во времени и пространстве). Противоположная тенденция — движение к неразличимости, одинаковости территорий по природно-климатическим условиям (ресурсам) и ординарности истории хозяйственного развития территории и однородности видов промыслов — определяет путь движения к массовому производству, индустрии, конвейеру.

Замечу, что в этом же пространстве координат «территория — промыслы» могут быть выделены и другие виды хозяйственно-экономических практик. Распространенные (неуникальные) практики, реализуемые на территории с уникальными характеристиками по ресурсам (сырью), создают путь развития института многообразных кустарных промыслов. Это позволяет объяснить, почему при столь мощном развитии кустарных промыслов в имперской России и в ранние советские годы отдельные губернии, а в них и соседние уезды столь сильно различались по видам кустарных промыслов (см., например: [Кулишер, 2004, с. 362–363]): в одном уезде изготавливали только горшки и другую глиняную посуду, в другом — только осино-вые ложки, в третьем — рубили строевой лес и сплавляли его по рекам, а в четвертом (при тех же условиях) занимались лишь отхожим промыслом и т.п. (например, [Владимирский, 1927]). Повсеместно локальные ресурсные и природно-климатические особенности территории создавали какое-то минимальное конкурентное преиму-

щество местным обществам сравнительно с их ближайшими соседями.

В противоположность этому уникальность промыслов населения на территории, которая сама по себе не обладает исключительными характеристиками (например, не имеет особо важных ресурсов), определяет путь развития так называемых народных художественных промыслов. Таковы все современные, ассоциируемые с «промыслами», народные ремесла художественной направленности [Павлов, Селеев, 2015, с. 30–31]. Это, например, лаковые миниатюры Федоскино, Палеха, росписи Хохломы, Мезени и Лешуконья, Каргопольская и Петровская, Дымковская и Гуслицкая глиняная игрушка, расписная керамика Гжели.

Таким образом, феномен современной «рассеянной мануфактуры» определяется уникальностью локальной территории и/или уникальностью хозяйственно-экономических практик (промыслов). На рис. 8.1 обозначены толстыми стрелками альтернативные пути развития, тонкими — вероятные переходы от одного типа производства к другому. Предполагаю, что существующие ныне архаические «рассеянные мануфактуры» не могут непосредственно переходить в индустриальное конвейерное производство (стрелка разорвана). Мне представляется, что причины и условия развития этих типов институтов разные.

На рис. 8.1 также указано условное расположение в выделенных координатах «территории — промыслы» вышеописанных «рассеянных мануфактур». Мануфактуры Урюпинска, Новохопёрска и Лабинска в известной мере менее уникальны по хозяйственно-экономическим практикам населения, но более уникальны по территории (ресурсам); Ростов Великий и Кимры, напротив, уникальны по практикам (промыслам) и менее уникальны по территории (ресурсам, сырью). Углич в этом отношении уникален как по ресурсам (отдельные комплектующие к часам имелись только в городе), так и по промысловым практикам (специалисты-часовщики). Вообще говоря, «рассеянная мануфактура» может захватывать как область, отмеченную этикеткой «кустарные промыслы», так и область «народные художественные промыслы».

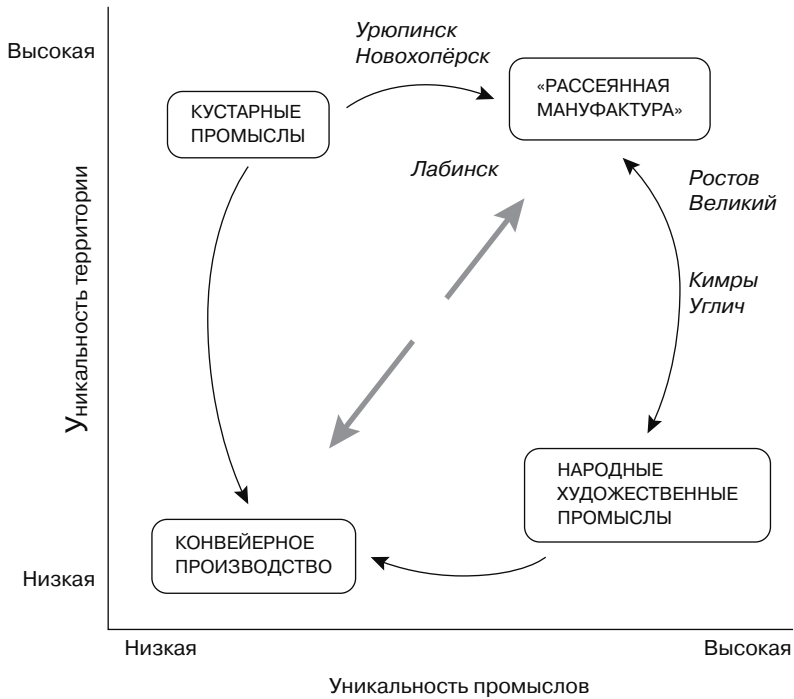

Рис. 8.1. Пути развития хозяйственно-экономических институтов в рамках концепции уникальности территории и/или промыслов

Источник: [Plusnin, Kordonsky, 2020, p. 48].

8.6. О причинах реновации архаических экономических институтов — отходничества и «рассеянных мануфактур»

Описанные два вида хозяйственно-экономических практик провинциального населения находятся преимущественно в неформальном и теневом сегментах экономики и никак не фиксируются официально. Отходничество на 2/3 и на 3/4 в разных видах активности находится в тени. Почти вся производственная и торговая деятельность населения в рамках «рассеянной мануфактуры» носит нефор-

мальный характер за весьма редкими исключениями. Когда на базе домохозяйств «рассеянной мануфактуры» концентрируется, «сгущается» мануфактура классическая, то такие предприятия по необходимости вынуждены хотя бы часть производства и продукции «показывать» в официальной отчетности. Но пока промысел носит характер рассеянного, или отхожего, доход от производства является доходом в личном подсобном хозяйстве, он никем и нигде не учитывается. Обменные отношения между исполнителями отдельных операций в «мануфактуре» крайне редко оформляются официально. Почти никогда не оформляются отношения в артели отходников. Хотя часть артельщиков регистрируются в качестве индивидуальных предпринимателей, но делается это только в силу необходимости. Частные предприятия создаются также для продажи мануфактурных изделий на международном рынке (таковые имеются во всех городах). Объемы сырья и производства, стоимость произведенной продукции, торговый оборот и количество людей, участвующих в распределенном производстве, не зафиксированы и не учитываются ни в муниципальных учетно-отчетных данных, ни тем более в государственной статистике.

Необходимо отметить одну важную особенность отходнической активности и «рассеянных мануфактур»: такие виды промыслов возникли *de novo* в начале 1990-х годов и продолжают существовать в провинции в селах и в малых городах. В крупных городах мы повсеместно наблюдаем теньевую «гаражную экономику», как форму постцеховой организации производства, но здесь отсутствуют и отход, и «рассеянные мануфактуры».

Можно выделить несколько причин для объяснения феноменов возобновления и распространенности отходничества и «рассеянных мануфактур». Первой (спусковой) причиной стала та критическая ситуация, которая сложилась в малых городах в начале 1990-х годов и поставила население в особое положение в сравнении с жителями крупных городов и сельской местности. В отличие от крупных городов, в малых городах буквально одновременно развалились немногие существовавшие с советского времени градообразующие предприятия, и жители массово лишились работы и возможностей ее найти в своей местности. В отличие же от сельской округи, боль-

шинство домохозяйств в малом городе не могло сразу перейти на натуральное самообеспечение в силу отсутствия или недостаточности приусадебных участков. Поэтому основными способами срочной адаптации жителей малых городов выступили такие архаические формы, как отхожие промыслы (они и возникли-то прежде всего в малых городах и лишь позже распространились в сельскую округу) и переход к артельному труду на соседско-родственной основе с использованием уникальных местных ресурсов или технологий изготовления уникальных изделий.

Последний способ жизнеобеспечения в некоторых малых городах достаточно быстро развился в «рассеянную мануфактуру» — столь же архаическую форму промысловой организации хозяйственно-экономической жизни, как и отходничество. Впрочем, надо отметить, что эти две, по своей сути, дополнительные формы экономического поведения населения в России всегда развивались совместно в одной и той же провинции (ср.: [Минц, 1926; Владимирский, 1927; Shanin, 1972; Burds, 1998]).

Вторая причина, обусловившая, в частности, теневой характер как «рассеянных мануфактур», так и отходничества, видится во внутренней политике государства (о чем специально писал С.Г. Кордонский [Kordonsky, 2016; 2018]). Предполагаю, что основным фактором развития «рассеянной мануфактуры» и широкого распространения отходничества как архаических экономических институтов является чрезмерное регулирующее воздействие государства на малый бизнес. Как известно, такое воздействие практически всегда оказывается «ингибитором» нового бизнеса [Чепуренко, 2008], а с течением времени заставляет уходить в тень или сворачивать и существующий малый бизнес, особенно в провинции, в малых городах и их сельской округе [Plusnin, Slobodskoy-Plusnin 2013; Chepurenko, 2019]. В результате этого складывающиеся провинциальные «рассеянные мануфактуры» и отхожий промысел являются двумя типологически разными ответами активного самостоятельного и предприимчивого населения на усиливающийся контроль со стороны «сосредотачивающегося государства» — в первом случае бегство на частное подворье и в «рабочий дом» или, во втором случае, бегство вон из родного города/деревни. Потенциальные местные предприниматели

выбирают одно из двух зол, но в обоих случаях предпочитают избегание преодолению.

Иных значимых причин возобновления в российской провинции таких архаических экономических институтов, как «рассеянные мануфактуры» и отходничество, я не вижу. Эти же две (недостаточный местный рынок труда и чрезмерное регулирующее воздействие государства на местную предпринимательскую активность) взаимосвязаны как побудительная и провоцирующая причины, вследствие чего эффект их совместного действия аккумулируется.

Несомненно, существуют местные условия, выступающие дополнительными факторами, стимулирующими или ингибирующими развитие архаических форм, особенно «рассеянных мануфактур», в противном случае мы бы наблюдали подобные формы повсюду, как это имеет место в отношении современного отходничества в российской провинции. Между тем, в отличие от массового отхода, «рассеянные мануфактуры» относительно редки. Причина заключается как раз в наличии или отсутствии уникальных ресурсов и уникальных технологий изготовления товаров, обеспечивающих местному обществу конкурентные преимущества перед соседями. Однако в данном случае уникальность местных ресурсов и/или технологий выступает в качестве необходимого условия, а не причины развития.

Глава 9

ТИПЫ ОБЩЕСТВ И ВИДЫ ПРОМЫСЛОВ

В заключительной главе я возвращаюсь к обсуждению хозяйственно-экономических практик домохозяйств в контексте соотношения их с типологией обществ, описанной в главе 1. Как соотносятся установленные выше типы локальных обществ с разными видами неформальных экономических практик, которые мы здесь обнаруживаем? Безусловно, в любом местном обществе имеются, помимо всегдашней, обязательной сферы неформальной экономики, и все основные сегменты местной формальной экономики — бюджетная, материальное производство и услуги. Но в случае «первой экономики» типологические различия между отдельными местными обществами проявляются только в соотношении численности работников и организаций в разных сферах и сегментах экономики. Различия могут быть критически большими, но они только количественные. Не так с неформальной, «второй экономикой». Не все вышеописанные виды промыслов имеются в каждом обществе. Особенно «рассеянные мануфактуры», обнаруженные нами в небольшом количестве обществ, и «гаражники». Это особые виды практик, требующие сочетания специфических местных условий для того, чтобы они здесь возникли. Выше я эти условия зафиксировал. Отходники, возродившиеся всего лишь 30 лет назад, стали повсеместны только последнее десятилетие. Поэтому их относительное количество и локальное значение отходничества очень разнятся от места к месту. Наоборот, домашние промыслы развиты повсеместно и существовали всегда; различия имеются в масштабах и видах привлекаемых ресурсов. Но и эти различия бывают велики.

Поэтому, когда возникает вопрос о том, как соотносятся типы локальных обществ и экономическое поведение населения, речь идет

прежде всего о неформальных экономических практиках. Так же очевидно, что когда говорим о представленности отдельных практик в совокупности местных обществ нескольких типов, имеется в виду не наличие или отсутствие каких-то видов практик, а только лишь большая или меньшая выраженность того или иного вида экономической активности в разных типах обществ. Необходимо уточнить, что в каждом из шести установленных типов местных обществ представлены почти все виды экономической активности. Но в одних обществах они манифестируют, в других депрессивны или рудиментарны, в-третьих же какие-то промыслы вовсе отсутствуют. Именно такую диспропорцию видов экономической активности и необходимо обсудить в контексте типологии локальных обществ.

В табл. 9.1 я привожу мои оценки выраженности каждого из видов экономической активности, описываемых в предыдущих параграфах, в каждом из типов локальных обществ (в данном случае используется дифференциация на шесть типов, без объединения промежуточных типов обществ с целью более детализированного описания как формальной местной экономики, так и неформальных промысловых практик). Как получены эти оценки? Я проанализировал все 142 местных общества из основного списка (см. [Плюсин, 2022, с. 91–96]) и оценил степени выраженности неформальных экономических практик относительно некоего субъективно принятого мной среднего уровня, основанного, конечно, на эмпирических данных.

Выявить особенности развития официальной местной экономики можно, кроме непосредственного наблюдения, на основе экспертных оценок и анализа данных муниципальной отчетности, которая представлена на официальных сайтах администраций районов и городских округов. Экспертные оценки сделаны для каждого сегмента экономики в каждом «списочном» обществе и усреднены по типам обществ. Они представлены в виде долей от единицы. Средние значения соответствуют 0,5–0,6 в случае, когда данный вид практики имеет место или распространен, но не является массовым. Значению «1,0» соответствует массовость конкретного вида экономических практик во всех без исключения местных обществах

Таблица 9.1. Представленность отдельных хозяйственно-экономических сфер в разных типах обществ (в долях единицы, от 0 до 1; выделены массовые сферы экономики)

Тип, количество местных обществ	Доля трудоспособного населения вне местной экономики, %	Бюджетники	Промышленность	Малое предпринимательство	«Гаражники»	Домашние промыслы	«Рассеянные мануфактуры»	Отходники
Изолированные естественного развития, N = 26	44	0,9	0,4	0,5	0,2	1,0	0	0,9
Изолированные принудительного развития, N = 15	38	0,5	0,5	0,5	0,4	0,8	0	0,6
Ординарное естественного развития, N = 45	34	0,9	0,4	0,5	0,3	0,5	0,1	0,5
Ординарное принудительного развития, N = 21	42	0,8	0,4	0,5	0,6	0,6	0,1	0,5
Турбулентное естественного развития, N = 18	33	0,3	0,8	0,8	0,8	1,0	0,1	0,3
Турбулентное принудительного развития, N = 17	24	0,4	0,5	0,8	0,7	0,4	0	0,2

одного типа. Значение «0» означает отсутствие этого вида практики во всех обследованных обществах конкретного типа, но такое зафиксировано только для «рассеянных мануфактур».

В табл. 9.1 указана также доля трудоспособного населения, не занятого в местной экономике, по данным муниципальной отчетности. Это либо различные категории неработающего населения (например, женщины-домохозяйки или социально незащищенные «деклассированные»), либо — в большинстве своем — незарегистрированные самозанятые в разного рода домашних промыслах или отходники, уехавшие на работу в другие регионы страны. Кроме того, в качестве иллюстраций типологических особенностей местной экономики я выбрал по несколько локальных сообществ в каждом из типов.

Рис. 9.1. Расположение местных обществ, для которых в параграфах 9.1–9.5 приводятся примеры описания неформальных экономических практик домохозяйств. Разными значками помечены разные типы обществ: кружок — изолированные, квадрат — «ординарные» и ромб — «турбулентные» общества

Беглый взгляд на табл. 9.1 показывает, что имеют место существенные различия между всеми типами обществ, кроме двух обществ «ординарного» типа, как естественного, так и принудительно-

го пути развития, — структура их экономик практически одинакова по всем выделенным показателям — и по данным муниципальной официальной отчетности, и по экспертным оценкам, полученным в результате непосредственных наблюдений. Это, впрочем, объяснимо, поскольку и основания для дифференциации «ординарных» обществ на естественно или принудительно развивающиеся не столь четкие, как в случае изолированных и турбулентных обществ. В следующем параграфе, основываясь на материалах табл. 9.1, я опишу выразительные особенности местной экономики и неформальных практик отдельно для каждого типа обществ.

В следующих пяти параграфах главы я, помимо общего описания хозяйственно-экономических практик населения каждого типа провинциальных обществ, буду приводить по 2–3 примера структуры промысловой активности в конкретных местных обществах. Таких примеров 14. Для ориентировки читателя на рис. 9.1 показано местоположение этих сообществ.

9.1. Тип изолированных обществ естественного развития

Особенностью изолированных обществ естественного развития является низкая доля трудоспособного населения в составе всего населения вследствие двух основных взаимосвязанных причин: миграционного оттока семей в трудоспособном возрасте из-за нехватки рабочих мест и значительной доли пенсионеров (достигающей более $1/3$ всего населения). Эта особенность дополняется важным и повсеместным перекосом в структуре занятости: в местной экономике заняты всего лишь от $1/3$ до $1/5$ трудоспособного населения (в среднем 56%). Остальное трудоспособное население — до 40–60% и преимущественно мужчины — находится вне местной экономики, оно составляет «армию» отходников или незарегистрированных теневых предпринимателей, тех, кто преимущественно и составляет так называемое самозанятое население. Доля отходников, однако, здесь поменьше, чем в других типах обществ, и они выезжают на вахты на более длительные сроки по причине сравнительной изолированности местных обществ этого типа, следовательно, их низкой транс-

портной доступности. Теневое предпринимательство широко распространено в силу того, что домашние промыслы основаны почти исключительно на природных ресурсах и домашнем хозяйстве (личном подсобном хозяйстве, или, реже, крестьянских фермерских хозяйствах). Второй важной причиной тенизации предпринимательства являются значительные реципрокные альтруистические связи в таких обществах (высокая доля родственников и близких соседей, связанных узами кумовства, взаимной зависимости и трудовой поруки, артельными отношениями).

Немалая часть добываемых ресурсов значительно превосходит собственное потребление и требует реализации на рынке. Кроме того, в таких обществах распространены промыслы на запрещенных к использованию ресурсах, например, добыча или выращивание женьшеня, конопли, корней лекарственных растений или грибов, добыча особо охраняемых видов животных, таких как тигры, снежные барсы, промысел на природных объектах, например «моржовая кость» (бивни мамонта), или археологических объектах, например «черные копатели». Поскольку стоимость такой добычи в случае, если она становится реализованной продукцией, превосходит доходы от официальных заработков в сотни и тысячи раз, а возможности государственного контроля в изолированных обществах крайне невелики, то очень многие жители соблазняются легкой добычей и возможностью быстрого дохода. Формируются группы специализированных *добытчиков*, «неформальных предпринимателей», занятых добычей, переработкой и утилизацией такой продукции. Невозможно определить масштабы данной деятельности, но оценки, основанные на косвенных признаках, свидетельствуют об очень широкой ее распространенности (см., например, недавнее, проведенное в 2018–2019 гг. сплошное исследование браконьерских охотничьих промыслов в Республике Алтай В.М. Плюснина и А.А. Позаненко [2020] Нет в списке лит-ры!). При этом в изолированных обществах имеются, наряду с теневыми, и зарегистрированные индивидуальные предприниматели, и предприятия среднего и малого бизнеса.

В качестве характерного примера структуры экономики в этом типе обществ я выбрал местные общества севера и юга Европейской

России (Кологрив в Костромской области и Гергебиль в Дагестане) и в Сибири (Качуг в Иркутской области). Все они имеют небольшую численность населения, обычную для этого типа изолированных сообществ, — от 6 тыс. в Кологриве до 17 тыс. в Качуге и до 20 тыс. в Гергебиле. Доля трудоспособного населения составляет везде менее половины общей численности (43–47%), что обусловлено вышеуказанными причинами. И в формальной местной экономике заняты лишь от 1/2 (в Качуге) до 2/3 (в Кологриве и Гергебиле) всего трудоспособного населения (если же считать относительно всего экономически активного населения, численность которого больше численности трудоспособного за счет работающих пенсионеров, то доля занятых в местной экономике снизится во всех обществах до 1/2). Соответственно, в изолированных обществах от 1/3 до 1/2 всех трудоспособных жителей, в основном мужчин, находятся либо в отхожих промыслах в крупных городах и промышленных центрах Арктики, Крайнего Севера и Сибири, либо на морских рыбных промыслах или промыслах природных ресурсов в окрестной тайге или в горах.

Население, официально занятое в местной экономике, очень неравномерно распределено по отдельным сферам. Основу занятости составляет бюджетная сфера (образование, здравоохранение, культура, спорт, государственное и муниципальное управление, безопасность) — это более половины всех занятых (52–54%) и здесь абсолютно доминируют женщины. Сильно варьирует от общества к обществу занятость в материальном производстве и сфере услуг (это характерно для всех, не только для трех описываемых обществ). Сфера материального производства (сельское и лесное хозяйство, промышленность, строительство, генерация энергии, транспорт и связь) составляет в одном случае 2/3 занятых (Гергебиль, за счет развитого сельского хозяйства), во втором 2/5 (Кологрив, здесь доминирует лесное хозяйство) и в третьем случае всего 1/6 (Качуг, также лесное хозяйство, но вследствие значительного количества исправительных колоний на территории района). Повсеместно слабо развита сфера услуг. Она составляет от 1/4 и 1/5 и всего до 1/10 (в Гергебиле) всех занятых, потому что большая часть услуг — это прежде всего торговля и предоставление бытовых услуг, которые во многих слу-

чаях осуществляются на дому, то есть неформально (особенно, как видим, на юге страны). Очень мало или вовсе нет услуг питания, гостиничных, многих бытовых услуг. Совсем мало информационных и финансовых услуг.

Обычно нет крупных предприятий, или оно единственное на весь район. В каждом районе действуют не более десятка предприятий среднего бизнеса (в Гергебиле и Качуге всего только по три). Количество официально зарегистрированных предприятий малого бизнеса столь же мало. А количество микропредприятий и индивидуальных предпринимателей сильно разнится по причинам разного характера основной экономической деятельности населения в разных сообществах. В Гергебиле много предпринимателей заняты в сельском хозяйстве, в Кологриве — в лесном хозяйстве. В том и другом случаях их доля в пересчете на 1000 трудоспособного населения составляет более 40. Наоборот, в Качуге численность зарегистрированных индивидуальных предпринимателей непропорционально мала (всего 9,3 на 1000 трудоспособных). Это почти всегда свидетельствует о том, что большинство таких предпринимателей действуют в тени.

Распределение экономически активного населения по видам неформальной экономики в обществах этого типа специфично и близко к тому, что наблюдается обычно в сельской местности. Все домохозяйства, без всякого исключения, ведут промысел либо на природных ресурсах (в случае Кологрива и Качуга — тайги и реки), либо большинство домохозяйств имеют личное подсобное хозяйство, достаточное для автономного жизнеобеспечения (что особенно характерно для южных обществ, в частности Гергебиля). Третий источник дохода во всех обществах — отходничество, массовая трудовая возвратная миграция либо в ближайшие крупные города региона, либо дальше — на «севера», в промышленные центры Крайнего Севера и Сибири (Гергебиль — это Махачкала, Москва и, реже, крупные города Северного Кавказа; Качуг — Иркутск и север или Дальний Восток; Кологрив — Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Нижний Новгород). «Гаражной экономики» и «рассеянных мануфактур» в таких обществах нет.

В целом значительная доля доходов домохозяйств — это неформальные домашние, теневые и криминальные промыслы. По моим

оценкам, неформальные доходы в 2–3 раза превосходят официальные; отдельные домохозяйства в таких обществах имеют соотношение официальных и неформальных доходов от 1 : 10 до 1 : 100 и более. Например, промыслы на лесных ресурсах в Кологриве и Качуге (древесина, дрова, дикоросы) или на сельскохозяйственных культурах в Гергebile (фруктовые сады, овцеводство) могут приносить в год до 300 тыс. и свыше 1 млн руб., тогда как официальный денежный доход семьи с двумя работающими членами составляет в год всего 250–300 тыс. руб. (на 2017–2022 гг.).

9.2. Тип изолированных обществ принудительного развития

Особенностью изолированных обществ принудительного развития является отсутствие выраженного своеобразия как неформальных экономических практик, так и занятости в местной экономике. Из видов неформальной экономики развиты только домашние промыслы. В 15 наблюдавшихся обществах — почти все они располагаются в Сибири — не менее чем в половине основу жизнеобеспечения составляют промыслы на природных ресурсах (море, тайга, тундра), а население другой половины обществ имеет развитое отгонное животноводство (оленоводство, коневодство, овцеводство); многие совмещают то и другое. Часть населения — молодые мужчины — это отходники, мигрируют преимущественно на дальние расстояния и на долгие сроки (до года и более). «Гаражная экономика» присутствует в самых зачаточных формах и только в нескольких обществах. В этом отношении разницы с вышеописанным первым типом изолированных обществ нет.

Отличия заключаются в структуре занятости в местной экономике по отраслям. Прежде всего, в этих обществах имеется наибольшая доля населения, занятого в экономике — она составляет более 63%, а в некоторых обществах — более 70%; это обусловлено значительным количеством работающих пенсионеров, поскольку многие из них достаточно молоды, так как выходят на пенсию в 50–55 лет по «северным льготам». Кроме того, многие общества данного типа северные, люди пенсионного возраста стремятся выехать на юг, на

«материк», поэтому доля пенсионеров небольшая. Доля занятых в местной экономике составляет обычные для нынешних времен 2/3 трудоспособного населения. Структура занятости по основным отраслям сильно отличает эти общества от первого типа изолированных обществ: по 25% заняты в бюджетной сфере и в сфере услуг, до 50% — в материальном производстве. Количество индивидуальных предпринимателей, малых и средних предприятий такое же, как в других изолированных обществах. В качестве примера рассмотрим особенности экономики в трех сибирских обществах (Крайний Север, Дальний Восток, Алтай).

Выразительное своеобразие показывает арктическое общество Анабар (Якутия, река Анабар, побережье моря Лаптевых), где обитает небольшое по численности население (около 3400 человек), представленное в основном народами Крайнего Севера, долганами и эвенками. Сконцентрировано население всего в двух поселках. Основу местной экономики составляет оленеводство и морское рыболовство, где заняты, однако, всего менее 5% трудоспособного населения. Вся же остальная сфера материального производства — а это всего лишь 10% трудоспособных — это государственные предприятия по обеспечению населения электричеством, газом, теплом, водой, связью и транспортом (авиационное сообщение). Если принять во внимание, что в бюджетной сфере задействован еще 71% занятого в экономике населения, то оказывается, что малое предпринимательство охватывает лишь 14% и почти все 77 индивидуальных предпринимателей предоставляют населению торговые услуги, а наемных работников здесь крошечные 3%.

Действительно, Анабарское местное общество в значительной своей части является нахлебником государства, все производство и значительная часть повседневного жизнеобеспечения зависят от «летнего завоза» продуктов и топлива с «материка», да немного зимой по «зимникам». Важную часть экономической активности такого общества составляют и «промыслы на государстве», прежде всего связанные с получением пособий по безработице и инвалидности (которые, конечно же, носят «профессиональный» характер), промыслах на детях, пособиях и льготах малочисленных народов (эвенки, эвены, долганы), а также с попытками незаконного получения

таких льгот со стороны представителей «многочисленных народов», которых здесь меньшинство, — якутов и русских. Конечно, при всем том население полностью обеспечивает себя продукцией охотничьего промысла (здесь более 1000 охотников, то есть один-два человека в каждом домохозяйстве!), и половина населения обеспечивается рыбой и продукцией оленеводства. Но вся остальная продукция доставляется извне, за 2–4 тыс. км по «зимнику» или Северным морским путем. Здесь имеется (и, по-видимому, распространен) также редкий полукриминальный промысел: добыча «мамонтовой кости», бивней мамонтов, которых, по старинным и по современным оценкам, ежегодно добывается в арктической зоне Восточной Сибири по 10–20 и более тонн (см.: [Зензинов, 1914, с. 64–65; Киприянов, 2018, с. 1–8]), и весь этот экзотический товар контрабандно переправляется на Большую землю.

Иная структура экономики на другом конце страны, на юге Приморья, в Ольгинском обществе (см. также главу 5 параграф 5.4). Формальная местная экономика представлена значительной долей — 80% от всего трудоспособного (5 тыс. человек) — занятого населения. Более половины из них заняты в материальном производстве. Причина в том, что здесь имеется достаточно крупный морской порт и многие работники нанимаются в команды рыбаков на траловом рыболовном флоте; они нанимаются на длительные вахты, поэтому и количество самодельных отходников невелико. Кроме того, в Ольгинском районе долгое время велись (что ныне уже прекращено) значительные лесоразработки с отправкой леса-кругляка и пиломатериалов в Китай. И есть некоторое количество военных моряков и пограничников. Бюджетная сфера составляет до 1/3 занятого населения, а вот сфера услуг неразвита, как и в большинстве изолированных обществ. Зарегистрированная предпринимательская активность высока: каждые шесть человек из ста трудоспособных являются официальными предпринимателями (каждая девятая семья — это предприниматели).

Между тем гораздо выше активность населения в сфере неформальной экономики. Все домохозяйства заняты промыслами на ресурсах леса (охота, сбор дикоросов, заготовка леса и дров) и моря (рыба, крабы, моллюски, водоросли); при этом развиты как промыс-

лы для прокорма (охота и рыбалка, добыча морских гадов, сбор ягод и грибов для себя), так и профессиональные промыслы тех же ресурсов, но идущих на экспорт в обе Кореи, Китай и Японию. В последнем случае особенное значение имеют такие промыслы, как шишкование (заготовка кедровых орехов), промысел женьшеня (а чаще выращивание его на потаенных таежных делянках), заготовка лекарственных растений (лимонник), трав (черемша, папоротник), лекарственных грибов (рейша, мацутаки). Весьма распространены и криминальные промыслы на тех же природных ресурсах: выращивание на лесных делянках конопли, браконьерство морепродуктов и охота на морских животных (морские котики), охота на заповедных территориях, контрабанда круглой древесины и пиломатериалов. При изобилии сразу двух источников природных ресурсов — тайги и моря — местное население мало усилий прилагает для производства продукции на придомовых усадьбах.

Третий пример предоставляет местное общество в центре Западной Сибири, на Алтае — Чарышское (юг Алтайского края). Оно расположено в предгорном районе Алтая, значительную территорию занимают леса на невысоких горах, но основное богатство — это сельскохозяйственные земли — горные черноземы. Поэтому главные виды продукции — это растениеводство, пчеловодство и овощеводство, охота, мараловодство и мясомолочное животноводство. Все то, что производится в местной экономике, производят и сами жители на своих подворьях или добывают в тайге. Поэтому в местной экономике занято чуть более 1/2 всего трудоспособного населения, а более половины экономически активного населения (включая часть пенсионеров) — это самозанятые в личном подсобном хозяйстве и в лесных промыслах. То и другое очень широко распространено: практически все население имеет подсобное хозяйство и занимается в горной тайге охотой, сбором дикоросов, лекарственных трав, шишкованием кедрового ореха, добычей пантов марала и других лекарственных животных продуктов (струя кабарги, барсучий жир, желчь и жир медведя и проч.). Распространен и криминальный промысел. Помимо развитой сферы материального производства, имеет развитие и сфера услуг, связанная с обслуживанием многочисленных туристов, идущих в горную тайгу или сплавающихся по

горным рекам. В связи с возрастающим значением промысла на людях (туристах) получила некоторое зачаточное развитие и «гаражная экономика». Поскольку местное общество непосредственно граничит с новообразованным государством Казахстан, но фактически границы нет, то неплохо развит контрабандный промысел. Однако более конкретной информации об этом виде промысла у меня нет.

Таким образом, видим, что некоторая часть изолированных обществ принудительного типа развития имеет экономику, целиком зависимую от государства (Анабар, а также Тура, Эссо), другие имеют неформальные доходы от богатых природных ресурсов и одновременно развитое материальное производство (Ольга, а также Преображение, Сузун), третьи, расположенные в природных зонах, благоприятных для ведения сельского хозяйства, основывают экономику на личных подсобных хозяйствах и использовании ресурсов тайги (Чарышское, Амурзет, Ленинское, Курмач-Байгол).

Для всех обществ изолированного принудительного типа характерно интенсивное использование населением богатых природных ресурсов, которыми оно имеет возможность пользоваться как по естественному праву, так и нелегально. Вторым общим компонентом местной экономики этих обществ является очень значительная государственная поддержка или развитое материальное производство на основе природных же ресурсов (сельское и лесное хозяйство, рыболовство, животноводство). В первом случае их экономика идентична экономике изолированных обществ естественного развития, во втором — совсем нет. Важно отметить большое разнообразие экономических практик и выраженную специализацию изолированных сообществ, что определяется здесь факторами эколого-географическими.

9.3. Типы «ординарных» обществ естественного и принудительного развития

Рассматривая местную экономику «ординарных» обществ, которые я отнес к промежуточному типу по уровню развития транспортной инфраструктуры, я не обнаружил каких-либо выразительных отличий, а также отличий, обусловленных источником их развития,

естественным или принудительным. Поэтому нет резона рассматривать два этих типа по отдельности. В то же время имеют место различия в составе — но не в структуре — неформальных экономических практик между обществами «ординарными» принудительного и естественного развития, что я отметил выше в главе 5, особенно в отношении доступности разных видов ресурсов (табл. 5.1).

Доля трудоспособного населения, занятого в местной экономике, составляет, как и в других типах обществ, от чуть более 1/2 и до 2/3. Велика доля бюджетников: их от 1/3 до 1/2 от всех занятых. В силу взаимодействия этих двух показателей — уровня занятости в местной экономике и занятости в бюджетной сфере — сильно варьирует от общества к обществу занятость в материальном производстве и в сфере услуг. Обычна и объяснима ситуация, когда снижение доли занятых в местной экономике от всех трудоспособных сопровождается одновременным повышением доли бюджетников и сокращением занятости в материальном производстве. Нехватка рабочих мест на производстве «вымывает» потенциальных работников в отхожие промыслы, это еще больше сокращает местную экономику, а в бюджетной сфере занятость остается неизменно высокой.

Умеренно развито малое предпринимательство — это 1/3 всех занятых в местной экономике. И официально зарегистрированных предпринимателей довольно много: имеется 9–10 предприятий среднего и малого бизнеса в пересчете на каждую 1000 населения, а доля индивидуальных предпринимателей составляет 30–37 человек на 1000 трудоспособных (на каждые 9–10 домохозяйств приходится одно домохозяйство предпринимателей). Однако в этих обществах немало и теневого предпринимательства: примерно столько же или больше людей не регистрируют свой бизнес.

Здесь в некоторой степени уже развивается и «гаражная экономика», преимущественно в обществах принудительного типа. Зафиксированы и «рассеянные мануфактуры», в которых практически все работники находятся в тени. Поскольку здесь распространено как отходничество, так и многие виды домашних промыслов на всех видах ресурсов, то «ординарные» общества нередко имеют неформальную экономику более развитую, нежели формальную. Причины этого я уже ранее неоднократно указывал: экономический про-

вал малых городов в 1990-е, потребовавший экстренного развития всевозможных видов неформальных экономических практик. В результате и до настоящего времени мы наблюдаем сохранение такого положения в большинстве местных обществ, относимых к «ординарным».

В качестве примеров рассмотрю особенности экономики в нескольких обществах «ординарного» типа на севере, в центре и на юге европейской части страны и в Сибири. Два первых из них — Тотьма и Урюпинск — естественного развития, два других — Ардон и Алдан — принудительного развития.

В северных лесах севера Европейской России расположено общество Тотьма (Вологодская область). Большая часть поселений стянута к крупной реке Сухоне, 2/3 всех жителей проживают в 200 небольших деревнях и лесных поселках (лесопункты), в каждом численность не дотягивает и до 100 человек. Подавляющее большинство жителей включены в неформальные экономические практики, преимущественно основывающиеся на ресурсах леса и реки. Домашнее хозяйство развито меньше, хотя и обеспечивает население мясом, молочными продуктами, картофелем, овощами и даже фруктами, а промыслы на дорогах (через район проходит единственная региональная автодорога) практически отсутствуют. Значительная часть трудоспособных мужчин находится на северных вахтах или в отхожих промыслах в крупных городах. Указанные виды неформальных практик есть основа самозанятости половины населения, включая и часть пенсионеров. В местной экономике всего 49% трудоспособных, а бюджетники составляют 40% среди них. При этом основа местной экономики — лесное хозяйство и обработка древесины. Велика численность как индивидуальных предпринимателей (лес и торговля), так и предприятий малого и среднего бизнеса. Такая высокая предпринимательская активность населения весьма характерна для северных традиционных поморских обществ. Люди активны как в формальном, так и в неформальном сегментах экономики.

На юге России в Волгоградской области в лесостепной зоне на реке Хопёр располагается общество Урюпинск, почти 2/3 населения которого сконцентрировано в городе, а сельская округа представлена двумя десятками крупных станиц, в каждой из которых прожива-

ют по 500–1000 жителей, и еще семь десятков хуторов с совсем немногочисленным населением. Ландшафт и особенности географии свидетельствуют о развитом сельском хозяйстве: здесь все домохозяйства, не только хуторские и станичные, но и городские, имеют значительные усадебные участки. Кроме того, повсеместны стада овец, их выращивают даже в городе. Они являются источником дохода для большинства домохозяйств: в Урюпинске имеется «рассеянная мануфактура» по производству изделий из козьего пуха, в которую включено большинство домохозяйств (см. главу 8). Поэтому другие виды неформальных экономик здесь не получили развития: мало отходников, мало зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, немного и предприятий среднего и малого бизнеса. Вся неформальная экономическая активность населения сконцентрирована, помимо пуховой «рассеянной мануфактуры», на домашних промыслах в личном подсобном хозяйстве — в растениеводстве и животноводстве. Совсем мало природных ресурсов, добыча которых может быть источником жизнеобеспечения. В этом обществе лишь до половины населения заняты в местной экономике, где основа — бюджетная сфера (более 40% занятых) и сельское хозяйство, растениеводство. В материальном производстве основу составляют предприятия по переработке сельхозпродукции.

Еще далее к югу, в предгорьях Северного Кавказа на Осетинской наклонной равнине вдоль реки Терек располагается общество Ардон (Северная Осетия), отнесенное мной к «ординарному» типу принудительного развития. Оно образовано в 1824 г. как военное укрепление для охраны дороги, идущей по левому берегу Терека и соединяющейся с Военно-Грузинской дорогой. Исходно это русское казачье поселение. Но сюда же после 1854 г. стали переселяться осетины с гор из Алагирского ущелья. В настоящее время они являются преобладающим населением, а доля русских составляет всего 17%; 32 тыс. населения занимают очень небольшую по российским меркам территорию и 2/3 жителей сконцентрированы в городе, а 1/3 проживает всего в 11 станицах. Почти вся территория занята сельскохозяйственными землями, на которых выращивается единственная культура — кукуруза, используемая для производства спирта. Лишь малая часть населения — менее 1/3 — занята в местной экономике, производ-

ственную основу которой составляет промышленное растениеводство. Из этого небольшого количества занятых почти половину (47%) составляют бюджетники. Развитая сфера услуг — многочисленные торговые точки, транспортные перевозки и такси (извоз).

Однако значительная доля населения имеет источником жизнеобеспечения только собственное подсобное хозяйство, животноводство и овощеводство. Этого не всегда достаточно, потому весьма развиты теневые и криминальные промыслы, например, контрабанда виноматериалов в соседнюю Грузию и из нее, производство и продажа самогона, чачи (виноградный самогон), араки и спирта (из кукурузы), браконьерство, незаконное предоставление услуг, особенно в сфере автоперевозок, туризма, общественного питания и гостиничного бизнеса для туристов. Довольно много и промыслов на государстве; среди прочих получили распространение промыслы на получении невозвращаемых банковских кредитов, кладбищенский, инвалидный, материнский капитал.

На востоке страны, в Сибири, на реке Алдан расположено совсем другое местное общество, хотя и отнесенное мной также к «ординарному» типу принудительного развития. Это общество, созданное в климатически крайне неблагоприятном районе в первой трети XX в. при приисках по добыче золота и слюды и для работы на созданных здесь же предприятиях по их переработке. Поэтому его нынешнее 40-тысячное население — это городские жители (94%), и половина из них (около 16 тыс.) — это работники золотодобывающих предприятий, а также транспортного обеспечения в четырех небольших городах и их спутниках. Более 3/4 всего трудоспособного населения заняты в местной экономике, основа которой — материальное производство (золотодобыча и переработка, лесные разработки и деревообработка). Немало предприятий среднего и малого бизнеса (около 500, то есть одно предприятие на каждые 40 работников). Но при этом более 31% населения работают в бюджетных учреждениях (в здешних городах половина всех семей имеют хотя бы одного взрослого члена — бюджетника).

Район крайне неблагоприятен для ведения сельского хозяйства и только около 5% коренного населения, эвенки, занимаются оленеводством. Хотя многие горожане все же имеют небольшие участки

для выращивания овощей и картофеля. Но неформальная экономика развита совершенно недостаточно для самообеспечения; только незначительная часть сельских жителей в четырех селах обеспечивают себя за счет этого. Главным подспорьем домашних промыслов на основе природных ресурсов являются охота и рыбалка — но всего только подспорьем. Население, помимо занятости в местной экономике, живет также за счет собственной предпринимательской активности — предпринимательством занято каждое десятое домохозяйство. Вахтовый труд (отходничество) не развито. Наоборот, сюда, в Алдан, Томмот и Нижний Куранах едут отходники. Зато развита «гаражная экономика», поскольку большинство населения проживает в многоквартирных домах, поэтому гаражи, используемые для производственных целей, сконцентрированы в гаражно-строительных кооперативах и имеются приемлемые условия для организации здесь разнообразного производства, индивидуального или кооперативного. По сути, только этот вид неформальных промыслов наиболее массовый и прибыльный. В основе же жизнеобеспечения общества — формальная местная экономика.

Как видно из описаний, в обществах «ординарных» — и естественного, и принудительного развития — экономическую основу жизни составляют на равных формальная местная экономика и экономика неформальная. В каких-то обществах неформальная экономика превосходит формальную, если не получила вторую жизнь местная промышленность. Везде велика доля бюджетников, что при значительной численности старшего нетрудоспособного населения (до 1/3 и более) создает повышенную нагрузку на производственный сектор. Бюджеты почти всех этих местных обществ (из четырех описанных кроме Алдана) — на 3/4 дотационные и в значительной степени социально ориентированы: от 2/5 до 3/5 составляют расходы на социальную сферу. Материальное производство основано либо на природных ресурсах (деловая древесина, охота, морская рыбалка, добыча строительных материалов, металлов и энергетических ресурсов), либо на сельскохозяйственном производстве.

Экономическая специализация «ординарных» обществ весьма характерна для большинства из них. Например, туризм и отдыхающие — это специализация обществ Белозерск, Великий Устюг,

Кириллов, Суздаль, Углич. Специализация в агропромышленном производстве — Сураж, Урюпинск, Хвалынский, Ардон, Болгар, Дигора, Лабинск, Маслянино, Новохопёрск, Ханка, Чикола. Преимущественно горнозаводская и энергопроизводящая промышленность — это Алдан, Гурьевск, Гусиноозерск, Кавалерово, Качканар. Хотя везде имеется значительная доля самозанятого населения и, как правило, промыслы разнообразны, но привязаны к основной специализации своего района и основным ресурсам (лес, река, море, агроландшафт, транспортная инфраструктура, туризм, бальнеологические ресурсы).

9.4. Тип «турбулентных» обществ естественного развития

В отличие от предыдущих, общества «турбулентного» типа имеют особенности в структуре неформальной экономики, что определяется, конечно, расположением административного центра и многих деревень на транспортных магистралях. Здесь невелика доля населения, находящегося вне местной экономики, но все же она немалая — до 1/3 и более. Хотя при этом значительная часть работников занята в промышленности, строительстве, на транспорте. Относительно невелика и доля бюджетников — не более 1/5 занятого в местной экономике населения. Таким образом, долевого состава по занятости населения в формальной местной экономике отличается от обществ изолированных и «ординарных» по всем трем компонентам: меньше бюджетников, но больше работников в материальном производстве и сфере услуг.

Здесь развито малое предпринимательство, много не только предприятий малого и среднего бизнеса, но и официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей. Наряду с ними имеется и значительное количество «гаражников», поскольку в центрах таких обществ немало гаражных кооперативов. Соотношение зарегистрированных и неформальных индивидуальных предпринимателей примерно равное (сопоставимое). Здесь так же, как в обществах «ординарных», выявлены несколько «рассеянных мануфактур», где занято население не только административных центров,

но и ближней к ним сельской округи. В то же время мало или вовсе нет отходовников. Причина — развитие местного производства, где и заняты многие потенциальные отходовники.

Характерная особенность этих обществ — развитость домашних промыслов. Однако промысловая активность базируется преимущественно не на природных ресурсах, а на инфраструктурных и хозяйственных: на переработке продукции личных подсобных хозяйств и продаже их на больших дорогах. Придорожная торговля — самая характерная черта неформальных практик населения в этих обществах. По обочинам магистралей выстраиваются местами десятки и сотни «точек», самодельных лотков, на которых выставлены многочисленные продукты собственного изготовления: варенья и маринады, соленья и копчения. Здесь же продается нередко и запрещенная продукция (например, самодельное вино, коньячные спирты и самогон). Имеются также промыслы на людях: предоставление разного рода услуг для проезжающих и отдыхающих.

В качестве яркого примера экономики этого типа обществ воспользуюсь опять материалами по обществу Ростова Великого (Ярославская область). В городе и районе весьма развито промышленное производство. Но в местной экономике занято только 46% трудоспособного населения. При этом доля занятых в промышленности составляет более 4/5 из них; однако все равно по нынешним меркам это много. Причин низкой занятости в местной экономике три: близость большого города Ярославля — всего час езды на автомобиле или поезде — обуславливает значительные масштабы маятниковой миграции, а близость Москвы — всего 3–4 часа езды — обеспечивает краткосрочный отход (то есть недельную или двухнедельную трудовую миграцию). Третья причина малой доли занятых в местной экономике вызвана занятостью множества жителей в «рассеянной мануфактуре» по производству финифти, на базе которой строится здесь почти вся неформальная экономика (см. главу 8). Кроме того, население сельской округи живет промыслами на магистрали М8 «Холмогоры», где предлагает проезжающим продукты собственного производства на подворьях, а также копченую, соленую, вяленую и живую рыбу из озера Неро, и дары окрестных лесов. Кроме того, Ростов — важный туристический город с очень большим протоком

туристов (правда, туризм этот по большей части однодневный). Таким образом, немалая часть населения живет также и промыслами на людях.

Южное общество Темрюк (Краснодарский край) расположено вдоль магистрали, связывающей Ростов-на-Дону и Краснодар с Крымом. До недавних пор это была основная федеральная трасса, по которой перемещался практически весь грузопоток и значительная часть людского потока на полуостров и обратно. Более 70% трудоспособного населения занято в местной экономике, четверть — в бюджетной сфере, но многие и в материальном производстве, поскольку здесь имеется не только промышленность, но также два больших порта на Азовском и Черном морях, транспортный связанный железнодорожный и автомобильный узел, рыболовецкие и рыбоперерабатывающие предприятия, виноградники и производство виноматериалов (на время моих исследований в Темрюкском районе уже существовало четыре предприятия по производству вина и коньяков). В силу развитости как материального производства, так и сферы услуг, вне экономики находятся менее 30% трудоспособного населения. Большинство из них на личном подворье занимаются производством вина и самогона (коньячных спиртов), торговлей ими, наряду с торговлей фруктами, овощами и консервированными продуктами, а также широким предоставлением услуг отдыхающим (гостевые дома, кафе, такси, морские развлечения и проч.). Все это осуществляется без регистрации, в тени, или находится в сфере криминального бизнеса (таковы браконьерство осетровых, «черная археология» и проч.).

Оба приведенных примера характеризуются как развитой местной экономикой (высокотехнологичное промышленное производство, рыбное и сельское хозяйство, морской, железнодорожный и автомобильный транспорт), так и развитой неформальной экономикой, базирующейся сразу на трех видах ресурсов: люди (туристы и отдыхающие), транспортная инфраструктура (железнодорожная и автомагистраль), уникальное местное производство (финифть) или услуги по предоставлению бальнеологических благ (море, целебные грязи). Такая ситуация характерна по крайней мере для 12 из 18 обследованных обществ этого типа.

9.5. Тип «турбулентных» обществ принудительного развития

Сравнительно с другими типами в «турбулентных» обществах принудительного развития менее всего распространена неформальная экономика. Одна из очевидных причин — высокая доля городского населения, которое не всегда имеет возможность заниматься самообеспечением. Многие заняты в формальной экономике. На фоне вполне развитой местной промышленности и особенно сферы услуг и малого предпринимательства здесь самая малая доля людей вне экономики — обычно менее $\frac{1}{4}$, столь же мала и доля бюджетников — около $\frac{1}{5}$ занятых в экономике. В этих обществах основу жизнеобеспечения домохозяйств составляют доходы в формальной экономике — зарплата на предприятиях и жалование в учреждениях.

Дополнительные неформальные доходы может поставлять только «гаражная» деятельность, но и она не столь развита, как в крупных городах. «Рассеянных мануфактур» в таких городах не обнаружено, хотя, представляется, именно здесь — прежде всего в моногородах, которые в подавляющем большинстве относятся как раз к этому типу провинциальных обществ — и должны были бы возникать «мануфактуры». Отходничество представлено совсем мало и даже редко здесь имеет место «вахтовый набор», организуемый по инициативе крупных фирм вроде «Газпрома», «Сибнефти» и проч. Домашние промыслы, направленные на получение дохода, выявляются далеко не везде — обычно местных природных ресурсов совершенно недостаточно для товарного производства, даже потребление самих домохозяйств обеспечивается не в полной мере. Личные подсобные хозяйства невелики и немногочисленны, также недостаточны даже для самообеспечения, на усадьбах редко практикуется производство мяса, молока, овощей, фруктов и корнеплодов на продажу. Имеет место (хотя и вялая) торговля на больших дорогах. Зато распространены промыслы на людях: оказание услуг проезжающим, отдыхающим или туристам, например при пересечении государственной границы или перевозке товаров (так называемые помогайки и камэлы).

В то же время при относительной незначительности — немасовости и нераспространенности — неформальных практик виды

такой активности разнообразны. Возможно, именно в силу изобильности ресурсной базы, эти общества используют сырьевые ресурсы разной природы и разного рода, в том числе не имеющие прямого отношения к ресурсам, необходимым для повседневного жизнеобеспечения. Население «делает бизнес», используя разнообразные ресурсы незаконно (добыча, контрабанда, криминальная активность). Помимо прочего, неформальная экономическая активность населения подавлена и близостью крупных городов, региональных центров, куда немало жителей ездят на работу не в качестве отходников, а как маятниковые мигранты (таковы 11 из 17 магистральных городов обществ «турбулентного» принудительного типа).

В качестве примера рассмотрим два общества, схожих по положению относительно своих региональных центров, по транспортной инфраструктуре и по численности населения, но территориально весьма удаленных — Искитим в Новосибирской области и Усть-Лабинск в Краснодарском крае. Административные центры обоих обществ расположены всего в одном часе езды от областного центра, оба общества имеют значительную сельскую округу с развитым сельским хозяйством, и хотя доля городского населения относительно невелика и составляет всего от 40 до 50%, здесь развиты и промышленность, и услуги.

В Искитимском обществе наблюдается высокая занятость в местной экономике (85%), большинство же тех, кто находится вне ее, являются маятниковыми мигрантами в ближайшие города Бердск и Новосибирск, а также на окрестные крупные промышленные предприятия. Очень велика доля населения, занятого в сфере услуг — более 1/2, что связано с обслуживанием ближайшего областного города и туристов на оживленной трассе Р256 «Чуйский тракт». Потому велика и доля занятых в среднем и малом бизнесе, так же, как и количество таких предприятий, много индивидуальных предпринимателей. Много крупных и средних предприятий, в том числе производящих уникальную продукцию.

Структура занятости населения в неформальной экономике сильно отличается от вышеописанных во всех других типах обществ. «Гаражная экономика» присутствует, но умеренно. Нет отходников.

Нет, конечно, и «мануфактур». Домашние промыслы развиты, но больше для собственного потребления, хотя жители сельской округи торгуют на трассе, а также обеспечивают население пригородов и города мясом, молоком, овощами, картофелем, дровами по индивидуальным заказам. Развиты теневые и криминальные промыслы (в частности, торговля наркотиками — перевалка из регионов Средней Азии).

Пригородное положение Усть-Лабинска рядом с Краснодаром делает его похожим на общество Искитима, но имеется специфика, обусловленная более развитым агропромышленным производством, где заняты многие работники, а также незначительным развитием сферы услуг в формальном секторе экономики. Зато эти же услуги очень развиты уже как неформальные промыслы: извоз, грузоперевозки, торговля. Весьма развито личное подсобное хозяйство, как везде на юге, и все связанные с ним промыслы: торговля собственной продукцией, предоставление услуг проезжающим и отдыхающим. Предположительно, в меньшей степени, чем в Искитиме, развиты криминальные промыслы, но надежных данных я не имею. В остальных же сегментах неформальной экономики — отход, «гаражники», «мануфактуры» — общество Усть-Лабинска далеко не достигло той высокой степени развития, которая характерна для изолированных и «ординарных» обществ.

9.6. Типические различия промысловых практик

Обобщенный взгляд на особенности местной экономики в выделенных типах обществ заключается в следующем (см. также табл. 5.1). Общества изолированные имеют обычно богатые природные ресурсы и существенно более развитую неформальную экономику, нежели общества «турбулентные». Население в наибольшей степени предоставлено здесь само себе. От 1/3 до 1/2 трудоспособного населения находятся вне местной экономики. В основе неформальной экономики изолированных обществ как естественного, так и принудительного типов развития — промыслы на природных ресурсах и личное подсобное хозяйство, в некоторой степени — трудовая миграция (отходничество). Вместе с тем в таких обществах имеет место

и очень значительная государственная поддержка, вследствие которой много людей работают в бюджетной сфере, много семей имеют различные государственные пособия. Важной особенностью неформальной экономики таких обществ является большое разнообразие промысловых практик, преобладание архаических промыслов над современными (ср. рис. 5.1).

«Ординарного» типа общества имеют экономику, частью выстроенную на природных ресурсах, частью же на промышленности и сельском хозяйстве. То и другое на равных составляет экономическую основу жизни их населения. Здесь велика и доля незанятого населения. Структура местной экономики по сферам занятости населения схожа у «ординарных» и у изолированных обществ принудительного развития. Гипертрофирована бюджетная сфера и слабо развита сфера услуг при умеренном развитии материального производства. Основу неформальной экономики составляют в первую очередь личные подсобные хозяйства и во вторую — природные ресурсы (см. табл. 5.1).

Важная особенность изолированных и «ординарных» обществ принудительного развития — специализация многих из них на отдельных видах промыслов, что делает их зависимыми от изменчивой конъюнктуры. Эта схожесть структуры и состава местной экономики и промыслов в обоих типах обществ, имеющих значительную поддержку со стороны государства, позволяет объединить их в один «сборный» тип (отмеченный как «Тип III» на рис. 1.1).

В «турбулентных» обществах вне экономики находится наименьшая доля населения. Общества имеют существенно более развитую, сравнительно с остальными, местную экономику в части материального производства и услуг. При этом и занятость в бюджетной сфере относительно невелика. Здесь менее распространена и неформальная экономика. Она больше ориентирована на новые виды промыслов и на человеческие и инфраструктурные ресурсы, нежели на природные ресурсы и архаические промыслы (см. табл. 5.1 и рис 5.1). Население далеко не всегда имеет возможности самообеспечения. Эти особенности характерны более для «турбулентных» обществ принудительного развития, нежели для таких же обществ естественного развития. «Турбулентные» общества при-

нудительного развития схожи по структуре и составу местной экономики с такими же «ординарными» обществами. Поэтому они и объединены в «сборный» тип (отмеченный как «Тип II» на рис. 1.1).

Наконец, надо отметить и некоторые другие типовые различия. Например, между всеми обществами принудительного развития имеется меньше различий в структуре формальной местной экономики, чем между такими же типами обществ естественного развития. Возможно, это обусловлено существенно большим участием государства в местной экономике в первом случае, вследствие сырьевой ее ориентации и развитости материального производства. Здесь же имеет значение и немалый вес бюджетной сферы в таких обществах, при том, что выше и доля занятых в местной экономике.

Напротив, в структуре неформальной экономики большие различия наблюдаются между изолированными и «турбулентными» типами обществ, нежели между обществами, дифференцированными по степени участия государства в обеспечении их существования (типы естественного или принудительного развития). Для наглядности привожу примеры как в одном, так и во втором случаях.

Особенно ярко различия проявляются в соотношении архаических и современных видов промыслов в разных типах местных обществ. На рис. 9.2 показано распределение нескольких десятков местных обществ по степени развитости тех и других видов промыслов (в соответствии с описанием, приведенным в параграфе 5.3, в табл. 5.1). Выделенные тонкими сплошными линиями два кластера охватывают общества, относимые к «турбулентным» — вверху слева — либо к изолированным — внизу справа. Оба кластера включают и общества «ординарного» типа. Перекрытие кластеров в левой нижней части графика указывает на то, что изолированные и «турбулентные» общества неразличимы по неформальной экономической активности домохозяйств в случае редукции как архаических, так и современных промыслов по разнообразию и массовости (см. об этом выше параграф 5.6 в главе 5). Такая редукция имеет место, как отмечалось ранее, в случае массовой промысловой специализации домохозяйств и преобладании одного-двух видов ресурсов для обеспечения промыслов, следствием чего оказывается снижение

устойчивости сообщества к неблагоприятным внешним воздействиям. Однако так бывает не в любом случае, как показано ниже.

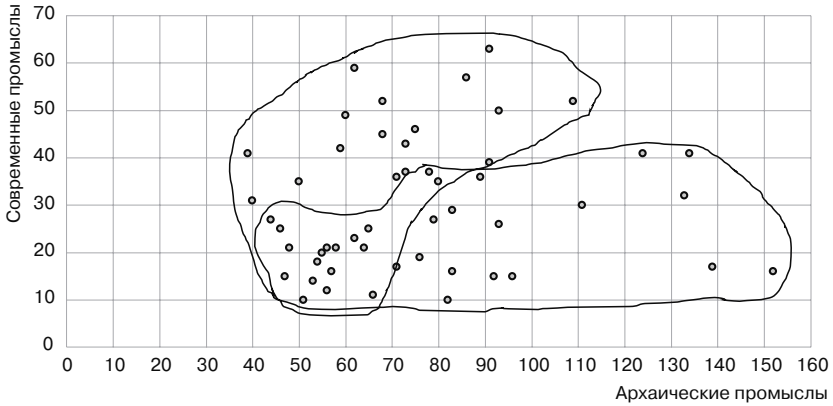

Рис. 9.2. Распределение провинциальных местных обществ по представленности в неформальной экономике домохозяйств архаических и современных видов промыслов (в соответствии с табл. 5.1 и табл. III (см. прил.); значения шкал такие же, как на рис. 5.1). Замкнутыми линиями выделены перекрывающиеся кластеры, составленные преимущественно из обществ, различающихся степенью пространственной изоляции: нижний правый — изолированные и «ординарные», верхний левый — «турбулентные» и «ординарные»

Далее посмотрим на различия архаических и современных промысловых практик в обществах с разной социальной историей — обществах, дифференцированных по основанию естественности или принудительности образования и последующего развития. На рис. 9.3 показаны два графика один над другим для наглядности сравнения: верхний представляет распределение древних и новых промыслов в обществах, отнесенных к типу естественного развития, нижний — в обществах принудительного типа развития. В первом случае распределение точек вокруг средних значений, отмеченных вертикальной и горизонтальной линиями, широкое и равномерное, дисперсия велика, следовательно, нет выраженного

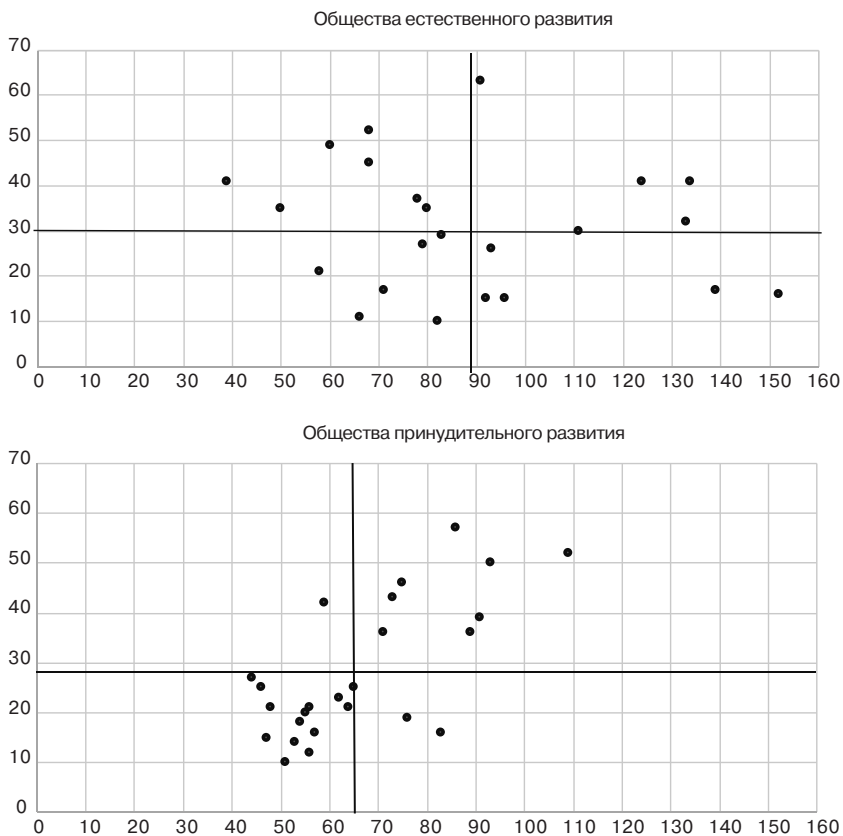

Рис. 9.3. Распределение провинциальных местных обществ естественного типа развития (вверху) и принудительного типа развития (внизу) по представленности архаических и современных видов промыслов в неформальной экономике домохозяйств. Обозначения как на рис. 5.1; пояснения в тексте

предпочтения архаических или современных промыслов. Здесь есть как общества с выраженным преобладанием архаических промыслов (нижний правый квадрант) — это все изолированные поселения, — так и общества с преобладанием современных промыслов (верхний левый квадрант) — это почти все «турбулентные» общества

(что уже отмечено на рис. 9.2). Немало и обществ, домохозяйства которых широко используют те и другие виды промыслов (верхний правый квадрант). Практически нет обществ, где была бы редуцирована промысловая активность домохозяйств: те пять обществ, что располагаются в нижнем левом квадранте, не могут быть отнесены к таковым, поскольку по количеству архаических видов промыслов относятся, скорее, к первой указанной группе — и это видно при сравнении двух графиков.

Нижний график контрастен верхнему в отдельных частях. Как видно, распространенность современных промыслов в обоих случаях одинакова (значения 29 и 28), но распространенность архаических промыслов в этом втором случае существенно меньше, чем в первом (значения 66 и 89 соответственно). Исходя из вышеизложенного, такие различия легко объясняются сильной зависимостью населения обществ принудительного развития от государственного финансирования и, как следствие, слабым развитием системы автономного жизнеобеспечения домохозяйств. Поэтому многие из таких обществ и демонстрируют редукцию промысловых практик. Особенно отчетливо такая редукция промыслов проявляется компактным кластером в левом нижнем квадранте: здесь сконцентрированы общества, в которых большинство домохозяйств могут не иметь значительной активности или узко специализируются на отдельных видах промыслов с привлечением немногих видов ресурсов.

Заключение.

Десять преимуществ неформальных промысловых практик в жизнеобеспечении домохозяйств

Неформальная экономика в российской провинции составляет в наши дни (пока?) значительную, если не превосходящую часть всей местной экономики, а кое-где точно превосходит ее. Масштабность сопровождается разнообразием промысловых практик, когда в любом поселении, сколь бы малым оно ни было, мы насчитываем не один десяток различных видов промыслов. На уровне же целого общества счет доходит уже до сотни видов промысловых практик.

На фоне многообразия и многоцветности неформальной экономики в российской провинции наиболее примечательной особенностью формальной экономики является ее однотипность. В провинции она везде одинакова, прежде всего потому, что сейчас основу ее составляет бюджетная сфера, повсюду устроенная по типовой схеме. Формальная экономика провинции создает однородный серый фон, оттенки которого едва различимы от территории к территории и от региона к региону.

Разнообразны источники неформальных экономических практик. Природные ресурсы и производство продукции на личном подворье составляют основу жизнеобеспечения для подавляющего большинства домохозяйств местных обществ. Но, помимо этого, население использует с максимальной эффективностью и ресурсы другого вида — инфраструктурные (среди которых ресурсы транспортной и информационной инфраструктуры имеют наибольшее значение), человеческие (промысел на людях становится все более популярным в силу доступности услуг и роста благосостояния) и социальные (промысел на социальном государстве не нов, но приобрел в последние десятилетия несопоставимо большие, сравнительно с советским временем, масштабы).

Разнообразны традиции промысловых практик: домохозяйства с одинаковым успехом используют как архаические способы добычи средств существования из природы и хозяйствования на подворье, так и новые, едва только проникшие в местную среду и ставшие знакомыми людям. Так, в одних и тех же сельских домохозяйствах браконьерская охота в тайге и сбор кедровых орехов, наряду с выращиванием картофеля и кур, сопровождается торговлей экзотической продукцией на дальние расстояния и без границ, с использованием социальных сетей в интернете. Среди новых промыслов распространено в сельской местности получение по интернету услуг репетитора из большого города, поиск самых разных товаров как на месте, среди знакомых, так и в других странах: Китае и Австралии, Германии и Турции. Массовое распространение получили в провинции обмены товарами и услугами по интернету; возможно, они имеют даже большее значение, чем для жителей крупных городов и столиц.

Нередкими оказываются дополнительные доходы от незаконного получения государственного пособия, например по безработице и в качестве «представителя малочисленного народа». Народ наш стал очень изобретателен в способах и формах неформальной экономической активности.

Изобильные источники ресурсов порождают и технологическое разнообразие промысловых практик. На фоне широко распространенных простейших технологий, доступных всем и каждому, как сбор грибов в лесу, наблюдается множество технологий уникальных и требующих специальной подготовки, длительного обучения, развитых навыков не только работы с материалом, но и работы с людьми и институтами. Мастерство автослесаря сочетается с мастерством психолога; навыки таежного охотника сочетаются с умениями садовода, выращивающего в течение десятилетий женьшень на таежной плантации; разворотливость и «нюх на туриста» хозяина гостевого домика на берегу теплого моря должны как-то сочетаться с рискован поведением яхтсмена и мастерством доморощенного судостроителя. Примеры все взяты из реальной жизни — и их множество.

Неформальные хозяйственно-экономические практики выполняют две взаимосвязанные, но не всегда сочетаемые задачи. Прежде всего и в основном — для подавляющего большинства домохозяйств — это задача хозяйственного обеспечения, дополнительный, но часто и основной источник средств к существованию. В среднем каждая провинциальная семья, судя по ее расходам, располагает доходом, половину которого составляют формальные виды — заработная плата, жалование, пенсия и разнообразные социальные выплаты, — а другую половину — неденежные доходы из иных источников.

Вторая задача дополнительна первой — обеспечение экономического благополучия сверх необходимого. Это возможно в провинции только за счет неформальной экономики, почти всегда теневой и криминальной. На рыночных пятачках вдоль автомагистралей стоят и торгуют не только те, кто за счет медвежьего жира, капусты и соленых грибов имеет возможность дополнительного дохода, но и те, кто торгует спиртовыми настойками, «травкой» и красно-книжными «корешками», успешная однократная продажа которых обеспечивает семье безбедное существование в течение нескольких лет. Во многих случаях «продажа спичек из леса» (торговля по мелочи) обеспечивает семье неформальный, но постоянный доход, итоговая сумма которого в десятки раз превосходит официальный годовой заработок.

Неформальные практики российской провинции всегда и повсюду предполагают кооперативную деятельность. В большинстве видов промыслов трудно или невозможно осуществлять их силами отдельной семьи. В наших природных и климатических условиях необходима кооперация нескольких, не только родственных, но и соседских домохозяйств. Это побуждает к артельной деятельности — добровольному союзу нескольких домохозяйств, которые кооперируются и координируют свою деятельность во многих видах промысловых практик. Это существенный фактор самоорганизации местного общества на уровне отдельных общин. Самоорганизация местного общества, идущая снизу с уровня общины и постоянно подспудно довлеющая над каждым ее членом, оказывается тем ритмом, который исподволь и непрерывно поддерживает жизнь всех и

каждого. Это есть условие жизнестойкости российского провинциального общества, столь удивляющее внешнего наблюдателя. Объяснение этому я приводил когда-то давно, в начале трудных 1990-х: «...да мы всегда выживем! В каждой семье у нас — картошка в подвале, буржуйка на чердаке, берданка в чулане...». *Semper paratus!*

Наконец, последний результат, вырастающий из анализа промысловых практик провинциальных домохозяйств, заключается в убежденности в неизбежности, вечности и необходимости так называемой неформальной экономики. Мне представляется, что это и есть настоящая — *натуральная* — экономика. Само деление на формальную и неформальную экономики есть бессмысленность. Хотя бы потому, что критерием такого деления является внешний по отношению к экономике признак контроля хозяйственной деятельности людей со стороны государства.

Итак, в завершение позволю себе кратко сформулировать тот десяток преимуществ, вышеперечисленных и описанных в главах, которые предоставляют провинциальному населению неформальные хозяйственно-экономические практики сравнительно с контролируемым государством способами их жизнеобеспечения в рамках формальной экономики:

1. Значительно более высокие доходы, не менее чем вдвое, а чаще в разы превосходящие доходы из официальных источников.
2. Разнообразие источников ресурсов (в отличие от жалования, зарплаты, пенсии, пособия, льготы, которые имеют обычно лишь единственный источник), возможность их комбинировать для эффективного использования.
3. Промысловая диверсификация: множество видов промыслов, практикуемых как отдельными домохозяйствами, так и общинами и местными обществами.
4. Сочетание в жизнеобеспечении домохозяйств архаических, традиционных и новых, современных видов промыслов.
5. Технологическое разнообразие промысловых практик.
6. Использование нескольких видов промыслов позволяет домохозяйству эффективно решать две взаимно дополняющие, но

друг друга не замещающие задачи: самообеспечение и получение дохода.

7. Развитая повседневная кооперация деятельности, организация жителей в соседские промысловые артели.

8. Как следствие этого, устойчивая и эффективная координация трудовых взаимодействий.

9. Кооперация и координация способствуют развитию и поддержанию локальной социальной самоорганизации. Обеспечивается локальное единство провинциального сообщества.

10. Самоорганизация, в свою очередь, является фундаментом развития реального местного самоуправления.

Приложение

Таблица П1. Виды промыслов домохозяйств и их разнообразие в отдельных регионах России (приведено наименование общества, область, в скобках указано количество обследованных населенных пунктов)

Вид промысла	Природные ресурсы												
	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4) Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбков Злынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Новохопёрск (11) Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Торный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Колотряв, Вохма (18) Костромская обл.	
Охота для прокорма	xxx	xxx	x	xx		x	xx	xxx	x	xxx	xxx	xxx	
Охота промысловая	xxx	xxx					xx	xxx		xxx	xx	xx	
Охота туристическая		xxx						xx	xx	xx	x	x	
Охота криминальная		x						xxx	x	xx	x	xx	
Охота на птицу	xxx	x		xx	x	x	x	xxx	xxx	xx	xx	xx	

Продолжение табл. П1.

Вид промысла	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4) Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбков Элынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Торный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Колотряв, Вохма (18) Костромская обл.
Лекарства животные (лупок, струя, желчь, жир)	хх	х					х	х		ххх	ххх	ххх
Охотничьи сувениры (рога, шкуры, клыки)	х						х	х	х	ххх	х	х
Рыбалка для самообеспечения	ххх	ххх	х	хх	хх	ххх	хх	ххх	х	ххх	хх	ххх
Рыбалка браконьерская на продажу	хх	ххх			хх	ххх	х	ххх	х	х		
Рыбалка криминальная		ххх				хх	х	ххх				
Промысел морепродуктов (крабы, моллюски)		х						ххх				
Сбор водорослей (агар, анфельция)		хх						х				
Дикоросы — ягоды	ххх	ххх	хх	ххх		х	ххх	ххх	хх	ххх	ххх	ххх

Продолжение табл. III.

Вид промысла	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4) Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбков Элынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Горный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Колотряв, Вохма (18) Костромская обл.
		xxx	xx	xxx	xx	xxx	xxx	xxx	xx	xxx	xxx	xxx
Деловая древесина, заготовка		xxx		xxx			xxx	xxx	xx	xxx	xxx	xxx
Деловая древесина, браконьерство		xx		xx			xxx	xxx		xxx	x	xxx
Золото, частный промысел								xx				x
Хозяйственные ресурсы, добываемые/производимые на базе отдельных домохозяйств												
Виноградарство						xxx						
Виноделие и торговля				x		xxx		x	xxx	x	x	
Самогонование (пиво, брага, самогон, арака, чача)	xx	xx	x	x	x	x	xxx	xxx	xxx	xxx	xxx	xx
Огородничество (овощи)		x	xxx	xxx	xxx	xxx	xxx	xxx	xxx	xxx	xxx	xxx
Садоводство (фрукты, ягоды)			x	xx	xx	xxx		xxx	x	xxx	xxx	x

Вид промысла	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4) Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбковская обл. (12) Брянская обл.	Урюпинск Новоотрпск (11) Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Торный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Котгорин, Вохма (18) Костромская обл.
Теплицы (зимние овощи)	XX	X	XX	XX			XX	X		XX	XXX	XX
Пчеловодство			X	X	X	XX	XX	XXX	XX	XXX	XXX	XX
Производство молока		X		XX	X	XX	X	XXX	XX	XXX	XXX	XXX
Производство масла, сыра, сметаны				X	X	XXX	X	XXX	XXX	XXX	XXX	XXX
Производство соков					X			XX	XX		X	
Мараловодство (панты)								X		XXX	XX	
Коневодство		X		X			XX	X	X	XXX	XXX	
Животноводство (коровы, овцы, козы)		XX		X	XXX	XX	XX	XXX	XX	XXX	XXX	XX
Свиноводство				XXX	XX		X	X	XX	X	XX	XX
Скотоводство отгонное (овцы)									XX	XXX		
Оленеводство	XXX	X										

Продолжение табл. П1.

Вид промысла	Анабар (2) Якутия											
	Терский берег (4)	Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбков Элынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Новоотрск (11) Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Торный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Колотряв, Вохма (18) Костромская обл.
Птицеводство			х	xxx	xxx	х	х	xxx	xxx	хх	xxx	хх
Рыбоводство прудовое			х	х	хх	х	х	х			х	х
Переработка водорослей	х						х					
Переработка морепродуктов (рыба, икра, моллюски, крабы)	xxx	xxx				xxx	xxx					
Консервация пищевых дикоросов	xxx	xxx	хх	хх			хх	хх		xxx	xxx	xxx
Консервация лекарственных дикоросов							xxx			х		
Консервация продукции огорода-сада	хх	хх	xxx	xxx	xxx	xxx	xxx	хх	хх	х	xxx	xxx
Соление, копчение мяса, сала	хх	хх	х	х			хх	хх	хх	xxx	xxx	xxx

Вид промысла	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4) Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбков Злынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Торный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Котгорив, Вохма (18) Костромская обл.
Консервация рыбы, соление, копчение	xxx	xxx			x	xxx	xx	xxx	xx	xxx	x	x
Травы кормовые, сено		xx		x	xxx		xxx	xxx	xx	xxx	xxx	xxx
Технические растения (кукуруза, подсолнечник, соя)					xxx	xx		xxx	xxx		x	
Табакводство				x	x	x		x	x	xx	x	
Выращивание конопли								xxx		x	x	
Выращивание женьшеня, золотого, красного корня								xx		x		
Картофель		xx	xx	xxx	xxx	xx	xxx	xxx	xxx	xx	xxx	xxx
Зерновые				xx	xx	xxx		xx	xxx		xxx	x
Хлебопечкарное производство			x	x	x	xx	x	xxx	xx	xxx	xx	xx
Пищевой цех (пирогои, пельмени, булочки)	x	x		x		xx			xxx	x	xx	x

Вид промысла	Надомные кустарные промыслы											
	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4) Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбков Элынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Горный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Колотряв, Вохма (18) Костромская обл.
Ювелирные изделия (золото, серебро, драгоценные камни)			xx					x	x			x
Сувениры этнографические	xx	xx	xx	x	xx	xx	xx	x	x	xx	x	x
Народные художественные промыслы		xx	xxx	xx	x	xx	xx	x	x		x	x
Скобяные изделия (ковка, литье)			xx	x		xx	xx	x	x		x	x
Надомные бытовые услуги — ремонт техники	xx	x	xx	xx	xx	x	x	x	x	xx	xxx	xx
Вязание, прядение (пух, шерсть)			x	x	xxx	x	xx	x	xx	xx	x	x

Продолжение табл. П1.

Вид промысла	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4) Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбков Элынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Новоотрск (11) Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Горный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Колотряв, Вохма (18) Костромская обл.
Торговля на дому (интернет-торговля)	х	х	хх	хх	ххх	ххх	хх	х	х	ххх	ххх	хх
Извоз (пассажирские такси)		х	хх	ххх	ххх	ххх	хх	хххх	ххх	ххх	ххх	хх
Перевозка грузов (грузотакси)		х	хх	х	ххх	хх	хх	хххх	х	хх	хх	хх
Услуги по доставке надомной продукции					хх	хх		хххх	х			х
Автосервис		х	ххх	ххх	ххх	хх	ххх	хх	хх	х	ххх	ххх
Автомойсал (перетон, переборка, продажа)			ххх	ххх	х			х	хх	х	х	
Аренда транспорта			х	х	ххх	х	х	хх	хх	ххх	х	
Лесопилка, первичная переработка древесины		ххх		ххх			ххх	ххх	х	ххх	ххх	ххх

Вид промысла	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4) Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбков Злынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Новохоперск (11) Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Торный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Котгорив, Вохма (18) Костромская обл.
	Дачники — услуги		xxx	x	xx	x	x	xxx	xx	x	x	
	Целительство, травничество			x	xx	x	x	x	xx	x	x	
	Эзотерические услуги (колдовство, шаманизм)	xx		xx	xx	x	xx	x	xx	xx		
	Религиозные обряды «на дому»	xx	x	x		x	xx	x	x	x		
	Врачебные практики (надомное лечение)	x	x			x	x		x	x	x	
	Врачебные практики (стоматология)			xxx	xx	x	x	x	x	x		x
	Проституция			xx	x	xxx		xx	x	x	x	
	Ростовщичество								xx			
	Финансовые услуги — ломбард, микрофинансовая организация	xx	xx	xx	xx	xxx	xx	xxx	xxx	xxx	x	x

Продолжение табл. П1.

Вид промысла	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4)	Подмосковье (4)	Новозыбков Элынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Новоотрск (11) Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Горный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Колотряв, Вокма (18) Костромская обл.
Гигиенические услуги (массаж, парикмахерская)		х	xxx	х	xx	х	xx	xxx	xx	xx	х	х
Спортивные услуги (снаряжение, организация походов)		xxx		х	х	xxx	xx	х	xx	xx	xx	
Организация развлечений на природе		xxx				xxx		xx	xx	xx	х	
Гостевые дома, хостелы, пансионаты		xx	xxx	х	х	xxx	х	xxx	xxx	xx	х	х
Столовые, кафе, рестораны		х	xxx	х	х	xxx	х	xxx	xx	х		х
Услуги трансграничной торговли — «помогайки», «камэлы»					х			xx	х	х	х	
Помочи (безвозмездные услуги)	xxx	xxx		х			xxx	х	xx	xx	xxx	xxx

Продолжение табл. П1.

Вид промысла	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4) Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбков Элынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Торный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Колотня, Вокма (18) Костромская обл.
Стихийные бедствия (потопы, пожары, ураганы, радиация)	xx		x	xxx				xx	x	x	x	
«Малочисленный народ»	xxx							x		xx	x	
Особые категории населения (казаки, ликвидаторы и проч.)					xxx	xx					xx	
Банковские кредиты без возврата									xxx			
Сиделки (промысел на помощи нуждающимся)									x			
Промысел на приемных детях (семейный детский дом)		x	x	x	x				x	x	x	x
Промысел на своих детях (материнский капитал)	xx	x		x	x	x			xx	xx	x	x

Вид промысла	Анабар (2) Якутия	Терский берег (4) Мурманская обл.	Подмосковье (4)	Новозыбков Злынка (12) Брянская обл.	Урюпинск Новоотрск (11) Волгоградская и Воронежская обл.	Тамань и Анапа (13) Краснодарский край	Каргополье (11) Архангельская обл.	Приморье (41)	Северная Осетия (20)	Торный Алтай (4)	Чарышское (4) Алтайский край	Котгорив, Вохма (18) Костромская обл.
Инвалиды	x	x	x	x	x		x					
Сельхозпай (сдача в аренду)				xxx	xxx	xxx	xxx		xxx	x	xxx	
Пособия по бедности	xx		x	x			xx		xx	xx		x
Кладбищенский промысел									x			

Примечания. Все промыслы разделены на группы по виду основного используемого ресурса. Обозначения территорий, где проводились исследования, включают наименование региона или района, в скобках приведено количество обследованных населенных пунктов.

Распространенность (массовость) промыслов обозначена градацией трех уровней:

xxx — вид промысла имеет массовый характер, большинство или все домохозяйства местного общества/населенного пункта заняты в них;

xx — промысел обычен в сообществе/населенном пункте, но не имеет массового характера;

x — промысел редок или единичен (им занимаются единичные домохозяйства), но его наличие в населенном пункте было зафиксировано.

Библиография

- Алимова Т.А., Ченина А.В., Чепуренко А.Ю. Экономический кризис и предпринимательская деятельность населения России: открывать свое дело или выходить из бизнеса? // Мир России. 2011. Т. 20. № 2. С. 142–160.
- Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый хронограф, 2012.
- Ахизер А.С. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89–100.
- Барсукова С.Ю. 2016? Ссылка есть, источника нет.**
- Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015.
- Барсукова С.Ю. 2009? Ссылка есть, источника нет.**
- Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Барсукова С.Ю. Сетевая взаимопомощь российских домохозяйств: теория и практика экономики дара // Мир России. 2003а. Т. 13. № 2. С. 81–122.
- Барсукова С.Ю. Неформальная экономика: понятие, структура // Экономическая социология. 2003b. Т. 4. № 4. С. 15–36.
- Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 99–111.
- Бродель Ф. Время Мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1992.
- Був В.В. Теневая деятельность малых предприятий // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 4(98). С. 57–74.
- Буркин С.А. Численность отходников в России в конце XIX в. // Вопросы истории. 1978. № 9. С. 201–209.
- Вахитов Р. Промысел как феномен сословного общества // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 1(135). С. 51–57.
- Весин Л. Значение отхожих промыслов в жизни русского крестьянства // Дело. 1886. № 7; 1887. № 2. С. 102–124.

- Владимирский Н.Н.* Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Издание Костромского губстатотдела, 1927.
- Водарский Я.Е., Истомина Э.Г.* Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М.: ИРИ РАН, 2004.
- Воронцов В.П.* Очерки кустарной промышленности в России. М.: Лананд, 2015.
- Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация / под общ. ред. А.М. Никулина. М.: Изд. дом «Дело», 2012.
- Второе пленарное заседание: социальная сфера в поиске денег и идей. XIV Апрельская конференция ВШЭ [Электронный ресурс]. <https://www.hse.ru/news/extraordinary/79252003.html>
- Герцен А.И.* Русские немцы и немецкие русские [Электронный ресурс]. <https://arheve.org/details/gercen-ai-1/russkie-nemcy-i-nemeckie-russkie>
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* (ред.). В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* (ред.). Нестандартная занятость в российской экономике. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006.
- Гиндин Я.* Наш хозяйственный подъем и новые задачи регулирования рынка труда // Вопросы труда. 1925. № 11. С. 38–44.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково Поле, 2000.
- Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.
- Григорьев Л.М., Морозкина А.К.* Успешная неустойчивая индустриализация мира: 1880–1913. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.
- Давыдов М.А.* О проблемах российской модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 33–44.
- Данилов В.П.* Крестьянский отход на промыслы в 1920-х гг. // Исторические записки. 1974. Т. 94. С. 55–122.
- Деларов Д.И.* Северная область и ее место в народном хозяйстве СССР // Север, Вологда. 1928. № 7–8. С. 135–160.
- Дятлов В.И., Григоричев К.В.* (ред.). Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества. Иркутск: Оттиск, 2013.
- Зензинов В.М.* Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Типография П.П. Рябушинского, 1914.

- Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М.: Новый хронограф, 2010.
- Ильин В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 25–47.
- Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
- Ильин В.И. Подарок как социальный феномен // Рубеж (Альманах социальных исследований). 2001. № 16/17 [Электронный ресурс]. <http://socnet.narod.ru/Rubez/16-17/ilyin.htm>
- Ильина М.А., Ильин В.И. Российский базар: социальная организация и маркетинг. Сыктывкар, 2001.
- Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009.
- Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУ ВШЭ, 2001.
- Карышев Н.А. К изучению наших отхожих промыслов // Русское богатство. 1896. № 7. С. 1–24.
- Киприянов В.М. Русское сердце Арктики. Загадка мамонта. Вохма, 2018.
- Ковалев Г.Ф. Взаимосвязи типа «патрон — клиент» в российской экономике // Неформальная экономика: Россия и мир / под общ. ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 125–137.
- Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
- Коклан Д., О'Коннел Дж., Мерфи И. Знания, инновации и творческий потенциал как основа экономического развития в XXI в. // Вестник международных организаций. 2010. Т. 5. № 3. С. 21–32.
- Кордонский С.Г. Россия. Поместная федерация. М.: Европа, 2010.
- Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России (ч. I) // Мир России. 2008а. Т. XVII. № 3. С. 37–66.
- Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России (ч. II) // Мир России. 2008б. Т. XVII. № 4. С. 3–36. **В тексте нет ссылки на этот источник!**
- Кордонский С.Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000.
- Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М. Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России // Мир России. 2018. Т. XXVII. №. 4. С. 6–30.

- Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М. Местное самоуправление или муниципальная власть? // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 3 кн. Кн. 1. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. С. 167–175.
- Кордонский С.Г., Плюснин Ю.М., Крашенинникова Ю.А., Тукаева А.Р., Бойков Д.В., Моргунова О.М., Ахунов Д.Э. Российская провинция и ее обитатели (опыт наблюдения и попытка описания) // Мир России. 2011. Т. XX. № 1. С. 3–33.
- Кордонский С.Г., Скалон В.А., Плюснин Ю.М. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009.
- Крадин Н.Н., Лынина В.А. (ред.). Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток: Дальнаука, 1995.
- Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. Челябинск: Социум, 2004.
- Кустарная промышленность России. Разные промыслы: очерки. В 2 т. СПб.: Г.У.З. и З. Отд. сельской экономики и сельскохозяй. статистики, 1913. <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/16878>
- Кюстер Х. История леса. Взгляд из Германии. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / К.В. Аверкиева и др.; под ред. Т.Г. Нефедовой и др. М.: Новый хронограф, 2016.
- Мердок Дж.П. Социальная структура. М.: ОГИ, 2003.
- Миц Л.Е. Аграрное перенаселение и рынок труда в СССР. М.; Л.: ГИЗ, 1929.
- Миц Л.Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М.: Вопросы труда, 1926.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Тихонова Н.Е. и др. М. [б. и.]; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Неформальная экономика в российских домохозяйствах в первой половине 2000-х: домашний труд, агропроизводство и межсемейные трансферты / Е. Гладникова и др.; отв. ред. В.В. Радаев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.
- Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999.

- Никулин А.Н. Предприятия и семьи в России: социокультурный симбиоз // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Изд. дом «Дело», 1998.
- Отходники / Ю.М. Плюснин и др.; науч. ред. С.Г. Кордонский М.: Новый хронограф, 2013.
- Павлов А.Б., Селеев С.С. Феноменологическое описание современных промыслов // *Universum: общественные науки*. 2015. Т. 3. № 13. С. 25–41.
- Пилиховский А., Столбов В. Неформальная кооперация в сельских общинах // *Социологические исследования*. 2000. № 1. С. 36–38.
- Плюснин Ю.М. Неформальная экономика российской провинции: источники ресурсов и виды промысловых практик домохозяйств // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. Т. XXV. № 4. С. 73–106.
- Плюснин Ю.М. Российское отходничество: веки многовековой истории // *ЭКО*. 2019. Т. 49. № 11. С. 94–115.
- Плюснин Ю.М. Промыслы провинции: архаические и современные экономические практики населения // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018а. Т. XXI. № 1. С. 73–106.
- Плюснин Ю.М. Территория общественного благополучия. Взаимодействие этносоциальных групп в Еврейской автономной области // *Идеи и идеалы*. 2018б. Т. 1. № 4. С. 136–159.
- Плюснин Ю.М. Вдали от государства: отходники и власть в современной России // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2016. № 1. С. 60–80.
- Плюснин Ю.М. Свои и чужие в русском провинциальном городе // *Мир России*. 2013. Т. XXII. № 3. С. 60–93.
- Плюснин Ю.М. Отходничество в современной России // *Отечественные записки*. 2012. № 5(50). Социальная мобильность. С. 240–256.
- Плюснин Ю.М. Факторы развития местного самоуправления. Оценка значения изоляции и изоляционизма // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2008. № 3. С. 38–50.
- Плюснин Ю.М. Модели жизнеобеспечения поморского населения Русского Севера в современных условиях // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 1997а. № 3. С. 180–192.
- Плюснин Ю.М. Психология материальной жизни (парадоксы сельской «экономики выживания») // *ЭКО*. 1997б. Т. 9. № 3. С. 39–46.

- Радаев В.В.* Теневая экономика в России: изменение контуров // *Pro et Contra*. 1999. Т. 4. № 1 (10). С. 5–24.
- Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // *Полития*. 2010. № 3–4 (58–59). С. 150–191.
- Рогозин Д.М., Игнатова А.А., Галиева Н.И.* Этнографическое интервью. М.: Дело, 2020.
- Рындзюнский П.Г.* Крестьянский отход и численность сельского населения в 80-х годах XIX в. Проблемы генезиса капитализма. М.: Наука, 1970.
- Селеев С.С., Павлов А.Б.* Гаражники. М.: Страна ОЗ, 2016.
- Сергеев Д.В.* Социально-культурная ситуация в России начала XXI в.: рецидивная культура, архаизация, изобретенная архаика // *Мир России*. 2012. Т. XXI. № 3. С. 100–118.
- Скотт Дж.* Моральная экономика деревни // *Неформальная экономика: Россия и мир* / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 541–544.
- Смурова О.В.* Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861–1914 гг: по материалам Санкт-Петербурга и Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний. Кострома: Изд-во Костромского гос. технологического университета, 2003.
- Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа)* / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016.
- Сталинов Г.А.* Самоорганизация атомизированных мобильных работников: практики воспроизводства трудовой солидарности среди дальнбойщиков // *Мир России*. 2024. Т. 33. № 1. С. Хxxx (в печати).
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
- Суворов К.И.* Исторический опыт КПСС по ликвидации безработицы (1917–1930). М.: Мысль, 1968.
- Суханов Н.Н.* К характеристике российского пролетариата // *Современник*. 1913. № 4. С. 320–328.
- Тешке Б.* Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.
- Торгово-промышленная Россия. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1899.
https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003646273/

- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.
- Тургель И.Г. Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Фадеева О.П. Межсемейная сеть: механизмы взаимоподдержки в российском селе // Неформальная экономика: Россия и мир / под ред. Т. Шанина. М.: Логос, 1999. С. 183–218.
- Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. Новосибирск: ИОПП РАН, 2015.
- Федоров А.Н. Реальная опора советской власти: социально-демографические характеристики городского населения России в 1917–1920 годах (на материалах Центрального промышленного района) // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 1. С. 69–86.
- Холодов В.И., Пиркова А.В., Ладыгина Л.В. Выращивание мидий и устриц в Черном море. Севастополь: Ин-т биологии южных морей им. А.О. Ковалевского, 2010.
- Чепуренко А.Ю. Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM // Мир России. 2008. Т. XVII. № 2. С. 22–40.
- Шабанова М.А. Сезонные строители в сибирском селе // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. «Экономика и прикладная социология». 1986. № 7. Вып. 2. С. 48–57.
- Шабанова М.А. Современное отходничество как социокультурный феномен // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 55–63.
- Шанин Т. Социально-экономическая мобильность и история сельской России 1905–1930 гг. // Социологические исследования. 2002. № 1. С. 1–21. <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-01/Shanin.pdf>
- Штейнберг И.Е. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. М.: ВЦИОМ, 2022.
- Штейнберг И.Е. Реальная практика стратегий выживания сельской семьи — «сетевые ресурсы» // Куда идет Россия? Формальные институты и реальные практики / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2002.
- Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012.
- Ядов В.А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо — исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 47–50.
- Abbott A. *Methods of Discovery: Heuristics for the Social Sciences*. N.Y.: W.W. Norton and Company, 2004.

- Abbott A.* What do Cases do? // What is a Case? Exploring the Foundations of Social Inquiry / C. Ragin, H. Becker (eds). Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1992. P. 53–82.
- Alexeev M., Gaddy C., Leitzel J.* Economic Crime and Russian Reform // Journal of Institutional and Theoretical Economics (JITE) / Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1995. Vol. 151. No. 4 (Dec.). P. 677–692.
- Barsukova S., Radaev V.* Informal Economy in Russia: A Brief Overview // Economic Sociology. The European Electronic Newsletter. 2012. No. 13(2). P. 4–12. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/155985/1/vol13-no02-a2.pdf>
- Blum J.* Lord and Peasant in Russia from the 9th to the 19th Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.
- Bopp F.* Rapid Manufacturing: Zukünftige Wertschöpfungsmodelle durch generative Fertigungsverfahren. Diplomica Verlag, 2010.
- Burds J.* Peasant Dreams and Market Politics: Labor Migration and the Russian Village, 1861–1905. Pittsburgh (PA): University of Pittsburgh Press, 1998.
- Carneiro R.* The Chieftdom as Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / G. Jones, R. Kautz (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 37–79.
- Carneiro R.L.* A Theory of the Origin of the State // Science, New Series. 1970. Vol. 169. No. 3947. P. 733–738.
- Chepurenko A.* Different Types of Informal Entrepreneurs in Fragile 'Transitional' Contexts: Case Based Evidence in Russia // Entrepreneurship and Local Economic Development: A Comparative Perspective on Entrepreneurs, Universities and Governments / B. Dallago, E. Tortia (eds). N.Y.: Routledge — Taylor & Francis, 2019. P. 1–29.
- Chepurenko A.* Small Family Business in Russia: Formal or Informal? // International Journal of Sociology and Social Policy. 2018. Vol. 38. No. 9/10. P. 809–822.
- Chepurenko A., Popovskaya E., Obraztsova O.* Cross-regional Variations in the Motivation of Early-Stage Entrepreneurial Activity in Russia: Determining Factors // Entrepreneurship in Transition Economies: Diversity, Trends, and Perspectives / A. Sauka, A. Chepurenko (eds). Springer, 2017. P. 315–342.
- Collier P.* Exodus. How Migration is Changing Our World. N.Y.: Oxford University Press, 2013. (Рус. изд.: Коллиер П. Исход: как миграция изменя-

- ет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.)
- Creswell J.W.* Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches. 3rd ed. Sage Publication Ltd., 2009.
- Dekkers R., Bennett D.* Industrial Networks of the Future: Review of Research and Practice // Dispersed Manufacturing Networks. Challenges for Research and Practice. Springer Science & Business Media, 2009. P. 13–34.
- Distributed Manufacturing: Paradigm, Concepts, Solutions and Examples / H. Kühnle (ed.).* L.: Springer Science & Business Media, 2009.
- Glaser B.G., Strauss A.L.* The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. Chicago: Aldine, 1967.
- Gowland R., Thompson T.* Human Identity and Identification. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2013.
- Grossman G.* Notes on the Illegal Private Economy and Corruption / The Soviet Economy in a Time of Change, by U.S., Congress, Joint Economic Committee. Washington, DC: Government Printing Office, 1979. P. 834–855.
- Grossman G.* The Second Economy of the USSR // Problems of Communism. 1977. Vol. 26. No. 5. P. 40 (Sept. — Oct. 1977).
- Heylighen F.* Complexity and Self-Organization. Center “Leo Apostel”: Free University of Brussels, 2008.
- Houston R., Snell K.D.M.* Proto-industrialization? Cottage Industry, Social Change, and Industrial Revolution // Historical Journal. 1984. Vol. 27. No. 2. P. 473–492.
- Johnson A.W., Earle T.* The Evolution of Human Society: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1987.
- Jones R.* The Emancipation of the Russian Nobility. 1762–1785. Princeton, New Jersey, 1973.
- Kahan A., Hellie R.* The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. Chicago: University of Chicago Press, 1985.
- King, G., Keohane R., Verba S.* Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
- Kirdina S., Bessonova O., O’Sullivan R.* Market Experiment in Housing Economy of Russia. Novosibirsk: Novosibirsk University, 1996.
- Kordonsky S.* The social structure of Russia / I. Studin (ed.). Russia. Strategy, Policy and Administration. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2018.
- Kordonsky S.* Socio-Economic Foundations of the Russian Post-Soviet Regime. The Resource-Based Economy and Estate-Based Social Structure

- of Contemporary Russia. (The Ciclical Nature of Russian History). Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2016.
- Kordonsky S., Plusnin J.* Field Research Training in the Department of Local Administration, National Research University — Higher School of Economics // *Laboratorium*. 2015. Vol. 7. No. 2. P. 71–91.
- Kostakis V., Bauwens M.* Network Society and Future Scenarios for a Collaborative Economy. L.: Palgrave Pivot, 2014.
- Kühnle H.* Post Mass Production Paradigm (PMPP) Trajectories // *Journal of Manufacturing Technology Management*. 2007. Vol. 18. No. 8. P. 1022–1037.
- Kühnle H., Bitsch G.* Foundations & Principles of Distributed Manufacturing: Elements of Manufacturing Networks, Cyber-Physical Production Systems and Smart Automation. Springer (Springer Series in Advanced Manufacturing), 2015.
- Ledeneva A.V.* Russia's Economy of Favours: “Blat”, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies / B. Guha-Khasnobis, R. Kanbur, E. Ostrom (eds). Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Mendels F.F.* Proto-Industrialization: The First Phase of the Industrialization Process // *Journal of Economic History*. 1972. Vol. 32. No. 1. P. 241–261.
- Mokyr J.* Growing-up and the Industrial Revolution in Europe // *Explorations in Economic History*. 1976. Vol. 13. No. 7. P. 371–396.
- Murdock G.P.* Social Structure. N.Y.: The Macmillan Co; L.: Collier-Macmillan Limited, 1949.
- Murdock G.P., Ford S.C., Hudson A.E., Kennedy R., Simmons L.W., Whiting J.W.M.* Online of Cultural Materials // *Yale Anthropological Studies*, II. New Haven, 1945. P. 1–56.
- Ogilvie S.C.* ProtoIndustrialization in Europe // *Continuity and Change*. 1993. Vol. 8. No. 2. P. 159–179.
- Patton, M.* Designing Qualitative Studies. [Chapter 5 in *Qualitative Research and Evaluation Methods*]. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001.
- Pirenne H.* Economic and Social History of Medieval Europe. N.Y.: Harcourt Brace, 1937.
- Plusnin J.M., Kordonsky S.G.* Revived Archaic: “Scattered Manufactories” in Provincial Russia // *Cahiers di Scienze Sociali*. 2020. No. 13. P. 31–57.

- Plusnin J.M., Slobodskoy-Plusnin J.J.* Local Government and Small Business: Mismatch of Expectation. WP BRS 04/PA/2013. Moscow: HSE University, 2013.
- Plusnin J.M., Zausaeva Ya.D., Zhidkevich N.N., Pozanenko A.A.* Wandering Workers. Mores, Behavior, Way of Life, and Political Status of Domestic Russian Labor Migrants. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2015.
- Ponomarev B.N.* The International Working-Class Movement: The Origins of the Proletariat and its Evolution as a Revolutionary Class. Moscow: Progress Publishers, 1980.
- Poverty and Social Exclusion in the New Russia / N. Manning, N.E. Tikhonova (eds). L.: Routledge — Taylor & Francis, 2017.
- Prigogine I., Nicolis G., Babloyantz A.* Thermodynamics of evolution // *Physics Today*. 1972. Vol. 25. No. 12. P. 38–44.
- Principles of Self-Organization / H. Von Foerster, G.W. Zopf (Jr.) (eds). L.: Pergamon Press, 1962.
- Rudolph R.L.* Family Structure and Proto-Industrialization in Russia // *Journal of Economic History*. 1980. Vol. 40. No. 1. P. 111–118.
- Rutgeizer V.* The Shadow Economy in the USSR / G. Grossman, V.G. Trembl (eds). Berkeley-Duke Occasional Papers on the Second Economy in the USSR. Duke University Durham, NC. Paper No. 34. February 1992.
- Sampson S.L.* The Second Economy of the Soviet Union and Eastern Europe // *The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*. 1987. Vol. 493. No. 1. P. 120–136.
- Schneider F., Enste D.* Shadow Economies: Size, Causes, and Consequences // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. No. 1. P. 77–114.
- Schneider F.* Shadow Economy Around the World: What Do We Really Know? // *European Journal of Political Economy*. 2005. Vol. 21. No. 2. P. 598–642.
- Schneider F.* Size and Development of the Shadow Economy of 31 European and 5 other OECD Countries from 2003 to 2012: Some New Facts, 2012. https://www.researchgate.net/publication/268185661_Size_and_Development_of_the_Shadow_Economy_of_31_European_and_5_other_OECD_Countries_from_2003_to_2012_Some_New_Facts
- Scott J.* Stratification and Power: Structure of Class, Status, and Command. Cambridge: Polity Press, 1996.
- Scott J.* The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven: Yale University Press, 1976. <https://yale-books.yale.edu/book/9780300021905/moral-economy-peasant>.

- Shanin T.* Revolution as a Moment of Truth: 1905–1907 — 1917–1922. Yale University Press, 1986.
- Shanin T.* The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society, Russia 1910–1925. Oxford: The Clarendon Press, 1972.
- Shils E.* Center and Periphery: Essays in Macrosociology (Selected Papers of Edward Shils, 2). Chicago and London: University of Chicago Press, 1975.
- Shils E.* 'Centre and periphery' // The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to M. Polanyi on his Seventieth Birthday, 11th March, 1961 / Polanyi Festschrift Committee (ed.). Routledge & Kegan Paul, 1961. P. 117–130.
- Social Identity and Intergroup Relations / H. Tajfel (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- State Formation and Political Legitimacy / R. Cohen, J.D. Toland (eds). New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1988.
- Studies in the Second Economy of Communist Countries / G. Grossman (ed.). Berkeley: University of California Press, 1988.
- Sunstein B.S., Chiseri-Strater E.* FieldWorking. Reading and Writing Research. 2nd ed. Boston, N.Y: Bedford / St. Martin's, 2002.
- Tajfel H., Turner J.C.* An Integrative Theory of Intergroup Conflict // The Social Psychology of Intergroup Relations / W.G. Austin, S. Worchel (eds). Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33–47.
- The Cambridge Economic History of Europe. Vol. VII. The Industrial Economies: Capital, Labour, and Enterprise. Part I: Britain, France, Germany, and Scandinavia / P. Mathias, M.M. Postan (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
- The Global Encyclopedia of Informality. Understanding Social and Cultural Complexity / A. Ledeneva (ed.). Vol. 1. L.: UCL Press, 2018.
- The Landscape of Qualitative Research. Theories and Issues / N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (eds). Thousand Oaks; L.; New Delhi: Sage Publication, 1998.
- Tönnies F.* Gemeinschaft und Gessellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. Leipzig Fues's Verlag (R. Reisland), 1887.
- Williams C.* Formal and Informal Employment in Europe: Beyond Dualistic Representations // European Urban and Regional Studies. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 147–159.
- Wyckoff D.D.* Truck Drivers in America. Lexington: Lexington, 1979.
- Yin R.* Case Study Research: Design and Methods. 3rd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2002.

Plusnin, Juri M.

Russian Provincial Crafts Informal Economy of Households [Text] / Juri M. Plusnin; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2024. — 2?? pp. — ??? copies. — ISBN 978-5-7598-????-? (hardcover). — ISBN 978-5-7598-????-? (e-book).

The monograph describes an empirical sociological study of informal economic practices (crafts) in the Russian province. The study was carried out in 2016–2020 and covers about half of the country's regions. The types of crafts are identified and described. The main resources involved in the implementation of households' informal economic activities have been identified. Special attention is paid to archaic crafts in comparison with modern ones. This ratio has been identified as the main condition for the sustainability of local societies. The tendencies of residential specialization of crafts (in cities, towns, and rural areas) are described. The crafts specialization of individual communities and settlements is described. A typology of trades practiced in various Russian local societies has been developed.

For sociologists, economists, specialists in the field of municipal administration.

Научное издание

МОНОГРАФИИ ВШЭ:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Плюснин Юрий Михайлович

**Промыслы российской провинции:
неформальные экономические практики населения**

Зав. книжной редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *А.В. Заиченко*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Петрина*
Корректор *А.В. Заиченко*
Дизайн обложки: *И.В. Ветров*

В оформлении обложки использована фотография Ю.М. Плюснина

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг
обращайтесь в отдел реализации
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 03.07.2024. Формат 60×88/16
Гарнитура Alegreya. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 600 экз. Изд. № 2777. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: +7 499 270-73-59